

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Филологический факультет

Гусева Софья Сергеевна

**Номинативная парадигма единиц, обозначающих лица, и ее
функционирование в тексте (на примере текстов А.П. Чехова)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель
д. ф. н. проф.
Кукушкина Ольга Владимировна

Москва

2017

Оглавление

Оглавление	2
Введение	4
Глава I. Номинация лиц как объект лингвистического исследования.....	9
1. Актуальные аспекты исследования наименований лиц.....	9
2. Средства номинации одного референта как особый объект изучения. Понятия «номинативная парадигма» и «номинативный ряд»	17
3. Проблемы определения состава исследуемых единиц	24
3.1. Собственные, нарицательные, местоименные средства номинации.....	25
3.2. Референтные и нереферентные имена.....	25
3.3. Однословные и описательные средства номинации, эллипсис	26
4. Проблемы классификации средств номинации лиц.....	29
5. Корпусные методы исследования средств номинации лиц.....	30
6. Основные выводы	34
Глава II. Анализ лексического состава наименований лиц в текстах А.П. Чехова	36
1. Особенности основных функциональных типов наименований лиц.....	36
1.1. Онимы	37
1.2. Общие наименования	39
1.3. Чисто оценочные наименования	45
2. Типы информации о человеке и проблемы семантической классификации нарицательных существительных	48
2.1. Классификация имен лиц в «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой и результаты ее использования	50
2.2. Сокращенный вариант классификации «Русского семантического словаря» и результаты его применения к корпусу текстов А.П. Чехова	52
2.3. Классификации имен лиц в «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи» под общ. ред. Л. Г. Бабенко	56
2.4. Вариант семантической классификации наименований лиц, использованный при работе над словником имен лиц А.П. Чехова	59
3. Структура и состав создаваемой словарной базы данных «Наименования лиц».....	65

4. Описание лексического значения отдельных единиц.....	70
5. Основные выводы	76
Глава III. Функционирование наименований лиц в тексте.....	77
1. Текстовые позиции и выбор средств номинации лица	78
2. Первичная (интродуктивная) номинация	80
2.1. Ввод известного автору лица.....	81
2.1.1. Имя нарицательное в позиции первичной номинации	81
2.1.2. Имя собственное в позиции первичной номинации	83
2.1.3. Местоимение 3-го лица в позиции первичной номинации	86
2.1.4. Ввод известного автору лица с помощью именной группы с актуализатором «один»	87
2.2. Ввод неизвестного автору лица.....	89
3. Повторная номинация.....	93
3.1. Местоимение 3-го лица в позиции повторной номинации	94
3.2. Именные группы с актуализатором «этот».....	100
3.3. Идентичная повторная номинация именем нарицательным.....	104
3.4. Описание нового признака лица при повторной номинации.....	107
3.5. Использование рассказчиком наименования, данного персонажем	113
4. Номинации в позиции обращения.....	119
5. Основные выводы	124
Заключение.....	126
Библиография	128
Словари и источники	128
Литература.....	129
Приложение 1. «Словник характеризующих наименований лиц с их семантическими характеристиками (слова на букву «А»)»	146
Приложение 2. «Номинативные ряды персонажей (по текстам А.П. Чехова)».....	165

Введение

Лексико-семантическая группа «имена лиц» является одной из самых изученных в русистике, так как языковые средства именованя человека постоянно находятся в фокусе внимания лингвистов. Однако развитие семантического анализа текста и актуализация задачи его автоматизации, а также интерес к когнитивным аспектам лингвистики поставили на повестку дня новые проблемы и задачи, связанные с изучением этого объекта. В диссертации рассматриваются важнейшие из них: принципы семантической классификации имен лиц; анализ единиц номинации одного текстового референта и закономерностей их выбора; связи между текстовой позицией, типом информации и средством номинации; семантические функции средств повторной номинации.

Теоретической базой исследования послужили основные положения современной лексической семантики и теории языковой номинации, разработанные в трудах таких известных отечественных лингвистов, как Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, Г.А. Золотова, Е.В. Падучева, А.А. Уфимцева, Н.Ю. Шведова, А.Д. Шмелев, а также других русских и зарубежных лингвистов.

Объектом данной диссертационной работы являются русские средства номинации человека. **Предметом** исследования являются их состав, семантические типы, а также особенности их текстового функционирования.

Материалом исследования послужили тексты А.П. Чехова, входящие в электронный корпус, созданный в ЛОКЛЛ филологического факультета МГУ при участии автора диссертации, а также данные русских семантических словарей.

Актуальность и научная новизна данной работы заключается в том, что в ней обсуждается и предлагается вариант семантической классификации существительных, ориентированный на выявление основных типов информации, сообщаемых о человеке, а также анализируется такая единица

текстового именованя референта, как «номинативный ряд». Она позволяет выделять и исследовать все средства номинации, относящиеся к одному и тому же лицу, упоминаемому в конкретном тексте.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней обсуждается и предлагается принцип, на основе которого может строиться семантическая классификация наименований лиц, а также обосновывается необходимость использования таких дополнительных единиц описания средств номинации, как «номинативный ряд» и «номинативная парадигма».

Практическая значимость исследования заключается в том, что составлен словник русских нарицательных существительных с частичным разбиением на выделенные семантические классы и информацией об употребительности, который может быть использован для предварительной автоматической разметки текстов и последующего поиска в них определенных типов информации о конкретном человеке. Кроме того, получены некоторые данные об особенностях устройства номинативных рядов, которые могут быть использованы как при чтении учебных курсов, так и при разработке алгоритмов автоматического анализа.

Основными целями работы являются:

- 1) анализ проблем, связанных с изучением средств номинации лиц;
- 2) создание варианта семантической классификации имен лиц, удобного для автоматизации анализа текстов;
- 3) составление списка русских существительных – имен лиц (на основе «Русского семантического словаря» под ред. Н.Ю. Шведовой и текстов А.П. Чехова) и его частичная семантическая характеристика;
- 4) изучение номинативных рядов, представленных в произведениях А.П. Чехова, и анализ на этой основе закономерностей выбора средств номинации одного и того же персонажа.

Для достижения поставленных целей в работе решаются следующие **задачи**:

- 1) проводится анализ актуальных аспектов исследования объекта;
- 2) на основе «Русского семантического словаря» составляется словник русских имен лиц с семантической характеристикой, с помощью которого определяется состав и типы имен лиц в корпусе текстов А.П.Чехова; список затем пополняется чеховским материалом;
- 3) проводится количественный и качественный анализ полученных результатов, и на этой основе предлагается модифицированный вариант семантической классификации наименований лиц;
- 4) с помощью предлагаемого варианта классификации проводится семантическое описание части алфавитного диапазона словника;
- 5) производится анализ номинативных рядов, представленных в текстах корпуса: исследуются типы информации, сообщаемые в разных текстовых позициях, а также особенности выбора средства повторной номинации.

Исследование проводилось с помощью **методов** компьютерной и корпусной лингвистики, а также методов семантического анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Совокупность средств номинации одного лица в конкретном тексте – самостоятельный и важный объект лингвистического исследования. Эта совокупность может рассматриваться как особая текстовая единица – **номинативный ряд**. В ее основе лежит тождество референта, а ее членами являются как средства идентификации этого референта в тексте (в т.ч. имена собственные и местоимения), так и имена разных таксономических классов, которые используются для его характеристики.
2. При формировании номинативного ряда говорящий не просто подбирает подходящие существительные и их аналоги, а предварительно осуществляет особого вида действия. Сначала выбирается актуальное для данной текстовой позиции свойство референта (тип информации о нем), требующее сообщения, затем говорящий определяет, к какому денотативному классу относится референт по этому свойству. Характеризуемое свойство – важнейший вид

семантической информации о человеке, поэтому семантическая классификация имен лиц должна строиться прежде всего с его учетом. Существующие семантические классификации решают эту задачу не в полной мере, поэтому необходима дальнейшая работа над ними.

3. Такой единицы, как лексико-семантическая группа (ЛСГ), для работы с номинативными рядами недостаточно, так как в них входят не только характеризующие, но и чисто идентифицирующие средства. Создавая номинативный ряд, говорящий осуществляет выбор из всей совокупности средств именованности лиц, имеющихся в языке. Эта совокупность нуждается в самостоятельном исследовании и описании, для чего нужна дополнительная единица описания, более крупная, чем ЛСГ и объединяющая все потенциально возможные средства номинации объектов одного типа. Ее в работе предложено называть «**номинативной парадигмой**».

4. Разные виды объектов (денотатов) различаются по набору свойств, нуждающихся в номинации (ср. различие свойств объектов типа 'человек' и 'город'). Понятие «номинативная парадигма объекта» позволяет описывать эти различия, структурируя лексические средства на основе свойств, потенциально возможных для этого объекта, и соответствующих этим свойствам классов. Полная номинативная парадигма такого объекта, как 'человек' ('лицо'), имеет многочисленные специализированные модификации, поскольку состав свойств и классов, а также степень их значимости зависит от типа дискурса, жанра, тематики, авторских предпочтений и т.п. Описание и сопоставление номинативных парадигм разных типов текстов помогает решать такие задачи, как моделирование предметных областей, автоматическое определение референта, выявление особенностей авторского идиостиля и др.

5. Анализ **номинативных рядов** является удобным инструментом для исследования художественного текста, поскольку помогает разграничивать и сопоставлять взгляды разных персонажей, выявлять позицию автора

(рассказчика), а также наиболее значимые, с его точки зрения, типы информации о конкретной человеческой личности.

6. Проведенный анализ чеховских текстов подтверждает универсальный характер связи сообщаемой информации и средств ее номинации с текстовой позицией, в которой эта номинация осуществляется (первая номинация, повторная номинация, обращение). Он также показывает, что выбор способа идентификации референта в большинстве случаев семантически значим и в целом укладывается в набор тех текстовых функций, которые описаны в специальной литературе.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и двух приложений.

Глава I. Номинация лиц как объект лингвистического исследования

1. Актуальные аспекты исследования наименований лиц

Имена лиц – важнейший объект лингвистического исследования, так как именно они называют главный денотативный компонент высказывания – участника описываемой ситуации. Можно выделить два главных аспекта исследования имен лиц: лексико-семантический и функциональный (текстовый).

При лексико-семантическом анализе имен лиц основной единицей исследования являются нарицательные существительные – имена лиц, а основной единицей, с помощью которой эти слова группируются и системно описываются, является лексико-семантическая группа (ЛСГ).

ЛСГ «имена лиц» рассматривается и описывается с разных точек зрения. Важнейший из аспектов их исследования – *лексикографический*. Для лексикографии важно установить состав лексем, входящих в ЛСГ, описать их значения, происхождение и стилевое распределение (см. [Епимахова 2009], [Конопелькина 2010], [Садр 2011], [Сулейманова 2008] и др.). Наиболее устойчивое ядро русских имен лиц можно считать описанным (см. [«Русский семантический словарь»]), но быстрое развитие разных предметных областей требует постоянного отслеживания и расширения этого ядра и разработки механизма автоматизации сбора информации об используемых средствах номинации человека.

Современные информационные потребности и системное описание лексики требуют не только лексикографической фиксации лексического значения слова, установления его связей с другими словами той же группы, но и отнесения его к определенному семантическому классу. В связи с этим большое значение приобретает работа над семантической классификацией имен лиц. Основное продвижение в этой области для русского языка связано с

«Русским семантическим словарем» под ред. Н.Ю. Шведовой [Русский семантический словарь, 1998] и «Словарем-тезаурусом синонимов русской речи» под общ. ред. Л.Г. Бабенко [Словарь-тезаурус, 2007]. Сложность данной задачи заключается в том, что если в рамках одной узкой конкретной предметной области создать унифицированную и общепринятую семантическую классификацию наименований лиц возможно (хотя работа над этим еще только ведется), то в рамках языка в целом это сделать гораздо труднее. Тем не менее, принципы такой классификации и варианты, приближающие нас к ней, должны разрабатываться и обсуждаться не только специалистами-предметниками, но и лингвистами.

Стремление к комплексности анализа лексических единиц привело к тому, что в последнее время активно проводится анализ имен лиц с точки зрения их *словообразовательной и семантической производности* (см., например, [Басова 1990], [Варламова 2008], [Ерофеева 2003]). Этот анализ позволяет установить, в частности, какие из свойств лиц настолько актуальны для носителей языка, что закрепляются в особых лексемах. А это, в свою очередь, открывает путь для сопоставительных исследований единиц данной группы. Это прежде всего исследования, направленные на выявление *национально-культурных особенностей номинации лиц* (см., например, [Маклакова 2010], [Неупокоева 2008], [Шерина 2010]). Большое внимание уделяется при сопоставлении и *гендерному аспекту*, в рамках которого рассматривается, как в языковой номинации проявляются гендерные стереотипы (то есть обобщенные представления о том, какими свойствами обладают или не обладают мужчины и женщины), как социокультурные факторы влияют на появление и употребление номинации лица в речи (см. [Еременко 1998], [Зайковская 2007], [Комкова 2011]).

Описание единиц не может быть полным без функционального аспекта исследования. Простая инвентаризация и описание значений имен недостаточны для описания закономерностей их выбора и функционирования в

тексте. В языке действует сложнейший механизм, регулирующий выбор говорящим наиболее подходящего имени объекта. В центре этого механизма – наши знания об объекте. В речевых номинациях отражаются и закрепляются наши знания о мире. «Каждый конкретный предмет или явление окружающего мира имеет целую систему свойств и различных связей, которые образуют в нашем сознании довольно сложное представление о данном предмете, т.е. знание о предмете. Наименование предмета совершенно немислимо без предварительного, хотя бы самого элементарного знания данного предмета» [Арутюнова 1977 (2), с. 159]. Эти знания закрепляются в языковых единицах и выявляются через них. В то же время использование средства номинации обусловлено не только знаниями о называемом предмете, но и о самом этом средстве и условиях его употребления. «Выбор речевой номинации определяется рядом факторов: стилем повествования, количеством содержащейся в значении имени информации, логико-синтаксической структурой предложения, в которое входит имя, его коммуникативной функцией, фондом общих знаний собеседников, местом данного сообщения в тексте, ситуацией общения, т.е. прагматическим аспектом речи, этическими нормами, принятыми в данном обществе» [там же, с. 188].

Поскольку человек является центральным объектом номинации, средствам номинации лиц уделяется особое внимание в работах по теории номинации. Именно номинации лиц дают наибольшее число вариантов наименований. Это связано с тем, что потенциальная вариативность речевых номинаций «особенно велика по отношению к объекту-лицу в силу его природной и социальной многогранности, а также в силу его способности к действию и деятельности» [Арутюнова 1977 (1), с. 308]. Не случайно в сборниках под редакцией Б.А. Серебренникова «Языковая номинация. Общие вопросы» и «Языковая номинация. Виды наименований», где рассматриваются в основном общие вопросы, касающиеся номинации как языкового явления, в некоторых статьях в фокусе внимания ученых оказывается именно номинация

лиц. Большое внимание здесь уделяется специфике имен собственных и нарицательных. В частности, в главе 4 «Номинация, референция, значение» (автор – Н.Д. Арутюнова) сборника «Языковая номинация. Общие вопросы» рассматривается зависимость выбора единицы номинации от актуальной коммуникативной функции. Н.Д. Арутюнова выделяет две основные такие функции – идентифицирующую и предикатную – и уделяет большое внимание единицам, для которых характерна идентифицирующая номинация. Такими единицами являются имена собственные, составляющие ядро этой группы, а также определенные дескрипции, которые выбираются не только в зависимости от «свойств идентифицируемого объекта, но и от фона, на котором он фигурирует и от которого он должен быть отделен», для чего в составе значения такой номинации должен присутствовать индивидуализирующий признак [Арутюнова 1977 (2), с. 188–206].

А.А. Уфимцева в главе 1 «Лексическая номинация (первичная нейтральная)» сборника «Языковая номинация. Виды наименований» рассматривает свойства различных единиц, служащих для номинации, в том числе и именных лексем. Автор отмечает, что именные лексем обычно обозначают имя классов предметов или конкретного предмета как члена этого класса, а «имена собственные, в противоположность нарицательным, ограничиваются одной функцией – обозначения, что позволяет им только различать, опознавать обозначаемые предметы, лица, без указания на качественную, содержательную характеристику данного индивидуума или единичного предмета, факта» [Уфимцева 1977, с. 42]. Однако имена собственные, помимо идентификации, имеют и прагматическую функцию, которая заключается в выборе конкретного варианта имени, и выражает эмоционально-оценочное отношение говорящего [там же, с. 43–85].

Н.Д. Арутюнова в главе 5 «Номинация и текст» (сборника «Языковая номинация. Виды наименований») рассматривает, как позиции в тексте влияют на выбор номинации (главным образом, рассматриваются номинации лиц).

Автор выделяет четыре типа таких позиций: (1) экзистенциальная, или интродуктивная – позиция в бытийном предложении или его эквиваленте; (2) идентифицирующая – позиция субъекта и других актантов (конкретных предметов); (3) позиция предиката и (4) позиция обращения, – которые в большом числе случаев заполняются именами существительными, обозначающими лица. Н.Д. Арутюнова выявляет особенности номинаций, которые выполняют в тексте разные функции (коммуникативные задачи) и различаются по типу занимаемого синтаксического места и референции, а также анализирует, как номинации взаимодействуют в структуре текста [Арутюнова 1977 (1), с. 304–357].

В монографии В.Г. Гака «Языковые преобразования» разработаны важные понятия, связанные с повторной номинацией. Здесь выделяются разные аспекты ее исследования: авторизационный, парадигматический, синтагматический, функциональный. В рамках *авторизационного аспекта* исследования лексики, в том числе и ЛСГ «наименования лиц», номинации лица анализируются с точки зрения субъекта конкретной номинации (номинации лица могут быть однофокусными (принадлежащими одному субъекту речевой деятельности), разнофокусными (принадлежащими разным субъектам)) и совмещенными (в одной номинации совмещены точки зрения именуемого персонажа и автора)). В рамках *парадигматического аспекта* выделяются идентичные и вариативные повторные номинации. В.Г. Гак также отмечает различные типы семантических отношений между наименованиями: отношения тождества, включения, пересечения. С точки зрения *синтагматики*, различаются дистантные и сопряженные повторные номинации. В.Г. Гак выделяет два типа повторных номинаций по *функции*: нейтральные и экспрессивные [Гак 1998, с. 524–526].

В монографии Е.В. Падучевой «Высказывание и его соотнесенность с действительностью» поднимается очень важная проблема установления референта номинации и правил выбора его имени. Именные группы с

предметным значением рассматриваются с точки зрения их денотативного (или референциального) статуса, то есть предназначенности к тому или иному типу референции, которая проявляет себя только в речевом акте. В связи с этим Е.В. Падучева выделяет два компонента в составе именной группы: *общее имя* и *актуализатор*. Соединение этих двух компонентов дает актуализованную именную группу, то есть такую, которая обладает денотативным статусом и предназначена для референции. В одной из глав данной монографии Е.В. Падучева уделяет большое внимание функционированию в тексте именных групп типа «*этот* + имя существительное». Автор описывает закономерности, согласно которым в определенных условиях возможно употребление такой группы. По мнению Е.В. Падучевой, они связаны с характером стыка между предложениями, содержащими две разные номинации одного объекта [Падучева 1985, с. 83–86, 158–164].

В монографии Н.Д. Арутюновой «Предложение и его смысл» большое внимание уделяется связи между семантикой существительного и типичными для него синтаксическими позициями. С этой точки зрения нарицательные существительные разделяются на те, для которых более естественна идентифицирующая роль (выделение объекта, о котором делается сообщение, из поля знания или восприятия адресата), и те, которым свойственна роль предикатная (характеризация объекта, о котором делается сообщение). Н.Д. Арутюнова проводит анализ единиц номинации, в результате которого выявляет состав и особенности идентифицирующих и предикатных номинаций. В обеих группах присутствуют интересующие нас имена существительные. Для идентификации объекта, как утверждает Н.Д. Арутюнова, обычно используется три категории имен лица – имя собственное, имя реляционное (*шеф, мать, барин, начальник*) и имя функциональное, обозначающее жизненные «амплуа» (*водопроводчик, дворник, лифтер, монтер, редактор, милиционер, министр*). В роли предикатных знаков (или семантических предикатов) выступают прилагательные и глаголы (эти части речи не способны к денотации, так как

обладают только понятийным содержанием, сигнификатом), а также имена существительные, для которых характерна полная семантическая структура, то есть способность получать как сигнификативное, так и денотативное содержание (имена функциональные, реляционные и окказиональные). Н.Д. Арутюнова приходит к выводу, что «среди имен лица наблюдается достаточно определенная соотнесенность между коммуникативной функцией и способом номинации» [Арутюнова 1976, с. 345-347].

Более частным, но не менее важным вопросам текстовой номинации имен лиц уделяли большое внимание А. Богуславский, А. Вежбицкая, К.С. Донеллан, О. Есперсен, Г. Карлсон, Р. Карнап, Л. Линский, Г. Эванс, Р. Якобсон и многие другие исследователи. Можно говорить о том, что созданная теоретическая база сформировала такой особый предмет исследования, как **номинативное варьирование**. Он исследуется как самостоятельное явление в ряде работ. Так, в работе Г.А. Титовой «Функциональный аспект номинативного варьирования в тексте» рассматривается роль номинативного варьирования (НВ) (на уровне номинации словом или словосочетанием) в реализации речевых функций. Здесь отмечается, что при реализации коммуникативной функции НВ может быть одним из средств достижения коммуникативных целей, может служить изменению интенсивности выражения коммуникативных целей отдельного высказывания, а на уровне всего текста может проявляться как в варьировании обозначений одного референта, так и в сходных моделях наименования разных референтов. Участвуя в реализации когнитивной функции речи, НВ (главным образом за счет стилистически и эмоционально нейтральных описательных номинаций, номинаций-гиперонимов, имен параллельных классов, местоимений и имен собственных) может указывать на разные этапы осмысления объекта номинации, разные стадии его идентификации. Автор также говорит о метаязыковой функции НВ, при реализации которой задействованы прямые, гиперонимические и синонимические номинации, участвующие в налаживании понимания между коммуникантами. В

эстетической (поэтической) функции НВ за счет метафорических и метонимических номинаций, а также номинаций с эпитетами обеспечивает образность текста. Как средство реализации эмоционально-оценочной функции НВ способствует выражению чувств и воли говорящего, а также воздействует на поведение адресата, при этом используются слова с оценочными аффиксами, имена собственные в качестве характеризующих имен, номинации-гиперонимы, графически выделенные номинации, а также метафорические и иронические номинации. Эвфемистическая функция НВ заключается в устранении нежелательного воздействия (появления отрицательных эмоций у коммуникантов), чему служит использование местоимений, абстрактных номинаций. Национально-культурная (или этническая) функция НВ состоит в указании на принадлежность/не принадлежность персонажа к какому-либо сообществу (нации, этнической группе, территориальной единице, имеющей свой диалект и свою культурную специфику) и проявляется с помощью особых формул обращения, искаженных и неверно употребленных номинаций, диалектных слов, ссылок на культурные реалии и др. [Титова 2005, с. 180–186].

Все сказанное ставит на повестку дня такое описание конкретной лексики, входящей в ЛСГ «имена лиц», которое отражало бы связь семантики слова с особенностями его употребления. Значимым продвижением в этом направлении являются исследования А.Д. Шмелева. В его монографии «Русский язык и внеязыковая действительность», помимо прочего, рассматривается такой важный аспект изучения семантики имен существительных, как зависимость постоянных референциальных свойств от семантического класса. Автор отмечает, что в толковых словарях семантические разновидности лексемы не разграничиваются, однако обладают весьма различным и достаточно четко выявляемым референциальным потенциалом («способностью приобретать или маркировать тот или иной тип референции»), имеющим регулярный характер. На основе этих замечаний предлагается классификация имен существительных, построенная на базе того,

каким референциальным потенциалом обладают семантические классы слов. При этом почти все выделенные классы образуются именами существительными, обозначающими лиц (ср. «Результативные имена, каузаторы» (*автор, создатель, убийца*), «Актуальные имена» (*всадник, роженица*), «Качественные существительные» (*болтун, крикун, гуляка*), «Функциональные имена» (*сварщик, токарь, директор*), «Реляционные имена» (*брат, враг, чужеземец*), «Проминальные существительные» (*штука, предмет, особа, тип*)). Таким образом, А.Д. Шмелев предлагает последовательно «учитывать в толкованиях семантические характеристики, которые могут быть "ответственны" за референциальные особенности» [Шмелев 2002, с. 204-232].

Проведенный анализ показывает, что дальнейшее исследование и описание наименований лиц должно идти по пути интеграции их лексико-семантического и функционального описания. Результатом такой интеграции должно стать комплексное описание лексических единиц, учитывающее как тип передаваемой ими информации, так и разного рода условия их употребления, влияющие на их выбор в тексте.

2. Средства номинации одного референта как особый объект изучения. Понятия «номинативная парадигма» и «номинативный ряд»

Созданная теоретическая основа позволила лингвистам приступить к «сплошному» анализу текстовых номинаций (ср. [Соловьева 2006], [Гуцалюк 2010]). Появились и работы, в которых исследуется специфика номинаций лиц в отдельных текстовых позициях (см., например, [Янко 2011], [Ашихмина 2007]).

При анализе номинативного варьирования в конкретных текстах, в текстах одного автора и т.п. возникает необходимость выделения особой единицы описания, в которую можно свести все способы именования одного и того же референта. Эта единица пока еще не имеет устойчивого наименования,

но практически используется достаточно давно. С ней мы имеем дело, например, в «Указателе имен» к академическому «Полному собранию сочинений А.С. Пушкина». Ср. перечень номинаций и их адресов для Д.И. Хвостова [Пушкин 1999, с. 606]:

Хвостов, гр. Дмитрий Иванович («Графов»):
I 22,108,117 ("Свистов", "Хлыстов" или "Графов"),
120- 122, 125, 138, 141, 253 ("Графон", "Грифон"),
270 ("Графон"),
301 ("Свистов"),
302; II 120, 237, 344-345, 371, 378, 403, 623, 627, 879, 913 ("Х***ова"),
927; III 186 ("седой Свистов"),
487, 494, 770, 898; V 145, 472 ("Графов"),
473, 493, 498; XII 295 ("Хлыстов"),
328; XIII 46, 75,90,137,168,171,185, 200, 219, 238, 239, 276 (и изм. цит.: "пиши стихи и отдавай в печать"), 292 ("Хвостовы")
325, 408; XIV 34, 60, 198, 206, 237, 241; XV 28, 29, 219; XVI 11
("современник"),
13 ("сверстник")

Подобные описания хорошо эксплицируют ту работу, которую приходится проделывать языковому сознанию по сведению всех разнообразных наименований одного лица в единое целое, соотносимое с одним и тем же референтом. Анализ таких рядов наименований лиц важен не только с точки зрения исследования самого механизма номинативного варьирования, но и для автоматизации процедуры выделения всей информации о конкретном человеке, упоминаемом в определенном тексте, а также поиска такой информации.

Для обозначения обсуждаемой текстовой единицы, сводящей в одну варианты номинации в работах, посвященных анализу художественного текста, в последнее время все чаще используются термины «номинативный ряд» (НР) и

«номинативная парадигма» (НП). НР определяется как «последовательность морфологически однородных номинативов, объединенных композиционной ролью и связанных с определенным приемом построения текста» [Голикова 2011, с. 6], или как «совокупность всех номинаций, называющих и характеризующих лицо (персонаж)» [Палванова 2012, с. 86]. При выделении такой единицы подчеркивается денотативное и/или референционное тождество входящих в нее средств. Так, в работе [Никитевич 1985] под НР понимается «система единиц, которые, различаясь своей образующей структурой, соотносимы с одним и тем же денотатом, поэтому могут служить названием одного и того же предмета, явления и, следовательно, способны замещать друг друга, выступая как коммуникативные эквиваленты» [Никитевич 1985, с. 116].

Представляется, что с информационной и лингвистической точки зрения разница между референтом и денотатом очень значима и что понятия «номинативный ряд» и «номинативная парадигма» должны быть разграничены. Для описания номинативного варьирования в рамках конкретного текста, т.е. референционного тождества, имеет смысл использовать термин «номинативный ряд» (НР). Номинативный ряд, в соответствии с этим, предлагается понимать как **последовательность наименований одного и того же референта, реализуемую в пределах одного текста**. Слово «ряд» актуализирует здесь важное свойство обсуждаемой текстовой единицы – она позволяет изучать не только состав, но и текстовую последовательность вариантов номинации.

Номинативный ряд – результат выбора наиболее подходящего имени из всех возможных. Наименования, составляющие НР, связаны друг с другом отношениями кореферентности, референциального тождества – «отношениями между компонентами высказывания (обычно именованными группами), которые обозначают один и тот же внеязыковой объект или ситуацию, т.е. имеют один и тот же референт» [Языкознание. Большой лингвистический словарь 1998, с. 243].

При исследовании номинативных рядов на первый план выдвигаются такие аспекты номинативного варьирования, как влияние текстовых позиций и способность варианта обеспечивать правильную идентификацию референта.

Номинативный ряд является результатом выбора говорящим какого-то числа лексических единиц из определенной совокупности. Эта совокупность объединяется прежде всего денотативным тождеством, то есть способностью именовать объект определенного типа, и противопоставлена средствам номинации объектов других типов (ср. различие между средствами номинации лиц, предметов, животных и т.п.). При этом такая совокупность, в том числе и русские средства наименования лиц, включает в себя не только отражающие денотативную специфику имена нарицательные (имена классов, «типизаторы»), но и имена собственные (имена «экземпляров» классов, т.е. «индивидуализаторы»), а также заместители имен (местоименные средства), универсальные для всех типов. Поэтому каждая такая совокупность шире ЛСГ, что делает целесообразным использование особой единицы описания. Поскольку она обладает парадигматическими свойствами, для ее именования можно использовать термин «номинативная парадигма».

Расширенное, неграмматическое использование понятия «парадигма» вызывает у многих лингвистов возражения. Тем не менее, оно достаточно регулярно применяется при описании лексического материала, в том числе целых ЛСГ – см. понятие «лексическая парадигма» (ЛП). Под ЛП понимается чаще всего «объединение грамматически однородных слов, имеющих семантическую общность», при этом в одну ЛП включаются слова, в значениях которых «обнаруживаются не только общие семантические черты, но и дифференцирующие признаки» [Языкознание. Большой лингвистический словарь 1998, с. 366].

С этой точки зрения любую ЛСГ можно рассматривать как лексическую парадигму. Ср.: «в значениях парадигматически противопоставленных слов (целостных самих по себе) могут быть выделены отдельные семантические

элементы – семантическая тема, объединяющая слова в тематическую группу, или лексико-семантическую парадигму, и дифференциальные признаки, т.е. признаки, по которым слова, входящие в данную группу, противопоставлены друг другу» [Шмелев 1977, с. 187–189].

У средств номинации объекта «лицо» общим значением является значение 'человек'. У имен нарицательных и собственных эта сема входит в лексическое значение. У их заместителей оно является контекстуальным. В то же время имеется и второе необходимое условие парадигматичности – наличие выбора между единицами. У имен нарицательных этот выбор обусловлен денотативными, у остальных единиц референционными различиями. Понятие «номинативная парадигма объекта» позволяет выделить всю обширную совокупность языковых средств, способных в текстах именовать такой объект, и акцентирует внимание исследователя на их инвентаризации и описании условий выбора между ними.

Термин «номинативная парадигма» используется в лингвистической литературе с разным содержанием, в том числе и деривационным. Так, в работе Л.К. Жаналиной «Понятие парадигмы в современной лингвистике» под НП подразумевается «реализация номинативного потенциала опорного слова», то есть в НП объединяются все возможности образования номинативных единиц от опорного слова с помощью различных способов номинации – семантической деривации, фразеобразования, словообразования, фразообразования, текстопорождения. В НП, с этой точки зрения, входят лексико-семантические варианты исходного слова, все содержащие его фразеологизмы, все производные слова, словосочетания, предложения, тексты, которые создаются для выполнения номинативной функции [Жаналина]. Такая единица, безусловно, требует своего выделения и описания, но представляется, что при ее наименовании должна упоминаться не просто номинация, а ее деривационный, вторичный характер.

Однако в большинстве случаев данное понятие используется для объединения единиц на основе денотативного тождества. Так, в работе Е.В. Скворцовой «Динамика номинативной парадигмы американских художественных фильмов» под НП понимается «ряд разноструктурных номинативных единиц различной деривационной природы, объединенных по вариативно-инвариантному принципу функционирования в речевом контексте» [Скворцова 2011]. М.С. Дудникова в работе «Номинативная парадигма англоязычного телевизионного дискурса (на материале названий развлекательных телепередач Британии и США)» определяет базу НП сходным образом [Дудникова 2011]. В статье Е.В. Турловой «Номинативная парадигма названий учебных пособий, представленных в каталогах учебной литературы» автор не дает точного определения НП, однако ясно, что под этим понимается список единиц, которые используются в рекламных наименованиях изданий (ср. «...объектом нашего наблюдения послужили названия англоязычных учебных изданий, рекламируемых в зарубежных каталогах учебной литературы») [Турлова 2007]. Термин «номинационная парадигма» встречаем в работе Е.С. Узеневой «Терминология болгарского свадебного обряда в этнолингвистическом освещении». Исследователь использует этот термин для обозначения «терминологически выраженного набора релевантных признаков обозначаемой реалии». Номинационную парадигму, по мнению Е.С. Узеневой, образуют разные наименования одной реалии, которые отражают различные дифференциальные признаки или подчеркивают архисему [Узенева 2002].

В целом ряде исследований рассматриваются суженные до конкретных авторов или текстов способы номинации объекта. В работе Л.Н. Гуковой и Л.Ф. Фоминой «Номинативная парадигма концепта Петербург в дискурсе А.С. Пушкина» данный термин используется для исследования способов номинации одного концепта (типа объекта) у одного автора. При этом номинативная парадигма рассматривается как часть общей «семантико-стилистической парадигмы концепта». Ср. «Совокупность же

разноструктурных номинаций этого концепта в дискурсе А.С. Пушкина формирует его семантико-стилистическую парадигму, в которой презентуется большой объем разнотипной информации – собственно лингвистической, личностно-языковой, энциклопедической и экспрессивно-прагматической» [Гукова, Фомина 2011]. В работе О.Н. Гуцалюк «Типы и функции номинаций персонажа (на материале романов М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и В.В. Набокова «Лолита»)» используется термин «номинационная парадигма», под которым понимается «совокупность всех номинаций лица в тексте» [Гуцалюк 2010].

Термин НП может использоваться и неоправданно широко, обозначая все средства номинации, имеющиеся в языке, без всякой денотативной прикрепленности. Ср. использование понятия «общая номинативная парадигма языка» в следующем названии статьи: «Описательные номинации в общей номинативной парадигме немецкого языка (на материале наименований лиц по профессии)» [Кожанова 2007].

Итак, не вызывает сомнения, что потребность в выделении и исследовании всех средств номинации объектов одного типа, и прежде всего человека, существует и что эта совокупность имеет парадигматические свойства. Парадигматическое и денотативное определение объекта исследования («номинативная парадигма имен лиц») выдвигает на первый план такие аспекты изучения имен лиц, которые до сих пор остаются недоисследованными и наиболее актуальными с практической точки зрения. Как и любая другая парадигма, номинативная парадигма имен лиц требует (1) определения состава входящих в нее единиц, (2) описания различий между ними и (3) выявления закономерностей позиционного распределения – как внутритекстового, так и дискурсивного, тематического и пр.

Рамки общеязыковой номинативной парадигмы объекта типа «лицо» (как и любого другого типа объекта) в конкретных исследованиях могут сужаться в зависимости от того, какие виды текстов изучаются. Так, могут исследоваться

средства номинации лиц в одном тексте, у одного автора, в одной предметной области и т.п. В этом случае можно говорить о «номинативной парадигме лиц» у конкретного автора, в конкретном дискурсе и т.п. Эти частные номинативные парадигмы выступают как модификации общезыковой парадигмы, обусловленные условиями коммуникации и авторскими особенностями.

Важно отметить, что даже при сужении поля исследования до одного конкретного текста различия между объектами, которые предлагается различать с помощью терминов НП и НР, сохраняется, так как в основе их лежит различие между денотативным и референционным тождеством. При описании номинативной парадигмы лица в конкретном тексте в центре внимания должен находиться общий состав средств, именующих в нем лиц, их частотность и набор передаваемой ими информации. Описание же номинативных рядов требует «пореперентного» описания. В ходе него нужно устанавливать, какие наименования относятся к тому или иному из упомянутых лиц.

Анализ НП текста – это первая стадия, на которой практически важно найти все имена лиц в тексте и определить тип информации, сообщаемой каждым. Анализ же номинативных рядов – это вторая стадия. Здесь на первый план выходит такая сложная, но практически важная задача, как установление состава номинативных рядов на основании установления кореперентности их членов.

3. Проблемы определения состава исследуемых единиц

Если при изучении ЛСГ «имена лиц» исследуются нарицательные существительные и их фразеологизированные аналоги, то изучение номинативной парадигмы требует рассмотрения всех семантических типов лексем, способных именовать лица, включая имена собственные (онимы), а также местоимения (ср.: *человек // Петров // он*). В текстах представлены также разнообразные составные описательные номинации и субстантивированные

единицы. В связи с этим при анализе конкретного корпуса текстов возникает вопрос о составе анализируемых единиц и о единицах, включаемых в словник. Ниже этот вопрос рассматривается подробнее, с учетом типа средства номинации.

3.1. Собственные, нарицательные, местоименные средства номинации

Эти виды средств номинации требуют разного подхода и описания. Наричательные существительные отличаются своим лексическим значением, требующим семантического описания. Они должны быть описаны в качестве единиц специализированного словаря. Именно они являются основным объектом исследования во второй главе данной работы. Различия между ними должны быть описаны с помощью их семантической классификации.

Имена собственные требуют прежде всего словообразовательного описания, позволяющего выявить экспрессивно-стилистические различия между разными вариантами. Однако поскольку некоторые из вариантов нерегулярны (ср. *Александр* и *Саши*), целесообразно включать в лексикографическое описание и их. В данной работе они, однако, рассматриваются только с функциональной точки зрения (см. главу III).

Местоименные средства не требуют специального словарного описания, за исключением случаев типа «сам». Они универсальны для всех номинативных парадигм и также рассматриваются только функционально.

3.2. Референтные и нереферентные имена

Наричательные существительные, именующие лиц, неоднородны с точки зрения референционного статуса. Часть из них употребляется преимущественно или только нереферентно. В связи с этим возникает проблема включения/невключения в число объектов исследования и словарного описания

предикатных слов типа *молодец*, а также номинаций, вводимых в предикатной позиции.

Нереферентным именам присуща характеризующая функция. Семантически такие именованья неоднородны. К нереферентным именам относят качественные и оценочные имена типа *чудак, плакса, умница* и пр. Сюда же можно отнести и функциональные имена, которые именуют лицо по его профессиональной деятельности. Такие наименования могут быть референтны, только когда собеседники знают, о каком конкретном человеке идет речь. В позиции предиката именные выражения указывают не на объект действительности, а на признаки соответствующих объектов (*Иван – чудак*).

Тем не менее, при составлении перечня имен, именующих лица, необходимо, на наш взгляд, включать в него и существительные с явной характеризующей функцией, в частности, общеоценочные, то есть практически все нарицательные существительные. Это позволяет, например, выявлять такие нарушения номинации, как использование характеризующего, нереферентного имени при интродуктивной референции (при первой номинации персонажа). Однако очевидно, что нереферентные единицы должны получать особые словарные пометы.

3.3. Однословные и описательные средства номинации, эллипсис

О необходимости изучения однословных единиц, выступающих в качестве наименований, не раз было сказано в научной литературе. Ср., например, замечание В.В. Виноградова о словосочетаниях, которые, как и отдельные слова, являются номинативными единицами: «Словосочетания (как и слова) могут и должны быть изучены не только в составе предложения как его структурные элементы, но и как разные виды сложных названий» [Виноградов 1975, с. 409]; «словосочетание только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативных категорий речи,

средств сообщения. Но оно относится так же, как слово, и к области "номинативных" средств языка, средств обозначения» [там же, с. 443].

Нельзя не согласиться с тем, что, если мы хотим в полной мере исследовать специфику и богатство текстовых номинаций, то без описательных номинаций обойтись нельзя. Так, например, язык произведений А.П. Чехова изобилует яркими описательными номинациями типа *кукуруза души моей*, *свинья в ермолке* и т.п. Однако ядро номинативной парадигмы составляют однословные именованья, и именно они требуют первоочередного описания. Классификация и исследование свободных описательных номинаций – самостоятельная задача, пограничная с литературоведческим анализом. В связи с этим в данной работе исследовались только однословные номинации.

Исключение было сделано только для составных номинаций двух типов. Первый из них – это словосочетания, состоящие из общих наименований типа *человек, особа, тип, индивидуум* и под. с прилагательными. Их анализ представляется очень важным для исследования особенностей авторской номинации. Он позволяет выявить «эмпирическую классификацию лиц», набор свойств человека, которые наиболее важны для автора: чем чаще используется атрибут, тем актуальнее называемый им признак лица (см. параграф 1.2. «Общие наименования» главы II).

Второй вид анализируемых словосочетаний – это сочетания «*этот/тот* + имя существительное» (*этот человек* и т.п.). Без их анализа невозможно изучение номинативных рядов, важным и самостоятельным членом которых являются такие сочетания. Они чередуются в тексте с существительным без указательного местоимения, т.е. являются регулярным средством идентификации вышеназванного лица. Различия между контекстами типа *Человек встал и вышел* и *Этот человек встал и вышел* требуют осмысления и описания.

При определении состава средств, входящих в номинативную парадигму имен лиц, возникает также проблема эллипсиса. Н.Д. Арутюнова, анализируя

идентифицирующие номинации, отмечает, что в разговорной речи имеется тенденция «к устранению из развернутой номинации идентифицирующего типа указания на общие свойства объекта, имплицитируемые частными признаками». Согласно этой тенденции, из-за того что не всегда особая примета объекта может быть выражена существительным, «идентифицирующая номинация часто приобретает форму субстантивированного прилагательного, предложного оборота и относительного придаточного, а в неcodифицированной разговорной речи может иметь вид неноминализованного предложения, т.е. предложения без относительного местоимения. Ср. *С палкой/куда пошел?/В красной шапочке/в лес побежала*» [Арутюнова 1977 (2), с. 195]. Нередки, например, и ситуации, когда номинация лиц, участвующих в некоем событии, выводится из предиката событийного предложения. Ср.: *Из соседней комнаты слышался разговор. Разговаривающие, по-видимому, о чем-то спорили и очень разгорячились.* «Такого рода ситуативные номинации обычно эпизодичны. Они не выходят за пределы описываемого события. Базируясь на конкретном действии, обычно имеющем регулярный, бытовой характер, они редко служат созданию константной идентифицирующей номинации предмета и в дальнейшем тексте вытесняются более индивидуальными обозначениями или именем собственным» [Арутюнова 1977 (1), с. 316].

Ситуативные номинации на базе эллипсиса нужно вводить в состав номинативной парадигмы, но в рамках данной работы они рассматриваться не будут, т.к. требуют прежде всего алгоритмического, а не словарного описания.

Особых замечаний требуют сочетания с приложениями (ср.: *Акимовна-солдат, Асиньюшка-матушка, актер-антрепренер, актерик-любитель* и т.п.). В корпусной лингвистике они порождают проблему токенизации, т.е. разделения текста на слова. При составлении словника имен лиц корпуса А.П. Чехова части сочетаний с приложениями разбивались на отдельные единицы, что позволяет установить реальную частоту употребления входящих в них слов. При этом, однако, такие сочетания имеют, очевидно,

самостоятельную лингвистическую и смысловую ценность, поэтому устойчивая совместная встречаемость и склонность к позиции приложения должна каким-то образом фиксироваться.

4. Проблемы классификации средств номинации лиц

После определения состава лексических средств, используемых в определенной номинативной парадигме, возникает проблема описания различий между ними. Для средств номинации лиц наиболее значимы три аспекта: (а) денотативный (таксономический), (б) функциональный и (в) прагматический.

При противопоставлении имен нарицательных, имен собственных и местоименных средств на первый план выходят функциональные различия. Здесь главную роль играет соотношение характеризующей и идентифицирующей функций.

У основного числа нарицательных существительных функция идентификации сопровождается еще и названием определенного класса лиц, т.е. характеристикой. Поэтому нарицательные существительные содержат три семантических компонента: идентификационный (он выражается частью речи), общую сему – ‘лицо’ и дифференциальные семы. Для описания последних нужна специальная семантическая (таксономическая) классификация нарицательных существительных, позволяющая определять класс, к которому относит объект-лицо лексема, а также тип свойства, который этот класс представляет (ср.: *кто он по полу, профессии, по речевому поведению* и т.п.).

Таксономические различия традиционно описываются в рамках ЛСГ с помощью разбиения ее единиц на семантические подгруппы типа «Названия профессий», «Названия по национальности» и т.п. Для эффективного разбиения нужна унифицированная семантическая классификация имен лиц. В этом случае ее можно будет использовать для автоматического анализа и разметки текстов. Но при составлении такой классификации возникает много

трудностей. Главная причина этого – специфика семантики имен лиц: «Лица всегда включаются одновременно во многие крупные и мелкие социальные, родственные и характерологические объединения, каждое из которых выделяется по одному или нескольким признакам» [Арутюнова 1980, с. 209].

Из прагматических компонентов наиболее важен тип отношения говорящего к называемому объекту, которое может быть выражено как словом целиком (если оно имеет чисто оценочное значение, например *душечка*), так и аффиксом (*девчурочка*).

Если имена собственные и местоименные средства номинации практически не нуждаются в специальной классификации и могут быть описаны как единые классы с предсказуемым поведением (с небольшими вариациями), то для нарицательных существительных требуется пословная проработка по всем трем аспектам. Регулярное наличие в лексическом значении имени лица сразу нескольких признаков, по которым может быть произведена классификация, разнородность этих признаков (ср.: пол и оценка) – все это является причиной того, что единой классификации имен лиц еще не существует. В главе II данной работы рассматриваются две основные семантические классификации, представленные в русской лексикографии на сегодняшний день (классификация «Русского семантического словаря» под ред. Н.Ю. Шведовой и классификация «Словаря-тезауруса синонимов русской речи» под общ. ред. Л.Г. Бабенко), и на этой основе вырабатывается рабочий вариант собственной классификации, использованный при создании чеховского словника имен лиц (см. Приложение 1).

5. Корпусные методы исследования средств номинации лиц

Имена нарицательные, используемые при номинации лиц, – это открытый и постоянно пополняемый класс слов, нуждающийся в постоянном мониторинге и описании состава. Состав имен лиц различается в разных функциональных стилях, в разных предметных областях, у разных авторов и в

текстах разных исторических периодов. Чтобы установить его, приходится анализировать большие объемы данных. Для этого нужна автоматизация поиска. Этой задаче служат электронные корпуса текстов.

В данной работе была поставлена задача выявления состава имен лиц в текстах А.П. Чехова. Этот автор был выбран не случайно, так как жанровая специфика основного числа его произведений (небольшие рассказы с большим числом описываемых лиц) требует постоянного использования и варьирования средств номинации персонажей. Лексический состав его текстов исследовался с помощью полного электронного корпуса текстов А.П. Чехова, созданного в ЛОКЛЛ филфака МГУ, в разработке которого автор данной работы принимал участие.

Материалом для создания этого корпуса послужило академическое собрание сочинений А.П. Чехова (Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 30 тт. М.: Наука, 1974-1983). В корпус вошли все произведения автора (кроме «Остров Сахалин»), а также письма, записные книжки, дарственные надписи, записки и др. Общее количество словоупотреблений – свыше 2 000 000, текстов – 5517 (из них письма – 4494; дарственные надписи на книгах и фотографиях – 329; сопроводительные надписи на книгах и фотографиях – 33; подписи под рисунками, фотографиями и другие надписи – 15).

Для начальной разметки в корпусе имен определенного семантического класса требуется внешний словарь. Он накладывается на лемматизованные единицы корпуса. При этом, однако, возникает целый ряд проблем, осложняющих решение этой задачи. Во-первых, готовые словники имен лиц отсутствуют, и их нужно создавать с помощью анализа существующих словарей. Анализ имеющихся лексикографических описаний показал, что наиболее полный словник имен лиц представлен в «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой (РСС). Он может быть использован для первичной разметки корпуса. Всего словарь насчитывает около 300 000 лексических единиц, из которых 6250 единиц (слов), включенных в 1-й том

издания, являются наименованиями лиц (это все единицы группы «Названия лиц», часть единиц групп «Собственно организмы» и «Названия, общие для лиц и животных»). Список этих наименований (6250 наименований лиц) был извлечен из словаря и автоматически наложен на корпус (в системе «Dictum» (ЛОКЛЛ МГУ), режим «Словарный поиск слов». При этом каждая лексема сопровождалась информацией о выделенном в РСС семантическом классе.

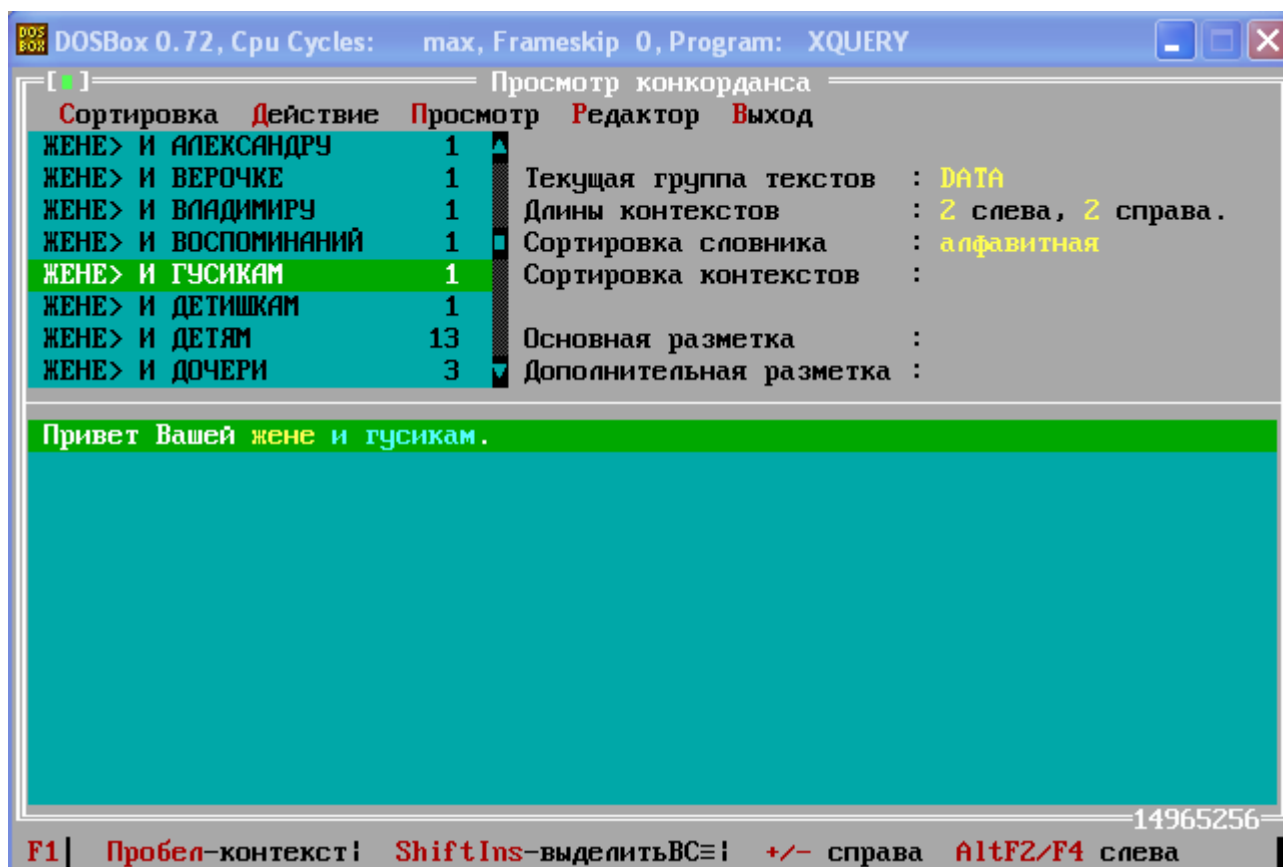
Во-вторых, при использовании внешнего словника возникает проблема многозначности. Многие слова именуют лиц только в одном из своих значений (см., например, слова – наименования животных). Поэтому после наложения словника необходим сплошной анализ контекстов и снятие многозначности. В ходе этой ручной операции устанавливается, имеет ли слово нужное значение ‘лицо’ в данном контексте. Далее все употребления с этим значением получают в корпусе специальную помету.

В-третьих, в текстах, и не только художественных, могут встретиться потенциальные и окказиональные имена, а также имена, не зафиксированные семантическим словарем в силу его очевидной неполноты. Поэтому наложение словника – это лишь первый этап, облегчающий, но не отменяющий сплошного анализа лексических единиц корпуса с помощью конкорданса.

В поиске отсутствующих новых лексических единиц могут помочь специальные запросы, опирающиеся на уже найденные слова. К числу главных из них относится запрос на однородную конструкции со словом, уже помеченным как имя лица (условие запроса: «лицо + и + X» и «X + и + лицо», где «лицо» – это уже помеченная нами единица, именуемая лицом, а «X» – любое слово, стоящее непосредственно слева или справа). На рисунке ниже представлен фрагмент конкорданса, полученного по этому запросу.

Рисунок 1. Фрагмент конкорданса с результатами поиска по запросу

«лицо + и + X»

Выделено сочетание «ЖЕНЕ и ГУСИКАМ», содержащее авторское слово *гусики*.

Далее устанавливается, что найденное слово является наименованием лица, и оно получает соответствующую помету в корпусе.

Все это, однако, не отменяет необходимости последующего сплошного анализа оставшихся существительных. Эта работа была проделана нами в рамках всего корпуса. Ее результаты, однако, могут быть в дальнейшем уточнены, поскольку из-за большого объема материала какая-то часть имен (надемся, незначительная), могла быть пропущена. К настоящему моменту было выявлено 3714 нарицательных существительных, именующих лица в текстах А.П. Чехова. При этом 1492 единицы являются новыми по отношению к «Русскому семантическому словарю».

Анализ корпусного материала позволяет не только пополнить данные о составе номинативных единиц, входящих в русскую номинативную парадигму «лицо», но и получить сведения о степени употребительности каждой из них в нужном значении и общей частотности. При наличии отнесения каждой из единиц к определенному семантическому классу появляется возможность дополнительного поиска по тем типам информации о лице, которые передают лексические единицы, а также сравнительной оценки информационной значимости этих типов информации и числе лексем, представляющих каждый из них.

6. Основные выводы

1. Совокупность средств номинации одного и того же референта-лица в конкретном тексте – самостоятельный и важный объект лингвистического исследования. Эта совокупность может обозначаться термином «номинативный ряд». В основе этой единицы лежит тождество референта. В один номинативный ряд способны входить языковые единицы разных функциональных типов: (а) имена нарицательные (имена классов, «типизаторы»), (б) имена собственные (имена индивидов, «индивидуализаторы»), (в) местоименные средства.

2. Номинативный ряд является текстовой реализацией в тексте единицы более высокого уровня – номинативной парадигмы, т.е. совокупности средств, способных именовать объект одного типа (денотат).

3. Семантические различия между членами номинативной парадигмы «лицо» строятся на разном соотношении у них идентифицирующей и характеризующей функций, а также на денотативных различиях, которые отражаются в лексическом значении нарицательных существительных. Для описания этих различий необходима достаточно полная и унифицированная семантическая классификация имен лиц. Она позволяет исследовать ту естественную классификацию, которая присуща носителям языка и отражает их

представления о классах лиц, ведь «если область бытия представлена как мир или фрагмент мира, номинация выбирается в соответствии с существующими у автора общими представлениями о классификации объектов» [Арутюнова 1977 (1), с. 309]. Эта классификация важна не только с теоретической, но и с практической точки зрения, так как дает возможность осуществлять автоматизированный анализ и сбор типов информации, сообщаемой в тексте о конкретном лице.

4. Создание и исследование электронных корпусов текстов позволяет уточнять состав имен лиц и вести пополняемый список слов, способных иметь значение (ЛСВ) «лицо». Этот список должен быть дополнен указанием на семантический и «референционный» классы, к которым относится ЛСВ со значением лица.

Глава II. Анализ лексического состава наименований лиц в текстах А.П. Чехова

1. Особенности основных функциональных типов наименований лиц

С семантической точки зрения субстантивные средства номинации лиц можно расположить на одной шкале по степени увеличения характеризующей информации следующим образом:

- 1) местоимения-существительные;
- 2) имена собственные (онимы);
- 3) нарицательные существительные.

Местоимения-существительные выполняют текстовую идентифицирующую функцию, имена собственные – функцию идентификации предмета речи через присвоение ему индивидуального имени и упоминание этого имени, а для имен нарицательных главной является функция названия класса, к которому относится упоминаемый индивид.

Нарицательные существительные, в свою очередь, семантически неоднородны. В «Русском семантическом словаре» их ЛСВ подразделяются на три класса: (1) общие наименования, (2) чисто оценочные наименования, (3) остальные наименования. Представляется, что данное деление является очень важным и полезным с функциональной точки зрения.

Основным объектом семантического описания являются имена нарицательные, поскольку их значение в первую очередь требует исследования и лексикографического описания. Однако имена собственные составляют важную часть номинативной парадигмы лиц и способны выполнять в том числе характеризующую функцию. Поэтому без их хотя бы краткого рассмотрения анализ будет неполным.

1.1. Онимы

Онимы, т.е. имена собственные, позволяют однозначно указать на референт (при условии, что в коммуникативном пространстве нет нескольких объектов, имеющих одинаковые имена собственные). «Сколь ни далеки представления о носителе имени у говорящего и слушающего, эти различия не могут препятствовать коммуникации, т.е. уяснению того, о каком именно объекте идет речь» [Арутюнова 1977 (2), с. 190]. «Неоценимое прагматическое удобство собственных имен как раз в том и состоит, что они дают возможность публично говорить о ком-либо, не договариваясь предварительно, какие именно свойства должны обеспечить идентичность референта», – писал Дж. Серль (Цит. по [Языковая номинация. Общие вопросы 1977, с. 191]).

Отличительным признаком имен собственных, обозначающих лица, «является так называемый денотативный характер их значений; форма знака, звучание непосредственно соотносится с денотатом, минуя понятие, а через денотат и с обозначаемым лицом, предметом» [Уфимцева 1977, с. 43-44].

Обычно онимы не приписывают объекту никаких свойств, не указывают ни на какую его качественную, содержательную характеристику, а только называют его. Для имен собственных характерна прежде всего идентифицирующая функция, которая заключается в том, чтобы с помощью номинации для адресата было возможно выделить из всего поля восприятия и знания именно тот объект, о котором идет речь. Ср: «На свадьбе у *Ольги Ивановны* были все ее друзья и знакомые» («Попрыгунья»); «Старик *Шелестов* оседлал Великана и сказал, обращаясь к своей дочери *Маше...*» («Учитель словесности»). «Когда речь идет о конкретном уникальном объекте, то идентифицирующим целям наиболее адекватно удовлетворяет имя собственное» [Арутюнова 1977 (2), с. 189]. «Основным дефектом имен собственных является "неспособность" выражать обобщенное понятие; их роль в языке чисто назывательная, в силу чего их называют "опознавательными знаками"» [Уфимцева 1977, с. 42].

Однако в большинстве случаев, помимо информации о том, какой именно объект является предметом речи, русские имена собственные содержат по крайней мере информацию о поле называемого лица. Отчества также содержат сведения о «патронимических отношениях» («*Андрей Андреевич* сидел за прилавком, читал Михайловского и старался честно мыслить» («История одного торгового предприятия»)).

Помимо этого, варианты русских имен собственных регулярно выполняют прагматическую функцию и используются как средства выражения отношения говорящего к объекту именованного. А.П. Чехов использует эмоционально-оценочный потенциал варьирования имен собственных в полной мере. Например, номинация *Жанчик* с уменьшительно-ласкательным суффиксом свидетельствует о близких отношениях говорящего и объекта номинации и содержит положительную оценку, а вариант имени *Вера Иосифовна* нейтрален: «*Жанчик*, – сказала *Вера Иосифовна* мужу, – dites que l'on nous donne du thé¹» («Ионыч»). Дистанцированное отношение к адресату часто проявляется при наименовании по имени и отчеству или по фамилии. Например, Епиходов называет Дуняшу (так именуют девушку все остальные) *Авдотья Федоровна*: «Я желаю побеспокоить вас, *Авдотья Федоровна*, на пару слов» («Вишневый сад»); делец в одноименном рассказе именуется своих должников по фамилии: «За сватовство *Ерыгин* недодал 7 руб. Того же дня на крестинах следил я за *Куцыным*, либерально заговаривал с ним о политике, но подозрительного ничего не добился. Придется подождать». На отсутствие дистанции между адресатом и говорящим могут указывать уменьшительно-ласкательные, увеличительные, фамильярные формы имен: «*Егорка! Егорка*, черт! *Петрушка!* Заснули, черти, в рот вам дышло, сто чертей и одна ведьма!» («Лебединая песня (Калхас)»), «Чёрт побери... – подумал Милкин. – Это уж десятый говорит мне про женитьбу на *Настеньке*. И из чего заключили, чёрт их возьми совсем!» («Жених и папенька»), «А *Петруха*,

¹ скажи, чтобы дали нам чаю (франц.)

Петруха! — вдруг вспомнил дьякон. — Ну, теперь он поче-ешется!» («Письмо»). Встречаются в текстах А.П. Чехова и варианты наименования лиц, созданные и используемые, очевидно, в узком кругу: «Отец, как я уже писал тебе, бросил *Иваныгорча* и живет с нами» (письмо Ал.П. Чехову, 24 или 25 июля 1891 г. Богимово).

«Самый способ называния по имени, или по имени и отчеству, или по фамилии определенным образом отражает и взаимоотношение лиц, и общественное положение называемого» [Шмелев 1964, с. 141]. Благодаря такой способности онимов соединять оценочный элемент значения с чисто идентифицирующим возникли разные типы номинаций — уменьшительно-ласкательные, увеличительные, фамильярные формы имен.

Таким образом, будучи предназначенными главным образом для целей идентификации, онимы могут содержать в своем значении и дополнительные элементы смыслов (информацию о поле, патронимических отношениях, эмоционально-оценочном отношении говорящего и адресата, дистанции в их отношениях).

1.2. Общие наименования

В группу «**Общие наименования**» входят единицы, значение которых позволяет отнести объект к классу «человек». Это значение при номинации референта-лица является избыточным с точки зрения характеристики, поэтому используется прежде всего для гиперонимической замены упомянутого имени и для ввода в текст новых атрибутов.

Класс общих наименований включает слово *человек* и его контекстуальные синонимы. В текстах А.П. Чехова они представлены достаточно большим количеством единиц: *существо, антропос, индивид, индивидуум, лицо, особа, особь, создание, субъект, тип, штука, штучка, фигура*.

Слова *лицо* и *индивидуум* маркируют у А.П. Чехова разные функциональные стили речи персонажей (официально-деловой (примеры 1–3) и наукообразный (примеры 4 и 5)). Ср.:

- (1) «Мне, как лицу высокопоставленному, не подобает ездить на конке...» («Два в одном»)
- (2) «...на полях и пустых местах имеются карандашные пометки, сделанные разными почерками. Так как все они носят печать мудрости и полны высокого значения, то надо думать, что они принадлежат лицам начальствующим». («Служебные пометки»)
- (3) «Об изгнании из отечества лиц, кои, выдавая себя за женихов, обедают ежедневно на счет отцов, имеющих дочерей». («Нечто серьезное»)
- (4) «Сравнение с армией, которое сделал полковник, прелестно и делает честь его высокому уму; призыв к гражданскому чувству говорит о благородстве его души, но не надо забывать, что гражданин в каждом отдельном индивидууме тесно связан с христианином...» («Задача»)
- (5) «Ученые держатся различных взглядов. Например: новейшая школа Ломброзо не признает свободной воли и каждое преступление считает продуктом чисто анатомических особенностей индивидуума». («Задача»)

Остальные наименования выполняют экспрессивную функцию. Их использование вместо нейтрального *человек* – знак наличия у говорящего особого, не нейтрального отношения к именуемому лицу. Сам характер этого отношения – позитивный или негативный – уточняется обычно в контексте. Ср.:

- (6) «Не можешь ли ты из своей прелестной особы составить мне приятнейшую компанию?» («За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»)
- (7) «– Мм... Персик! И барыня дома?
– Дома, – говорит девочка и почему-то краснеет.
– Мм. Штучка! Шшшельмочка! Куда шапку положить?» («Неудачный визит»)
- (8) «...вскоре неистовый вихрь бешеного вальса воскрешает вашу чуткую душу, и вы вновь чувствуете себя в Европе – в гнезде цивилизации... Огненные взоры неземных, поэтических созданий шлют вам любовь, обнаженные плечи манят вас в прошлое...» («Идиллия»)
- (9) «К чему трогать память этого молодого, безгрешного существа?» («Драма на охоте»)
- (10) «Она генеральша, но у нее бывает много гостей разного звания и попадают интересные субъекты» (письмо М.П. Чеховой, 2 декабря 1898, г. Ялта)
- (11) «Ей хотелось написать также, что он многим обязан ее хорошему влиянию, а если он поступает дурно, то это только потому, что ее влияние парализуется разными двусмысленными особами, вроде той, которая сегодня пряталась за картину» («Попрыгунья»)
- (12) «Ни за что бы не вышла за такого субъекта!» («Ушла»)
- (13) «А какая-то плюгавая фигура в цилиндре, с давно не бритой рожей, долго переминалась около меня с ноги на ногу, потом повернулась ко мне со словами...» («Пассажир 1-го класса»)
- (14) «Я настолько гордый человек, что не стану какому-нибудь субъекту свой билет показывать. Отойдите от меня... Чего пристал?» («Гордый человек»)

(15) «Г л а г о л ь е в 2. Танцевать? Здесь? С кем, позвольте спросить?

(Садится рядом.)

П л а т о н о в. Уж будто бы и не с кем?

Г л а г о л ь е в 2. Одни только типы! Все типы, на кого ни посмотришь! Какие-то рожи, орлиные носы, жеманство...»

(«Безотцовщина»)

(16) «Проснешься нечаянно, откроешь глаза и видишь обращенное на тебя лицо... этакое какое-то ужасное, дикое... Перекошено оно, это лицо, злобой, отвращением... Как увидишь этакую штуку, все обаяние пропало... И часто она так на меня смотрит...» («Драма на охоте»)

Устойчивая связь с определенным видом эмоций наблюдается у слова *субъект* – оно употребляется в отрицательном контексте (было выявлено только одно словосочетание, не имеющее отрицательных значений и коннотаций: *интересный субъект*). Для остальных же общих наименований свойственно использование как в положительно оцениваемом, так и в отрицательном контексте.

Слово *человек* регулярно сопровождается у А.П. Чехова разнообразными атрибутами, изучение которых представляет самостоятельный интерес. Их анализ позволяет выявить наиболее важные признаки лица, чаще всего сообщаемые читателю рассказчиком и персонажами. За ними стоит система оценок и принципы классификации лиц, характерные для автора.

Как и ожидалось, слово *человек* входит в число самых частотных у А.П. Чехова – оно является самым употребительным из существительных и сопровождается разнообразной и обширной системой атрибутов как в художественных текстах, так и в письмах. В результате сплошной выборки таких атрибутов удалось получить их полный список и определить частотность каждого из них.

Наиболее частотными оказались следующие определения: *молодой* (254), *хороший* (119), *порядочный* (77), *добрый* (63), *честный* (59), *умный* (55), *великий* (37), *богатый* (37), *русский* (32), *живой* (30), *милый* (29), *хмурый* (25), *глупый* (25), *образованный* (23), *талантливый* (21), *обыкновенный* (21), *свой* (20), *благородный* (20), *единственный* (18), *интересный* (18). Бросается в глаза тот факт, что в этом списке преобладают позитивные свойства, прежде всего – морально-этические.

Качественные прилагательные маркируют полюса нормативных шкал, т.е. вступают в антонимические отношения. Поэтому их анализ дает представление о тех шкалах, оппозициях, которые значимы для субъекта речи. А.П. Чехов в своих текстах воссоздает мир и взгляды самых разных персонажей, а не только свои. Основные полярные оппозиции, судя по атрибутам, в этом мире таковы. Одна из самых активных – оппозиция ‘свой – чужой’. В категорию ‘свой’ входят слова *близкий, родной, мой, наш, кровный, знакомый*; в категорию ‘чужой’ – слова *чужой, ваш, незнакомый, посторонний, другой, дальний, теперешний, твой*. Наряду с этой оппозицией можно выделить такие противопоставления, как ‘*молодой – старый*’, ‘*умный – глупый*’, ‘*добрый – злой*’, ‘*богатый – бедный*’, ‘*простой – странный*’, ‘*несчастный – счастливый*’, ‘*неизвестный – известный*’, ‘*здоровый – больной*’.

Набор атрибутов можно устанавливать для каждого отдельного типа человека. Так, для чеховских текстов очень важен такой тип, как *молодой человек*. С точки зрения внешности он чаще всего характеризуется как *безусый, брюнет, приятный* или *красивый, высокий*. Наиболее частотные его качества – *интересный, теперешний, бедный, прекрасный, приличный, приятный, бодрый*. Лишь иногда он *чахоточный, поганый, жалкий и несчастный, бессмысленный*. Как показывает следующий контекст, молодые люди у Чехова делятся по степени молодости. Ср.:

(17) «Увы, я уже старый молодой человек, любовь моя не солнце и не делает весны ни для меня, ни для той птицы, которую я люблю.

Лица, не тебя так пылко я люблю! Люблю в тебе я прошлые
страдания и молодость погибшую мою.» (Письмо
Л.С. Мизиновой, 1892)

С точки зрения авторского стиля, обращает на себя такая особенность чеховского стиля, как описание внутренних свойств через внешние (синестезия) – тактильные (примеры 18, 19, 22, 23), визуальные (пример 18), аудиальные (примеры 20, 21). Ср.:

- (18) «Рыбкин, сотрудник газеты «Начихать вам на головы!», человек обрюзглый, сырой и тусклый, стоял посреди своего номера и любовно поглядывал на потолок, где торчал крючок, приспособленный для лампы» («Два газетчика (Неправдоподобный рассказ)»)
- (19) «Я человек сырой, отупел, – ответил он. – Какие мои советы?» («Жена», 1891)
- (20) «Я рад, что вы, шипучий человек, не отказались от мысли о медицинской газете» (Письмо П.Г. Розанову)
- (21) «Не стану, не стану шевелить вашего великого сердца, шипучий человек!» («Безотцовщина»)
- (22) «Вы человек рыхлый, чувствительный, уступчивый, склонный к припадкам лени, впечатлительный, а все сии качества не годятся для строгого беспристрастного судьи» (Письмо В.А. Тихонову)
- (23) «От природы вы человек ленивый, рыхлый и потому старались складывать свою жизнь так, чтобы вас ничего не беспокоило и не двигало с места» («Палата №6»)

Еще одной особенностью чеховской характеристики человека является использование профессиональных медицинских признаков. Ср., например, сочетания *ревматический человек* («Задача»), *человек без селезенки* (псевдоним), *полнокровный человек* («Безотцовщина») и т.п.

Особым объектом корпусного исследования могут быть однородные атрибутивные ряды, связанные со словом *человек*. Их изучение может дать представление о тех сложных ассоциативных связях, которые существуют в сознании писателя. Так, например, атрибут *интеллигентный* встречается у А.П. Чехова в сочетаниях: *интеллигентный, нервный ч.*; *интеллигентный, университетский ч.*; *гордый, интеллигентный ч.*

В текстах А.П. Чехова часто встречаются неузualmente определения к слову *человек*. Ср.: *таможенно-картинный* («Ну полно, таможенно-картинный человеке, к чему такие сильные выражения?», письмо Ал.П. Чехову, 1886), *денежно-порядочный* («Ах, как мало на этом свете денежно-порядочных людей!», письмо А.С. Суворину, 1889), *глубоко неуважаемый* («Такие глубоко неуважаемые люди, как Дрюмон, высоко подняли голову...», письмо А.С. Суворину, 1898) и т.п. Нельзя не отметить, однако, что неузualmente в гораздо большей степени проявляется в переписке А.П. Чехова, чем в его художественных произведениях.

Слово *человек* используется при номинации лиц либо как средство ввода сообщаемую новую информацию атрибутов, либо как эквивалент местоимения *он*. В последнем случае оно регулярно сопровождается *этот* или каким-либо уже сообщенным признаком, облегчающим идентификацию предмета (ср.: *молодой человек*). См. о различиях между *человек // этот человек* в главе III (в параграфе 3.2. «Именные группы с актуализатором "этот"»).

1.3. Чисто оценочные наименования

Значение единиц, входящих в состав группы «Чисто оценочные наименования», имеет только оценочный компонент (в отличие от других групп, которые тоже могут содержать оценку, но только как один из нескольких элементов значения или коннотацию). Назначение чисто оценочных наименований – передать субъективное отношение говорящего к объекту номинации, не назвать объект, а только оценить его.

Как показали исследования, прагматический диапазон сферы чистой оценки в русском языке очень широк. Чисто оценочные наименования могут выражать следующие типы отношения говорящего к объекту номинации: (1) брань, хула (*гад*); (2) похвала, одобрение, ласка в связи с какими-либо внутренними или внешними свойствами, качествами (*душка*); (3) осуждение, неодобрение, неприятие в связи с какими-либо свойствами, качествами (*недочеловек*); (4) похвала, одобрение, ласка: в связи с какими-либо действиями, поступками (*молодец, умница*); (5) насмешка, ироническое отношение, ласковое сочувствие (*дуралей, дурачок*); (6) осуждение, неодобрение, неприятие в связи с предосудительным, подозрительным или опасным поведением (*молодчик*); (7) названия-оценки совокупностей лиц (*элита*) [Сяохуэй 2011].

Количество обнаруженных чисто оценочных наименований в текстах А.П. Чехова составляет 30 единиц. К их числу можно отнести следующие слова: *бедняга, бедняжечка, бедняжка, гад, гадина, дрянь, душенька, каналья, канашика, мерзавец, мерзавка, мерзость, милочка, молодец, молодчина, ничтожество, паршак, паршивец, паскуда, поганец, подлец, сволочь, сквернавец, ублюдок, шваль, шельма, шельмец, шельмочка, шушваль, шушера*.

Необходимо отметить, что к области чистой оценки примыкают неоднозначные слова, имеющие вторичные оценочные значения (*амурчик, ангел, дурак, идиот, милашка, разбойник, сатана, черт* и др.). В речи персонажей А.П. Чехова они употребляются как показатели отношения очень широко. Ср.:

- (24) «Чтобы рассердить А. С. и вывести его из себя, достаточно было кому-либо из представителей непрекрасного пола подкрасться к нему и чмокнуть его в щеку...
– Дурак! – бранился он, вытирая рукавом место поцелуя. – Дурак!
Болван!» («Кое-что об А. С. Даргомыжском»)

(25) «— Тут никакой над вами насмешки нет-с, — заметил Гришка, — а вам по чистой совести. Не давайте воли рукам.
— Молчи! — застучал Помоев палкой о пол. — Дурак! Шваль!»
(«Интеллигентное бревно»)

Нужно отметить, что при анализе слова со вторичным чисто оценочным значением часто бывает сложно установить, сохраняется ли у него в контексте исходное значение или нет. Почти всегда можно предположить, что говорящий опирается на него как на основание оценки, сообщает и его тоже, то есть не уходит в область чистой оценки.

Важной особенностью чеховского стиля является также регулярное использование писателем произносительных вариантов, выполняющих оценочную функцию. Они порождают разные варианты написания, отражающие экспрессивные средства звучащей речи. Особенно регулярный характер носит обозначение длительности согласных. Растяжение согласных А.П. Чехов преимущественно использует в словах негативно-оценочных: *ддубина, дуррак, дурраль, дурррак, дуррында, мерр-зав-цы, моррда, ррразбойник, ччерт, черрть, черррт, черрт, чччерт, ссатана, сскотина, с-скотина, ссобака, ссвинья, ссскатина, ссскотина, с-с-с-скотина*. Однако растяжение согласных у А.П. Чехова не всегда связано с негативной окраской. Ср.: *шшшельмочка* (см. пример 7 из параграфа 1.2), *молллодец*. Довольно часто при использовании чисто оценочных наименований в текстах А.П. Чехова графически передается интонация. Это делается путем отражения растягивания гласных и разбиения слова на слоги: *ду-ура, дуурак, ду-ушенька, ска-атина, ска-а-тина, че-ерт, ше-ельма*. Все эти приемы обычно используются при передаче речи персонажей.

2. Типы информации о человеке и проблемы семантической классификации нарицательных существительных

При номинации лиц с помощью остальных типов нарицательных существительных осуществляется характеристика референта, поскольку они описывают определенный класс лиц (*старик, супруга, пианист, японец, красавец* и др.). Многообразие свойств человека, его ролей отражается в многообразии характеризующих нарицательных существительных и выявляется с помощью их семантической классификации. Работа над такой классификацией пока еще ведется, поэтому каждому исследователю приходится самостоятельно решать вопрос о составе групп, на которые он будет делить исследуемые единицы, т.е. создавать свой вариант (подвариант) этой классификации (см., например, [Еременко 1998], [Соловьева 2006], [Сулейманова 2008], [Шерина 2010], [Садр 2011]). Ключевым вопросом при этом является вопрос о выборе принципов членения, которые были бы достаточно информативны и значимы, а также в наибольшей мере соответствовали задачам исследования.

Дифференциальные семы, различающие наименования лиц, в большинстве случаев достаточно конкретны и не должны вызывать трудностей при распределении ЛСВ по семантическим группам. Однако, как показала проведенная нами работа по анализу и сравнению семантических классификаций русских имен лиц в «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой [Русский семантический словарь, 1998] и «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи» под общ. ред. Л.Г. Бабенко [Словарь-тезаурус, 2007], в разных классификациях может не совпадать как сам набор и иерархия выделяемых классов, так и состав конкретных единиц, включаемых в них. В некоторых случаях разбиение на семантические классы достаточно субъективно, производится на разных основаниях и с разной степенью детализации (особенно на периферии и в переходных зонах семантических полей).

Группировать ЛСВ можно различным образом. Это связано с тем, что человеческое сознание использует самые разные принципы категоризации объектов, зависящие от условий деятельности. Язык отражает все эти способы в той или иной мере. Кроме того, в одну лексему регулярно упаковываются признаки сразу нескольких классификаций (ср. пол + профессия + оценка (*училка*)). В силу этого строить строгую дихотомическую семантическую классификацию лексики трудно, а иногда и невозможно. Поэтому существующие классификации приходится адаптировать в соответствии с конкретными исследовательскими задачами.

Главная проблема при этом – выбор исследователем оптимального уровня обобщения и детализации признаков. Так, например, можно распределить все наименования лиц на экспрессивные и нейтральные, «мужские» и «женские»; можно выделить класс «биолого-физиологические признаки» / «признаки социальные» и т.п. Для данной работы чеховский материал был не самоцелью, а средством продвижения на пути разработки семантически охарактеризованного списка имен лиц, с помощью которого можно было бы размечать любые тексты. Список семантических категорий в этом случае должен быть таким, чтобы на его основе можно было извлекать из текста всю важную информацию о конкретном лице и распределять ее по соответствующим типам.

Тексты А.П. Чехова должны давать очень богатый материал для семантической классификации имен лиц. Известно, что он охотно и сознательно занимался классификацией типов людей (см. такие произведения, как «Женщина с точки зрения пьяницы», 1885 г., «Литературная табель о рангах», 1886 г.). Можно уверенно говорить о том, что типология личностей находилась в центре его внимания. Человеческие характеры, социальные типы – один из главных объектов описания А.П. Чехова. Это прямо проявляется в очень большом количестве и разнообразии лексических

номинаций лиц. Поэтому чеховский материал является прекрасным полигоном для проверки и доработки существующих классификаций имен лиц.

В связи с поставленной задачей, за основу в данной работе взяты самые полные из имеющихся в русской лексикографии классификаций имен лиц: классификации «Русского семантического словаря» под ред. Н.Ю. Шведовой и «Словаря-тезауруса синонимов русской речи» под общ. ред. Л.Г. Бабенко. В то же время в этих классификациях количество классов, по которым распределяются наименования лиц, слишком велико, и разные классы разработаны с разной степенью подробности. Причем часто возникают сомнения в отнесении того или иного более конкретного класса к более общему. Поэтому потребовалась переработка, позволяющая достаточно уверенно и не слишком детально классифицировать приписываемые референту признаки. В результате такой переработки был создан рабочий вариант классификации имен лиц, который описан ниже и который был использован нами при анализе имен лиц в корпусе.

2.1. Классификация имен лиц в «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой и результаты ее использования

В «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой имена лиц являются самостоятельным объектом классификации. Как показал анализ, «Русский семантический словарь» (РСС) содержит 6250 единиц (отдельных ЛСВ), именующих лица. Классификация достаточно детальна. С ее помощью основной массив русских имен лиц может быть отнесен к какой-либо семантической подгруппе.

Представлялось, что на основе этого словаря может быть без труда составлен рабочий словарь, содержащий информацию следующего вида:

слово, способное обозначать лицо \ его семантический тип
--

Такой словарь можно накладывать на корпус и затем искать в нем слова определенного семантического типа. Однако, как показал опыт, при составлении такого словника возникают серьезные трудности.

Во-первых, семантические группы описываются в РСС с помощью длинной цепочки определений, отражающей весь путь от верхнего уровня классификации («человек») до терминальной вершины – лексического подмножества, далее неделимого. Сразу возник вопрос: какую ступень, уровень классификации использовать при разметке корпуса? Это зависит от того, что мы хотим искать. Желательно, чтобы можно было отыскивать группы с разным уровнем обобщений. Например: (1) выделить сначала все имена лиц; (2) затем посмотреть, какие их подгруппы есть в тексте и каков объем каждой. Но сколько и каких уровней необходимо оставлять?

Во-вторых, даже если решить этот вопрос, возникает следующая проблема: как назвать тот или иной уровень членения, предлагаемый словарем? Дело в том, что общая сема, на основании которой выделена подгруппа, в РСС часто не эксплицирована и неочевидна. Названия выделяемых подгрупп в этом случае представляют собой просто перечисление главных из входящих в подгруппу лексических единиц (ср.: «Педантичность, щепетильность, формализм», «Помощь, защита, содействие, попустительство, преемственность»). Причем сходство между некоторыми из этих лексических единиц достаточно отдаленное. Так, в подгруппу «доброта, доброжелательность, бескорыстие» включены такие слова, как *денди* (в значении ‘человек с изысканными манерами, одевающийся модно и со вкусом’) и *джентльмен* (в значении ‘человек, ведущий себя подчеркнуто вежливо, корректно’). В качестве поисковых единиц «перечисляющие» наименования групп неудобны.

И в-третьих, в названиях групп не эксплицированы два важных семантических признака: *оценка* и *пол.* Исключение сделано только для чисто оценочных имен. Эти признаки при создании словника для разметки корпуса

должны быть дополнительно эксплицированы и добавлены к семантической характеристике каждой лексемы.

Хотя указанные выше особенности РСС очевидны и требуют его переработки при корпусных исследованиях, этот словарь представляет собой огромное достижение русской лексикографии. «Русский семантический словарь» под ред. Н.Ю. Шведовой – единственный существующий на данный момент столь полный и детальный словарь, содержащий семантическое описание русских имен лиц.

2.2. Сокращенный вариант классификации «Русского семантического словаря» и результаты его применения к корпусу текстов А.П. Чехова

На основе классификации данного словаря нами была предпринята попытка сплошного анализа материала корпуса А.П. Чехова. В результате этой работы были выбраны 24 признака, показавшиеся нам наиболее важными с точки зрения характеристики лица и удобства поиска определенных типов информации. Они соответствуют определенным уровням классификации РСС (не всегда конечным). При анализе конкретной лексики оказалось трудно развести такие группы РСС, как характеристика (1) по характерному или разовому действию, поступку, функции; (2) по окказиональному состоянию, обусловленному ситуацией, обстоятельствами, событием; (3) по разовым или характерным физическим действиям. В силу этого слова этих трех групп были сведены в один класс (см. класс 3).

В таблице 1 перечислено 24 общих класса, выделенных в соответствии с отобранными 24 признаками РСС. Они расположены в порядке убывания количества входящих в них слов (по данным корпуса). Для каждого класса, помимо количества лексем, дан объем в процентах (за 100% принимается количество слов во всех 24 классах), число употреблений, а также приведены наиболее частотные представители.

Таблица 1. 24 семантических класса и их количественная характеристика
(по данным корпуса)

Характеризующий признак	Кол-во слов, имеющих признак	% от общего кол-ва слов	Кол-во словоупотреблений	Один из частотных представителей класса
1. По профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиям, отношениями	1030	27,2%	28 608	доктор / врач,
2. По свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами	827	21%	8122	негодяй
3. По характерному или разовому действию (в т.ч. физическому), поступку, функции; по окказиональному состоянию, обусловленному ситуацией, обстоятельствами, событием	354	9%	5360	гость
4. По отношению к расе, национальности, а также к территории, к месту жительства, по местонахождению	247	6%	2577	немец
5. По отношениям родства, свойства, породнения. По семейному положению, по состоянию в браке, по месту или положению в семье	226	6%	16447	жена
6. По сословному положению, по состоянию личного господства или	147	4%	7623	господин

зависимости				
7. По возрасту	129	3%	9514	женщина
8. По социально-экономическому положению, по отношению к собственности, к средствам существования. По отношению к средствам существования, к их получению. По отношению к социально-экономическим, административно-правовым действиям и к обусловленному ими состоянию	122	3%	1709	хозяин
9. По неродственным отношениям, связям, по сопоставлению между кем-нибудь. По совместному участию в чем-нибудь, по совместному состоянию, по партнерству	118	3%	3533	друг
10. По одаренности, по обладанию способностями, умом, талантом или по их отсутствию	86	2%	1273	мудрец
11. По отношению к гражданству, к административно-правовым нормам, к закону, суду	86	2%	1104	вор
12. По состоянию здоровья, по отношению к жизни и смерти	73	1,9%	1102	больной
13. По личному отношению к кому-чему-нибудь: по расположенности, пристрастию, влечению	71	1,9%	515	любитель
14. По внешним признакам	68	1,8%	656	красавица

15. По религиозному, научному, художественному восприятию действительности, по отношению к соответствующим направлениям, течениям в религии, науке, искусстве	65	1,7%	402	православный
16. По физическому, физиологическому состоянию (по силе; по чувству сытости или голода, по состоянию трезвости)	59	1,5%	475	пьяница
17. По обладанию знаниями, умениями, мастерством, опытом или по их отсутствию	49	1,3%	716	специалист
18. По положению в какой-нибудь общественной среде, по социальной значимости, авторитету или их отсутствию	43	1,1%	865	начальник
19. По вхождению в партии, общественные движения, административно-хозяйственные объединения, а также по отношению к общественным, идеологическим течениям, движениям	37	1%	376	член
20. По умонастроению, мировосприятию, по кругу интересов	14	0,4%	171	обыватель
21. Общие названия	14	0,4%	6973	человек
22. По восприятию социальных явлений, по отношению к социальному узусу	13	0,4%	85	либерал

23. По темпераменту, психическим наклонностям, психической или генетической предрасположенности к чему-нибудь	7	0,2%	32	сангвиник
24. По способу мышления, рассуждения	7	0,2%	18	теоретик

Таким образом, использование пробного варианта семантической классификации, разработанного на основе РСС, для анализа корпусного материала показало, что А.П. Чехов чаще всего характеризует людей (и реальных в письмах, и своих персонажей в художественных произведениях) по их профессии или деятельности и свойствам натуры, чертам характера.

2.3. Классификации имен лиц в «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи» под общ. ред. Л. Г. Бабенко

Полученные результаты показали, что для решения информационно-поисковых задач вышеописанная эмпирическая одноуровневая классификация является недостаточной. В то же время число классов верхнего уровня желательно сократить. В связи с этим работа над оптимальным списком семантических классов имен лиц и принципами их выделения была продолжена путем изучения классификации «Словаря-тезауруса синонимов русской речи». Это первый идеографический словарь русских синонимов. Специфика идеографических словарей заключается в том, что в них единицы группируются на понятийной основе. В данном словаре группируемыми единицами являются не слова, а синонимические ряды. В нем впервые показано, сколько синонимических рядов (и каких именно) входит в ту или иную смысловую (идеографическую) группу, то есть соотносится с общим для этих рядов понятием (например, с понятиями «рождение/жизнь», «чувство»,

«привычка», «радость»). Словарь по-новому представляет картину действительности, отображаемую русскими синонимами.

Этот словарь привлек наше внимание тем, что в основе используемой здесь классификации лежат сферы деятельности человека (денотативные сферы). Кроме того, в словарь-тезаурус авторы включили лексику разных пластов, в том числе разговорно-сниженную, жаргонную, бранную и т.д. Это объясняется, во-первых, природой самой синонимии: синонимические ряды чрезвычайно активно включают в свой состав лексику, различающуюся стилистическими, эмоционально-оценочными компонентами, экспрессивностью разного рода. А во-вторых, такое решение авторов-составителей обусловлено языковой ситуацией в современной России: в последние десятилетия под влиянием социальных перемен и процессов перестройки самого общества и сознания его членов произошло размывание границ, ранее строго разделявших разные пласты словарного состава с точки зрения их функционирования в различных сферах общения. Построенный на синонимах, словарь показывает, на какие понятия (например, «радость», «любовь», «счастье», «периоды жизни человека») язык обращает более пристальное внимание: чем больше синонимическая группа, тем важнее передаваемое ею значение для носителей языка. Анализ показал, что группы, именующие человека, представлены среди синонимических групп в большом количестве. Тезаурус в данном словаре, как видно уже из названий выделяемых групп, очень «антропоморфичен».

Важно, что в процессе идентификации синонимических рядов, которые содержат в своем составе многозначные, семантически сложные, оценочные слова, учитывалась, как и в РСС, возможность отнесения таких слов к разным идеографическим группам.

Структурной основой словаря служит иерархическая система понятий, которая формирует идеографические группы разного ранга. В словаре выделяется четыре уровня иерархии. Верхний уровень составляют

денотативные сферы, отображающие основные фрагменты действительности. Денотативные сферы сформированы 16 категориями базового уровня: (1) неживая природа, (2) живая природа, (3) человек как живое существо, (4) эмоции, (5) оценка, (6) речь, (7) интеллект, (8) сверхъестественное, (9) конкретная физическая деятельность, (10) социальная деятельность, (11) социальная сфера жизни человека, (12) быт, (13) населенный пункт, (14) нации, (15) восприятие окружающего мира, (16) универсальные смыслы, представления, отношения. Каждая денотативная сфера с учетом характерных для нее параметров и особенностей конкретизации фрагментов действительности включает в свой состав идеографические классы слов. Эти идеографические классы, в свою очередь, могут включать в свой состав еще более конкретные по семантике и отображаемому понятию идеографические группы и подгруппы синонимических рядов. Например, в идеографическом классе «Религия» такими подгруппами являются: 1. Человек по отношению к вероисповеданию; 2. Служители культа. Церковная иерархия; 3. Человек по образу жизни, поведению, участию в обрядовой жизни [Словарь-тезаурус синонимов русской речи 2007, с. 14-20].

Подход, представленный в «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи», а именно, ориентация на аспект характеристики и его экспликацию в названии класса (*человек по...*) кажется нам перспективным. Однако непосредственное заимствование классификации из данного словаря невозможно. Она не предназначена непосредственно для имен лиц, и наиболее детально в ней проработаны те сферы, которые богаты синонимами, и прежде всего сфера эмоций. Недостаточно эксплицированы и понятны критерии различения также отдельных групп, например, таких важных для человека, как «Социальная деятельность» и «Социальная сфера жизни».

Таким образом, задача получения рабочего словника имен лиц с семантически размеченными классами оказалась нерешаемой на основе русских семантических словарей.

2.4. Вариант семантической классификации наименований лиц, использованный при работе над словарем имен лиц А.П. Чехова

На основе частичного синтеза рассмотренных выше классификаций была предпринята попытка создания такого рабочего варианта семантической классификации, которая помогла бы в решении задачи анализа типов текстовой информации, сообщаемой о лице. В его основе лежит идея о том, что имеется стандартный набор параметров, которые характеризуют любого человека и «принимают» то или иное конкретное значение у конкретной личности. Говорящий выбирает нужный параметр (графу «анкеты») объекта речи и «заполняет» ее, то есть сообщает, какое значение имеет данный параметр у данного человека. В ходе выбора и «заполнения» нужного параметра порождается особый вид пропозиций, который Т.В. Шмелева называет термином «анкетная характеристика». Анкетная характеристика состоит «в приписывании актанту признаков из присущего ему набора. Наши знания о мире непременно включают представления о таком наборе характеристик, совокупность которых можно считать энциклопедической анкетой. Такие анкеты про себя мы заполняем по разному поводу – от устройства на работу до отъезда за границу: имя, фамилия, отчество, возраст, должность, наличие судимости... Список таких анкет разных явлений действительности можно было бы продолжить, но важнее еще раз подчеркнуть, что все они входят в наши знания о мире» [Шмелева 2014, с. 286].

Набор основных параметров характеристики человека, по сути, является анкетой, которую и должны в первую очередь отображать выделяемые семантические классы имен лиц. Многочисленные имена лиц предназначены для того, чтобы давать ответы на вопросы этой анкеты. Представляется, что группировка многочисленных конкретных классов денотатов и наименование выделяемых общих групп должны строиться по анкетному принципу, то есть в виде ответа на некий достаточно простой типовой вопрос, который ставит перед собой говорящий, характеризуя объект речи: *«Кто он с точки зрения...*

(по...)?». То есть имена лиц должны быть семантически сгруппированы на основе тех вопросов, на которые они дают ответы. Соответственно, в формуле описания имен лиц должна появиться особая позиция, предшествующая описанию самого характеризующего признака, – эту позицию можно условно назвать характеризуемым аспектом (или типом информации). Набор возможных аспектов рассмотрения денотата типа ‘человек’ вполне обозрим и представляет собой денотативный костяк номинативной парадигмы ‘лицо’. В ходе номинации лица в конкретном тексте происходит сначала отбор нужного аспекта, характеристики (решается вопрос о том, по какому свойству, параметру должно быть описано это лицо), далее определяется индивидуальное значение этого параметра у референта, и затем подбирается соответствующая этому значению лексема, называющая нужный класс. В результате осуществляется «анкетная характеристика» референта, т.е. ему приписывается признак из присущего ему набора.

Такой анкетный подход, как нам кажется, является хорошей основой для выбора масштаба группировки признаков и определения количества уровней семантического членения. Он позволяет отобрать наиболее значимые в информационном отношении признаки и ограничить их количество. Созданный на его основе вариант семантической классификации имен лиц должен позволить анализировать, в частности, насколько разнообразны аспекты личности, характеризующие писателем, какие из них наиболее важны для него и пр.

С помощью этого подхода выделенные в «Русском семантическом словаре» и «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи» группы слов можно перегруппировать так, чтобы семантические классы оказались более психологичными и социологичными, больше бы говорили о тех признаках человека, которые находятся в центре внимания в тексте. При этом необходимость сохранения разных уровней классификации не снимается, но произвольность при выделении семантических групп и их наименований

существенно ограничивается. При анкетном подходе желательно, чтобы группировки верхнего уровня соответствовали основным аспектам характеристики человека, а терминальные вершины были настолько конкретны, чтобы к ним мог быть задан вопрос.

Например, характеристики лица по полу, возрасту, особенностям внешности и принадлежности к живым или неживым можно объединить в общий класс «Постоянные биофизические характеристики лица», сохранив внутри него соответствующее разделение. Такие признаки, как место рождения и национальность, родство и социальная принадлежность лица можно сгруппировать в общий класс верхнего уровня «Постоянные социальные характеристики лица» и т.д.

В результате таких перегруппировок мы получили рабочий вариант «анкеты», содержащий 9 пунктов – аспектов характеристики лиц. Ниже этот вариант приведен вместе с подгруппами, которые отнесены к каждому аспекту характеристики (примеры – наименования лиц, использующиеся в текстах А.П. Чехова).

1. Постоянные биофизические характеристики

- 1.1. Пол (*мужчина, женщина, баба, муж* и др.)
- 1.2. Возраст (*ребенок, старик* и др.)
- 1.3. Особенности внешности (*красавец, красавица* и др.)
- 1.4. Живой/неживой (*мертвец* и др.)

2. Постоянные социальные характеристики

- 2.1. Место рождения, национальность (*азиат, араб, армяшка* и др.)
- 2.2. Родство (*мать, отец, брат, сестра* и др.)
- 2.3. Социальная принадлежность (*босяк, бродяга, барин* и др.)

3. Сфера деятельности, профессия

- 3.1. Наука и образование (*учитель, наставник, студент* и др.)
- 3.2. Медицина (*врач, доктор, акушер, коновал* и др.)

- 3.3. Транспорт (*возница, возчик, извозчик, кучер* и др.)
- 3.4. Техника (*техник, технолог* и др.)
- 3.5. Спорт (*атлет* и др.)
- 3.6. Охота и рыболовство (*рыбак, рыбарь, рыболов, охотник* и др.)
- 3.7. Религия (*иерей, поп, дьякон* и др.)
- 3.8. Искусство и культура (*артист, актер, писатель* и др.)
- 3.9. Экономика (*банкир, делец, маклер* и др.)
- 3.10. Право (*адвокат, обвинитель, судья* и др.)
- 3.11. Политика (*политик, депутат* и др.)
- 3.12. Государственная служба
 - 3.12.1. Исполнительная / законодательная / судебная (*министр, прокурор / депутат / судья* и др.)
 - 3.12.2. Выборная / назначаемая должность (*министр / депутат* и др.)
- 3.13. Военная служба (*солдат, полковник, генерал* и др.)
- 3.14. Сельское хозяйство. Садоводство. Животноводство (*пастух, пасечник, садовод* и др.)
- 3.15. Строительство (*строитель, маляр, плотник* и др.)
- 3.16. Сфера обслуживания (*гувернер, прислуга, официант* и др.)
- 3.17. Торговля (*маклер, продавец, торговец* и др.)
- 3.18. Ремесло (изготовление товаров) (*сапожник, швея, гончар* и др.)

4. Характеристика свойств личности

- 4.1. Характер, эмоциональные особенности личности
 - 4.1.1. Воля / безволие (*кремень, мямля, размазня* и др.)
 - 4.1.2. Чувствительность / бесчувствие (*романтик, неженка, лед* и др.)
 - 4.1.3. Спокойствие / беспокойство (*флегма, горячка* и др.)
 - 4.1.4. Смелость / трусость (*смельчак, трус, храбрец* и др.)
 - 4.1.5. Доброта / жестокость (*добряк, филантроп, изверг* и др.)

- 4.1.6. Благородство / неблагородство (*джентльмен, рыцарь, подлец* и др.)
- 4.1.7. Скромность / высокомерие, хвастовство (*скромник, тихоня, гордец* и др.)
- 4.1.8. Смушение, стыд / бесстыдство (*срамник* и др.)
- 4.1.9. Искренность / лицемерие (*лицемер, врун* и др.)
- 4.1.10. Терпение, настойчивость / отсутствие терпения, настойчивости (*агнец, паинька, упрямец* и др.)
- 4.1.11. Требовательность / нетребовательность (*капризник* и др.)
- 4.1.12. Способность радоваться / расположенность к грусти (*весельчак, забавник* и др.)
- 4.1.13. Склонность любить / склонность к неприязни (*донжуан, ненавистник* и др.)
- 4.1.14. Интерес / равнодушие (*сухарь* и др.)
- 4.1.15. Дружелюбие, общительность / стремление к одиночеству, необщительность (*друг, товарищ, аскет, анахорет* и др.)
- 4.1.16. Некритическое отношение, одобрение, доверчивость / критическое отношение, неодобрение, недоверчивость (*поклонник, обожатель, критикан* и др.)
- 4.1.17. Оптимизм, склонность надеяться / отчаяние, пессимизм (*оптимист, пессимист* и др.)
- 4.2. Образ жизни (*обыватель, бродяга* и др.)
- 4.3. Интеллект
- 4.3.1. Интеллектуальные свойства личности (*балбес, дурак, умник* и др.)
- 4.3.2. Интеллектуальная деятельность человека
- 4.3.2.1. Познание (*дока, знаток, специалист* и др.)
- 4.3.2.2. Определение (*толкователь* и др.)
- 4.3.2.3. Воображение (*изобретатель, фантазер* и др.)

4.4. Стандартность / нестандартность (*оригинал* и др.)

4.5. Способности (*талант, маг* и др.)

4.6. Мастерство (*мастер, виртуоз* и др.)

4.7. Везучесть (*счастливчик, удачник, неудачник* и др.)

4.8. Независимость (*раб, вольнодумец* и др.)

4.9. Значимость, авторитетность (*авторитет, туз* и др.)

4.10. Особенности коммуникации

4.10.1. Характерные особенности произношения, выговора, манеры речи (*заика* и др.)

4.10.2. Характерные особенности изложения, текста, стиля (*краснобай, оратор, балаболка, брюзга, крикун* и др.)

4.10.3. Достоверность / недостоверность (*пустомеля, пустослов* и др.)

5. Привычки, индивидуальные особенности физических проявлений (*алкоголик* и др.)

6. Характеристика взглядов, мировоззрения:

6.1. Отношение к религии

6.1.1. Человек по отношению к вероисповеданию (*атеист, православный, неверующий* и др.)

6.1.2. Человек по образу жизни, поведению, участию в обрядовой жизни (*богомалец, грешник, праведник* и др.)

6.2. Отношение к власти (*анархист* и др.)

6.3. Отношение к жизни (*оптимист, живчик* и др.)

7. Увлечения, занятия (*собиратель, путешественник* и др.)

8. Принадлежность к коллективу и позиция в нем

8.1. Представитель (*глашатай* и др.)

8.2. Ранг, значимость (*начальник, лидер, пешка, винтик, изгой* и др.)

8.3. Кооперация / конфронтация (свой/чужой) (*защитник, враг, друг* др.)

8.4. Активность / пассивность (*заходила, заводчик, запеваля, затейщик, зачинщик, начинщик* и др.)

8.5. Титул (*аристократ, граф, князь* и др.)

9. Ситуативная характеристика

9.1. Как выглядит (*силуэт, фигура* и др.)

9.2. Что делает в данный момент (*пешеход, всадник* и др.)

9.3. Роль в ситуации, в деятельности

9.3.1. Каузатор (*виновник* и др.) / подчиненная, зависимая сторона (*пациент* и др.)

9.3.2. Контрагент / помощник, соучастник (*защитник* и др.)

9.4. Привычность ситуации для человека (*новичок* и др.)

9.6. Неопределенность / определенность (*аноним, икс, инкогнито, незнакомец* и др.)

Данный вариант «анкетного» описания признаков лица нуждается в доработке, но, как представляется, он в целом позволяет разметить имеющийся список наименований лиц таким образом, чтобы не только находить в корпусе определенную информацию о лицах, но и делать выводы о главных аспектах характеристики лиц и выявлять дискурсивные, жанровые, авторские различия этих аспектов.

3. Структура и состав создаваемой словарной базы данных «Наименования лиц»

В результате анализа корпуса Чехова был получен словник наименований лиц. Общее количество наименований составило 3714 единиц. В данное количество входит 1492 единицы, которые отсутствовали в «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой. При этом 2222 слова из списка словаря в корпусе текстов А.П. Чехова найдено не было. Полученный общий список, в который вошли 5936 единицы (нарицательные

существительные), составил основу создаваемой в ЛОКЛЛ словарной базы данных «Русские наименования лиц». Она предназначена для последующей работы с текстами – их семантической разметки и поиска в них единиц нужного семантического типа.

При создании базы данных прежде всего нужно определить те типы информации, которые должны приписываться единицам и по которым их требуется искать. Удобство поиска требует того, чтобы эти типы информации помещались в разные поля. Одно и то же нарицательное существительное регулярно характеризует лицо сразу по нескольким представляющим информационным интерес семантическим признакам, например по денотативному классу, полу, возрасту и оценке. Кроме того, в лексическом значении может присутствовать сема ‘собираемость’. Поэтому было решено использовать при семантическом описании каждого слова принцип фасетной, многоаспектной классификации, при котором семантика каждого слова описывается как состоящая из одного и того же набора признаков, а значение каждого из признаков варьируется. В случае если какой-то признак для данной единицы нерелевантен, например значение таксономического класса для общеоценочных слов, он просто получает у слова нулевое значение. Помимо семантических признаков, в базе должно фиксироваться также наличие у слова вариантов и их прагматические свойства, а также присловная информация функционально-семантического и количественного типа. Особое значение имеет информация о том, имеет ли слово иное, неличное значение. В базе должны быть также отражены синонимические и гиперонимические отношения между единицами. Представляется, что в конечном итоге каждое наименование лица должно характеризоваться по следующему набору признаков:

- 1) денотативный класс и подкласс;
- 2) информация о поле;
- 3) наличие экспрессивно-оценочного компонента и его тип;
- 4) наличие значения ‘совокупность’;

- 5) связь с синтаксической позицией;
- 6) степень употребительности (с привязкой к разного типа стилям и предметным областям);
- 7) наличие «неличных» значений;
- 8) варианты;
- 9) возможные синонимы и гиперонимы (помимо слова 'человек').

Признак 1 нужен для определения основного таксономического класса, к которому относит человека имя, и характеризуемого аспекта. Он может определяться на основе семантической классификации изложенного выше типа. Признаки 2–4 являются чаще всего дополнительными, модифицирующими по отношению к таксономическим. Именно они регулярно различают производящие слова и их модифицирующие словообразовательные производные. Ср., например, *англичанин* и *англичанка* (различие только по признаку 'пол'), *учительница* и *училка* (различие только по признаку 'оценка'), *человек* и *человечество* (различие только по признаку 'совокупность'). Признак 5 должен характеризовать слово по той синтаксической позиции, которая для него более характерна. Этот признак нуждается в дальнейшей проработке. На данном этапе работе размечается только позиция обращения, по которой маркируются слова, использующиеся преимущественно в этой функции (например, *голубушка*, *сударь* и т.п.). Признак 6 предполагает характеристику лексемы по ее употребительности, т.е. по количеству словоупотреблений с нужным значением. Эта информация в настоящее время определяется на основе корпуса А.П. Чехова, однако очевидно, что количественные данные должны даваться для отдельных предметных областей и стилей, что требует проведения специальных исследований. По признаку 7 характеризуются многозначные лексемы, для которых значение лица не является единственным.

В настоящее время ведется работа по характеристике единиц базы некоторыми типами информации на основе данных корпуса А.П. Чехова. Ее результаты ниже показаны на примере трех слов.

Таблица 2. Фрагменты словарной базы данных «Наименования лиц»

АКТЁР	
Денотативный класс и подкласс	3. Сфера деятельности, профессия 3.8. Искусство и культура
Информация о поле	М
Наличие экспрессивно-оценочного компонента и его тип	0
Наличие значения 'совокупность'	0
Связь с синтаксической позицией	0
Количество употреблений в корпусе Чехова	344
Наличие «неличных» значений	0
Варианты	0

СЕСТРЁНОЧКА	
Денотативный класс и подкласс	2. Постоянные социальные характеристики 2.2. Родство
Информация о поле	Ж
Наличие экспрессивно-оценочного компонента и его тип	+
Наличие значения 'совокупность'	0
Связь с синтаксической позицией	Не только в позиции обращения

	(ср.: «Я ее уже люблю, ведь она приходится мне сестреночкой»; «Кланяйся сестреночке и поцелуй ручку»; «И сестреночку с собой возьмем» («Три года»))
Количество употреблений в корпусе Чехова	7
Наличие «неличных» значений	0
Вариант	0

ДУБИНА	
Денотативный класс и подкласс	4. Характеристика свойств личности 4.3. Интеллект 4.3.1. Интеллектуальные свойства личности
Информация о поле	М и Ж
Наличие экспрессивно-оценочного компонента и его тип	0
Наличие значения 'совокупность'	0
Связь с синтаксической позицией	Предикат и обращение
Количество употреблений в корпусе Чехова	12
Наличие «неличных» значений	Толстая тяжелая палка
Вариант	ддубина, ду-би-на

В приложении 1 «Словник характеризующих наименования лиц с их семантическими характеристиками (слова на букву «А»)» представлены результаты начальной стадии работы по характеристике единиц создаваемой базы данных, проведенной автором.

4. Описание лексического значения отдельных единиц

При работе с авторскими текстами и текстами предшествующих временных периодов регулярно возникает проблема слов с непонятным значением (агномимов) или отклоняющимися от современных и общепринятых особенностями употребления. В корпусе А.П. Чехова встречаются такие слова, потребовавшие специального исследования. Ниже описаны некоторые результаты такой работы.

Индифферентист. Это слово мы встречаем в тексте письма к А.Н. Плещееву, 4 октября 1888 года:

(26) «Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист».

В «Словаре современного русского литературного языка» (БАС) это слово есть и оно определено так «Человек, относящийся ко всему равнодушно, безучастно» [Словарь современного русского литературного языка, с. 340]. Однако примером употребления этого слова в словаре служит именно указанное выше предложение из письма А.П. Чехова. Поэтому потребовалось проанализировать значение данного слова в словарях чеховского времени. В словарях А.Н. Чудинова (1894 г.) и А.Д. Михельсона (1865 г.) это слово есть. Оно определено следующим образом: «(ново-лат.). Человек равнодушный в вопросах политики, веры и пр.» [Чудинов 1894, с. 342] и «новолатинск. Человек равнодушный к вере» [Михельсон 1865, с. 258]. Таким образом, мы видим, что

индефферентист – неавторское слово. Оно характеризует прежде всего общественно-политические и религиозные взгляды и этим, вероятно, отличается от современного жаргонного «пофигист».

Пед или *педа*. Начальная форма слова неясна, так как у А.П. Чехова оно стоит во множественном числе. Ср.:

(27) «Греческий дидаскалос будет у тебя после десятого мая. С женой и с педами. Поживут только до 20 сентября, к сожалению, больше не могут, как я ни уговариваю». (Письмо Ал.П. Чехову, 19 апреля 1904)

По контексту можно догадаться, что «педы» – это дети. И действительно, в «Энциклопедическом словаре медицинских терминов» находим значение компонента «пед-» (др. греч.) – «греч. *país, paidos* или *paidion* ребенок) – составная часть сложных слов, означающая "относящийся к ребенку", "детский"» [Покровский 2005, с. 877]. Таким образом, мы видим превращение А.П. Чеховым аффиксоида в слово. Употребление именно греческого корня вполне объяснимо, так как наименование «педы» относится к детям греческого дидаскалоса (по-гречески «дидаскалос» – учитель).

Барышня-*ремингтонка*. Слово встретилось в письме к А.С. Суворину, 7 декабря 1895:

(28) «Пишу у барышень-ремингтонок, которые успели напечатать».

В большом количестве других текстов (были использованы интернет-ресурсы) и словарях данное слово не удалось обнаружить. В словаре Д.Н. Ушакова как устаревшие отмечены слова *ремингтонист*, *ремингтонистка* (машинистка) (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/0ush.htm>, <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/0ush.htm>). Это дает основание рассматривать слово как авторское, реализующее потенциальные возможности словообразовательного типа на -к(а).

Субалтерн-драматург. Слово встретилось в дарственной надписи А.А. Санину (Шенбергу), 21 сентября 1901, на титульном листе книги:

(29) «Александрю Акимовичу Санину, прапорщику запаса и старшему офицеру Художественно-Общедоступной Батгареи Гренадерской Драматической бригады от субалтерн-драматурга, автора А. Чехова на добрую память и в знак особой субординации».

Субалтерн – «от лат. *sub* – под и *alter* – другой). Зависимый, подведомственный, подчиненный» [Чудинов 1894, с. 825]. Данный аффиксоид употребляется преимущественно в военной сфере (ср.: *субалтерн-офицер*). Таким образом, здесь А.П. Чехов переосмысливает значение аффиксоида, употребляющего только в военной сфере, и применяет его к сфере театральной. «Субалтерн-драматург» – неологизм, авторское слово.

Делец. Это слово интересно с точки зрения оценочной. В работе В.В. Виноградова «История слов» находим статью на это слово: «Слово *делец* в современном языке обозначает: «предприимчивый человек, преследующий только практические цели (преимущественно коммерческие), погруженный всецело в практические интересы». Такое значение сложилось у слова *делец* не ранее 40–50-х годов XIX в. Оно было связано с ростом капитализма, с развитием промышленной буржуазии, с распространением типа буржуазных аферистов [Виноградов 1999, с. 137-138]. Подобные определения слова «делец» находим в словарях под ред. Т.Ф. Ефремовой, Д.Н. Ушакова, А.П. Евгеньевой. Это слово с явно негативной коннотацией. Подчёркивается предприимчивость дельца, его направленность на достижение практических, своекорыстных целей.

У А.П. Чехова данное слово встречаем и в нейтральных, и даже в положительных контекстах. Ср.:

(30) «Местоположение города прекрасное во всех отношениях, климат великолепный, плодов земных тьма, но жители инертны

до чёртиков... Все музыкальны, одарены фантазией и остроумием, нервны, чувствительны, но всё это пропадает даром... Нет ни патриотов, ни дельцов, ни поэтов, ни даже приличных булочников». (Письмо Н.А. Лейкину, 7 апреля 1887)

(31) «Мурза и прокурор (ещё не старый питерский делец) обещали свозить меня в татарские деревни и показать мне гаремы богачей». (Письмо М.П. Чеховой, 14 июля 1888)

По этим контекстам можно определить, что «делец» – это деловой человек, небездельник, нелентяй. Однако помимо этого можно найти и негативные контексты с данным словом.

Рассмотрим юмореску А.П. Чехова «Делец» (1885), где мы можем увидеть этот психотип достаточно полно охарактеризованным. А.П. Чехов приводит выписки из записной книжки дельца:

«Потрачено на угощение княжеского камердинера 5 р. 20 к. Сбыл акцию Лозово-Севастопольской дороги, причем потерпел 14 коп. убытку», «За сватовство Ерыгин недодал 7 руб. Того же дня на крестинах следил я за Куцыным, либерально заговаривал с ним о политике, но подозрительного ничего не добился. Придётся подождать», «Княгиня Хлыдина дает за свои любовные письма к поручику Скотову 1000 р. Просить 5000, уступить за 3000, но ни в коем разе не отдавать ей всех. То письмо, в котором описывается свидание в саду, продать ей особо в будущем», «Гусин дал 25 р. для отдачи их в газету «Хрюкало» за то, что не печатали судебного отчета. Будет с них и десяти» и т.п.

Таким образом, мы видим употребление слова «делец» у Чехова и с теми негативными коннотациями, которые описаны в словарях и в работе В.В. Виноградова. Так как юмореска по сравнению с письмами – более ранний текст, и та негативная коннотация, которая сопровождает слово в ней «делец»

не повлияла на его употребление в письмах, то можно предположить, что у А.П. Чехова это слово и стоящий за ним концепт более нейтральны, чем сейчас.

Мотыга. То же, что и «мот», то есть расточитель, прожигатель, транжир. В «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой слово «мотыга» определяется как «*прост. устар.* То же, что мот» [Словарь русского языка 1999, с. 304]. Аналогичное определение находим в «Словаре современного русского литературного языка». У А.П. Чехова данное слово встречается в следующих контекстах:

- (32) «Ведь муж у тебя не пьяница, не мотыга, не буян, я совсем немецкий муж по своему поведению; даже хожу в теплых кальсонах...» (Письмо О.Л. Книппер-Чеховой. 20 января 1902 г. Ялта)
- (33) «Пропаций ты человек, Феденька! Во всей губернии нет другого такого пьяницы и мотыги, как ты. Даже глядеть на тебя жалко. Фараон фараоном — чистое наказание!» («Леший», 1889-1890)

Слово **софта** (сущ. м.р.) в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» А.Н. Чудинова имеет два значения: «(*тур.*) 1) студент или ученик высшей школы; 2) монахи, ежедневно молящиеся за души умерших султанов на их могилах» [Чудинов 1894, с. 812]. В словаре Ф. Павленкова слово **софты** имеет значение «в Турции воспитанники высших духовных школ; сторонники национальных фанатических стремлений, враги европейской цивилизации» [Павленков 1907, с. 527]. Сходное значение находим и в словаре М. Попова: «воспитанники высшей духовной школы в Константинополе; проникнуты враждой к христианам и ко всему христианскому» [Попов 1911, с. 363].

У А.П. Чехова оно используется в следующем контексте:

- (34) «По-моему, взрослые, т. е. отцы и власть имущие, дали большого маху; они вели себя, как турецкие паши с младотурками и

софтами, и общественное мнение на сей раз весьма красноречиво доказало, что Россия, слава богу, уже не Турция» (Письмо И.И. Орлову. 18 марта 1899 г. Ялта).

Этот контекст не позволяет однозначно понять, в каком именно значении употребляется здесь слово *софта*. Учитывая значение его однородного члена *младотурки* («Буржуазная прогрессивная политическая партия в старой, султанской Турции» [<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/0ush.htm>] и «политическое движение в Османской империи, которое, начиная с 1876 года, пыталось провести либеральные реформы и создать конституционное государственное устройство» [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Младотурки>]), т.е. группы лиц, чья деятельность направлена против действующей государственной власти, можно предположить, что в тексте А.П. Чехова слово *софта* используется в значении «сторонники национальных фанатических стремлений, враги европейской цивилизации».

Мужик. Это слово в текстах А.П. Чехова употребляется либо в значении ‘крестьянин’:

(35) «Откудова это видно, штоб барин на мужика похож был?» («За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь», 1880 г.),

либо в контекстах, которые не позволяют чётко определить значение:

(36) «Около плотины испугал вас какой-то мужик» («Шведская спичка», 1884 г.)

Контекстов с явным широко распространенным в СРЯ разговорно-сниженным значением ‘мужчина’ обнаружено не было.

Как показывает проведенный анализ, при изучении «новых», непонятных слов и употреблений возникает сложная проблема различения авторских и неавторских слов. То, что кажется авторским неологизмом, на самом деле может оказаться вполне узуальной и зафиксированной в словарях, но

устаревшей к настоящему времени единицей. Поэтому присвоение «новому» слову статуса авторского требует тщательной предварительной работы с имеющимися лексикографическими источниками.

5. Основные выводы

Исследование русской номинативной парадигмы 'лицо', проведенное на материале текстов корпуса А.П. Чехова и основных русских семантических словарей, позволило определить основной лексемный состав русских нарицательных существительных, входящих в эту парадигму, а также предложить вариант их семантической классификации. Этот вариант базируется на существующих классификациях, но представляется более оптимальным с информационной точки зрения и с точки зрения решения задачи автоматизации сбора текстовой информации. Проведенный анализ выявил также те типы информации, которые необходимы для полного функционально-семантического описания наименования лиц.

В данной главе были приведены некоторые результаты анализа корпусного материала с помощью словника, размеченного семантическими классами. Представляется, что данные о лексемном объеме слов, входящих в класс, и о количестве их словоупотреблений могут использоваться при определении степени значимости разных типов информации о человеке и степени их лексемной "разработанности" в конкретном языке, идиолекте, дискурсе и т.п.

Глава III. Функционирование наименований лиц в тексте

В первой главе обосновывалась необходимость и целесообразность введения особой единицы описания текстовых номинаций – **номинативного ряда**. Если номинативная парадигма базируется на денотативном тождестве (все имена объекта типа «лицо»), то номинативный ряд нужен для исследования и объединения всех наименований одного текстового референта (п.е. можно говорить о номинативном ряде «Петров», «Сидоров» и т.п. в определенном тексте). Каждый номинативный ряд является текстовой реализацией общеязыковой номинативной парадигмы «лицо» и представляет собой последовательность номинаций одного конкретного референта.

С точки зрения информационной идеальной была бы ситуация, при которой каждый текстовый референт имел одно уникальное имя-идентификатор, и оно бы не варьировалось хотя бы в пределах одного текста. Однако для текстов на естественных языках нормой является номинативное варьирование, в результате которого возникают номинативные цепочки не из одной, а из нескольких лексических единиц, которые связаны отношениями кореферентности. Анализ номинативных рядов позволяет исследовать закономерности выбора текстовых вариантов наименований, связь лексических средств разных типов (нарицательных существительных с конкретной или общей семантикой, онимов или местоименных средств) с текстовыми позициями и факторы, влияющие на выбор того или иного типа наименования. Как показывают имеющиеся исследования, выбор средства номинации и сообщаемая об объекте информация обусловлена прежде всего текстовой позицией. Поэтому ниже будет рассмотрена связь средств, входящих в номинативные ряды, и главных текстовых позиций. Эта связь и другие закономерности выбора варианта номинации будут анализироваться на основе номинативных рядов текстов А.П. Чехова. Эти ряды отличаются большой длиной и разнообразием используемых в них языковых средств, а также

многофокусностью, поэтому чеховский материал можно считать особенно репрезентативным с точки зрения исследования механизма текстовых номинаций.

Анализ будет строиться позиционно, т.е. сначала будут рассматриваться средства, используемые при первичной номинации, затем при вторичной и в позиции обращения.

1. Текстовые позиции и выбор средств номинации лица

Подбирая подходящее средство для номинации референта, говорящий решает задачу характеристики или идентификации, в зависимости от того, в какой текстовой позиции упоминается референт. Ключевыми для выбора наименования лица являются три главные текстовые позиции – первая (интродуктивная) номинация, повторная номинация и обращение.

При **первой номинации** объект выделяется из поля знания или вводится в него. Идентификация здесь носит «внешнетекстовый» характер и заключается в том, «что значение наименования позволяет адресату (в нашем случае – читателю) при помощи номинации выделить из поля своего знания или восприятия именно тот объект, о котором делается сообщение» [Арутюнова 1977 (2), с. 188]. Для такого выделения требуется произвести «анкетную характеристику» объекта, т.е. описать индивидуальные признаки референта, значимые с точки зрения сюжета, описываемой ситуации. Поэтому для позиции первичной номинации можно говорить об описательно-идентифицирующей функции.

Во второй позиции – **позиции повторной номинации**, идентификация имеет другой характер – здесь выбор производится среди упомянутых в тексте лиц, т.е. носит внутритекстовый характер. Главной для данной позиции является собственно идентификационная, «анафорическая» функция. Говорящий при номинации уже упомянутого лица сталкивается с проблемой выбора другого типа – выбора оптимального средства указания на уже

упомянутое лицо, устраняющего возможный референционный конфликт. Оптимальным средством для указания на кореферентность было бы отсутствие номинативного варьирования (например, регулярное использование в рассказе о референте его имени собственного). Однако естественный язык требует компрессии и разнообразия. Так, одним из важнейших стилистических правил русского литературного языка является отсутствие повтора уже упомянутого слова в ближайшем контексте. «Повторная номинация – важное средство достижения стилистической правильности и выразительности речи. Как известно, одно из основополагающих правил хорошего стиля состоит в необходимости избежать монотонности, однообразия в изложении. Это достигается за счет варьирования обозначений при повторной номинации» [Гак 1998, с. 540]. Это приводит к очень активному варьированию единиц в позиции повторной номинации и к увеличению состава номинативных рядов в СРЛЯ. Говорящему приходится регулярно менять способ номинации референта, выбирая между нарицательным существительным с конкретной или общей семантикой, онимом или местоименным средством. При этом выбор должен осуществляться таким образом, чтобы не возникал референционный конфликт.

В качестве третьей позиции можно рассматривать **позицию обращения**. Она, в отличие от остальных двух, не используется в нарративе. В этой позиции имя существительное выполняет идентифицирующую функцию особого типа – функцию «зова» адресата речи. При этом способы обращения к одному и тому же лицу также сильно варьируются в зависимости от отношения говорящего и условий коммуникации. Такое варьирование часто служит для выражения оценки и отношения (см., например, [Янко 2011]). В русском языке с его развитым экспрессивным словообразованием возможности номинативного варьирования в этой позиции очень велики (см. параграф 4 «Номинации в позиции обращения»).

Поскольку разные семантические типы средств номинации лиц в разной степени способны к идентификации, характеристике и вокативизации,

существует связь между позицией и средством, способным ее занимать. В первой из трех основных позиций говорящий выбирает прежде всего, какие типы информации о человеке целесообразно сообщить в первую очередь в конкретной ситуации. Здесь происходит выбор из тех присущих объекту номинации признаков, которые составляют его «анкету» (см. семантическую классификацию наименований лиц в главе II). В позиции повторной номинации выбор осуществляется между языковыми средствами разных типов (нарицательным существительным с конкретной или общей семантикой, онимом, местоименным средством). Наиболее подходящим для этой позиции средством будет то, которое наилучшим образом обеспечит кореферентность. В позиции обращения выбор средства номинации зависит от прагматических смыслов, стоящих за способом обращения.

Информация о связи определенных нарицательных существительных с одной из указанных позиций должна находить отражение в их лексикографическом описании, а также при описании модификационных словообразовательных типов имен собственных.

2. Первичная (интродуктивная) номинация

Первичная (интродуктивная) номинация служит для ввода персонажа в повествование. Здесь герой впервые представляется читателю. В позиции первичной номинации осуществляется характеристика, описание героя. Та или иная единица наименования выбирается в соответствии с задачей сообщить читателю нужные сведения о новом предмете речи. Какая именно информация будет представлена в позиции первичной номинации, обусловлено рядом факторов. Например, выбор наименования зависит от замысла автора (представить персонажа как уже знакомого либо незнакомого читателю), от наличия других уже поименованных персонажей, от дистанции до ближайшей номинации другого персонажа, особенностей некоторых групп наименований

лиц, для которых более характерно или менее характерно занимать позицию первичной номинации в силу своей семантики, и др.

Ниже будут рассмотрены те виды наименований, которые регулярно используются при первой номинации, т.е. начинают номинативный ряд. Как показал анализ, выбор средства наименования тесно связан с категорией определенности/неопределенности, а точнее, известности/неизвестности автору и/или читателю. Поэтому сначала будут рассмотрены средства ввода известного автору лица, а затем неизвестного ему лица.

2.1. Ввод известного автору лица

При вводе известного автор лица стандартом является использование имен нарицательных определенной конкретной семантики в сочетании с именами собственными.

2.1.1. Имя нарицательное в позиции первичной номинации

Анализ рассказов А.П. Чехова показал, что позицию первичной номинации чаще всего занимают единицы, обозначающие лицо по *возрасту, полу, социальным характеристикам, сфере деятельности, профессии*. Первичные номинации могут представлять собой целый комплекс, состоящий из разного количества наименований в разных комбинациях. А.П. Чехов обычно сразу сообщает имя, профессию, социальное положение вводимого лица. Это те сведения, которые мы в первую очередь получаем от других людей в процессе обычного бытового общения. Именно с этой информации начинается знакомство с человеком, формирование представления о нем. Ниже приводятся некоторые примеры первичных номинаций персонажей в произведениях А.П. Чехова:

- (37) «Помещик отставной штаб-ротмистр Докукин» («Последняя могиканша»);

- (38) «Помещик Нилов, плотный, крепкий мужчина, славящийся на всю губернию своей необыкновенной физической силой» («Волк»);
- (39) «Нянька Варька, девочка лет тринадцати» («Спать хочется»);
- (40) «Опереточная певица Наталья Андреевна Бронина» («Mari d'elle»);
- (41) «Секретарь земской управы Грязнов и учитель уездного училища Лампадкин» («В Париж!»);
- (42) «Действительный статский советник Козерогов» («Отрывок»);
- (43) «генерал Панталыкин» («Рыбья любовь»);
- (44) «Андрей Васильич Коврин, магистр» («Черный монах»);
- (45) «старик священник» («Убийство»);
- (46) «Лакей при московской гостинице «Славянский Базар», Николай Чикильдеев» («Мужики»).

Такие характеристики, как указывает В.Г. Гак, входят в представление автора о пресуппозиции читателя: «При абсолютном зачине произведения, когда читателю еще ничего неизвестно о предмете повествования, последний может быть введен только путем его соотнесения с той системой понятий, которая входит в пресуппозицию носителей языка» [Гак 1998, с. 536].

Как показал анализ первичных номинаций, комплексные номинации, состоящие из нескольких единиц, именующих лицо по разным параметрам, в рассказах А.П. Чехова используются довольно часто. В среднем в такой комплекс входит два наименования (см. примеры выше). Однако встречаются и трехкомпонентные первичные наименования: «Помещик отставной штаб-ротмистр Докукин» («Последняя могиканша»), «Иван Великопольский, студент духовной академии, сын дьячка» («Студент»), «Нянька Варька, девочка лет тринадцати» («Спать хочется»). Более длинных структур нами обнаружено не было.

Как видно из примеров, номинации с указанными значениями (возраст, пол, социальные характеристики, сфера деятельности, профессия) очень часто используются вместе с онимами. Отметим, что А.П. Чехов почти всегда присваивает персонажам имена собственные. Ситуации, когда герои (в особенности главные) не наделяются собственными именами, являются скорее исключением.

Итак, наименование персонажа в позиции первичной номинации типа «имя собственное + характеристика по возрасту / полу / социальному положению / сфере деятельности, профессии» очень характерно для рассказов А.П. Чехова. В самом начале произведения эти сведения указываются как бы в виде анкеты, через запятую, без каких-либо подробностей, без описания какой-либо ситуации. С помощью этих сведений часто уже в первом предложении читатель может получить достаточно полное представление о персонаже. Отбор сообщаемых признаков отражает, очевидно, их иерархию в чеховской типологии лиц. Выбор такого комплексного, многоаспектного способа первичной номинации персонажа, видимо, связан с формой рассказа, где вся необходимая информация подается сжато, где выбирается только самое важное для текста, только те сведения, на которых в дальнейшем будет базироваться повествование.

2.1.2. Имя собственное в позиции первичной номинации

Имя собственное в текстах А.П. Чехова в позиции первичной номинации встречается довольно часто. Это объясняется тем, что, «когда речь идет о конкретном уникальном объекте, то идентифицирующим целям наиболее адекватно удовлетворяет имя собственное» [Арутюнова 1977 (2), с. 189].

Анализ показывает, что в подавляющем большинстве случаев в позиции первичной номинации лица в рассказах А.П. Чехова имя собственное присутствует. Это, на наш взгляд, можно объяснить жанром произведений:

малая форма рассказа «вынуждает» автора использовать такой прием для того, чтобы максимально быстро, без лишних предисловий, погрузить читателя в описываемую ситуацию. В норме оно сопровождается именами нарицательными. При этом оно может занимать как первую позицию в номинативном ряду («Иван Великопольский, студент духовной академии, сын дьячка, возвращаясь с тяги домой, шел все время заливным лугом по тропинке» («Студент»)), так и заканчивать цепочку интродуктивных номинаций персонажа («Инженер Ананьев, его помощник студент фон Штенберг и я вышли из барака посмотреть, на кого она лает» («Огни»)).

Случаи, когда в позиции первичной номинации используется только имя собственное и при этом не сообщается никакой дополнительной информации, можно рассматривать как нестандартные. Ср.: «На свадьбе у Ольги Ивановны были все ее друзья и добрые знакомые» («Попрыгунья»); «Петр Михайлыч Ивашин был сильно не в духе: его сестра, девушка, ушла к Власичу, женатому человеку» («Соседи»); «Дмитрий Петрович Силин кончил курс в университете и служил в Петербурге, но в 30 лет бросил службу и занялся сельским хозяйством» («Страх (рассказ моего приятеля»)).

Рассмотрим такие случаи, начинающие текст, подробнее.

- (47) «Петр Михайлыч Ивашин был сильно не в духе: его сестра, девушка, ушла к Власичу, женатому человеку» («Соседи»)
- (48) «Иван Алексеевич Огнев помнит, как в тот августовский вечер он со звоном отворил стеклянную дверь и вышел на террасу» («Верочка»)
- (49) «Ефрем Денисов тоскливо поглядел кругом на пустынную землю» («Встреча»)
- (50) «На свадьбе у Ольги Ивановны были все ее друзья и добрые знакомые» («Попрыгунья»)

- (51) «Федор Федорович Сигаев вскоре после того, как застал свою жену на месте преступления, стоял в оружейном магазине Шмукс и К^о и выбирал себе подходящий револьвер» («Мститель»)
- (52) «Был канун Рождества. Марья давно уже храпела на печи, в лампочке выгорел весь керосин, а Федор Нилов все сидел и работал» («Сапожник и нечистая сила»)
- (53) «В одну скверную осеннюю ночь Андрей Степанович Пересолин ехал из театра» («Винт»)

В вышеперечисленных примерах (47–53) рассказ о персонаже начинается не с каких-либо общих сведений о нем, знакомящих его с читателем, а с информации о том, что в данный момент чувствует персонаж, названный только именем собственным, или что он в данный момент думает, или с описания какой-то конкретной ситуации с участием этого персонажа. Использование такого зачина выступает в качестве особого художественного приема. В таких случаях создается ощущение, что читатель застаёт героя внезапно, в некий значимый момент времени, которому предшествовала ситуация, о которой часто рассказывается в дальнейшем.

Такой необычный ввод персонажа в текст произведения, несомненно, является значимым. Нестандартный зачин может носить стилистический характер и всегда объясняется содержанием или формальной организацией произведения. Употребление имени собственного в абсолютном зачине, по словам В.Г. Гака, позволяет ввести читателя сразу непосредственно в гущу событий [Гак 1998, с. 538]. В текстах А.П. Чехова этот прием используется достаточно часто.

Отметим, что еще больший эффект вовлеченности читателя в гущу событий возникает, когда рассказ начинается с реплики персонажа. Ср. примеры:

- (54) «–Пустите меня, я хочу сама править! Я сяду рядом с ямщиком! – говорила громко Софья Львовна» («Володя большой и Володя маленький»)
- (55) «–Павел Васильич! – будит Пелагея Ивановна своего мужа. – А Павел Васильич! Ты бы пошел позанимался со Степой, а то он сидит над книгой и плачет. Опять чего-то не понимает!» («Накануне поста»)

Такой художественный прием в некоторых работах называется «началом с середины» (см., например, [Кухаренко 1988], [Шилина 2003] и др.). А нестандартные случаи, когда читатель не сразу получает всю необходимую информацию о персонаже, то есть знакомится с образом и характером персонажа постепенно, а не в начале текста, когда представление персонажа специально откладывается, называют «импликацией предшествования» (см., например, [Кухаренко 1988], [Лелис 2011] и др.).

Возникающий в таких случаях эффект «начала с середины» можно объяснить тем, что употребление имени собственного без сопровождения имен нарицательных является маркером повторной, а не интродуктивной номинации. Именно поэтому в начале номинативного ряда оно аномально и создает «импликацию предшествования».

2.1.3. Местоимение 3-го лица в позиции первичной номинации

Еще более нестандартным вводом персонажа в текст произведения является использование **местоимения 3-го лица**. В норме эта единица используется для повторной номинации ранее названного объекта и должна иметь антецедент в предшествующем тексте. В случае, когда антецедент отсутствует, возникает особый художественный эффект, сходный с описанным в предыдущем параграфе: читатель оказывается погруженным в самую гущу описываемых событий, создается впечатление, что у рассказчика и читателя

есть некие общие сведения о персонаже и ситуации, о которой идет речь, и дополнительная информация в связи с этим не требуется. Ср. пример начала рассказа:

- (56) «Однажды, когда она еще была моложе, красивее и голосистее, у нее на даче, в антресолях, сидел Николай Петрович Колпаков, ее обожатель» («Хористка»).

В рассказе «Хористка», на наш взгляд, данный прием использован, для того чтобы с первых строк погрузить читателя во внутренний мир героини, чьи воспоминания, переживания показаны в тексте и с чьей точки зрения подаются события.

2.1.4. Ввод известного автору лица с помощью именной группы с актуализатором «один»

Особый способ ввода лица представляют собой именные группы с актуализатором «один». Ср. следующие примеры:

- (57) «Между приятелями был у меня тогда один начинающий адвокат» («Сильные ощущения»);
- (58) «Однажды оба они ехали в вагоне железной дороги и старались победить одну девицу» («Говорить или молчать?»);
- (59) «По причинам, о которых не время теперь говорить подробно, я должен был поступить в лакеи к одному петербургскому чиновнику, по фамилии Орлову» («Рассказ неизвестного человека»);
- (60) «Один досужий Шпекин, любивший запускать глазнапа и узнавать «что новенького в Европе», составил некоторого рода статистическую табличку, являющуюся драгоценным вкладом в науку» («Статистика»).

Исследователи считают, что актуализатор *один* имеет значение «один из элементов класса, обозначенного существительным» [Гуревич 2003, с. 17]. То есть при наличии перед именем существительным данного актуализатора объект, обозначенный такой именной группой, характеризуется как один из элементов названного класса. При этом слово *один* сохраняет количественный компонент значения. Таким образом, актуализатор *один* в описанных случаях выполняет функцию неопределенного артикля [там же, с. 12-13]. Как отмечает Е.В. Падучева, слово *один* является слабо определенным референтным местоимением, для которого характерно выражать «известность объекта для говорящего, который не предполагает его известным слушающему» [Падучева 1985, с. 90]. Называя объект именной группой с актуализатором *один*, говорящий не выдвигает к собеседнику требования опознать объект с помощью данной дескрипции, хотя сам имеет в виду какой-то конкретный объект. Такие именные группы Е.В. Падучева называет слабоопределенными и указывает, что они часто используются в составе интродуктивных предложений [там же].

Этот актуализатор можно рассматривать как знак неполной идентификации. Не случайно при его использовании редко употребляется имя собственное. Он является сигналом начала нового номинативного ряда и при этом обычно указывает на второстепенную роль лица в повествовании (если это не жанр притчи).

Таким образом, именные группы с актуализатором *один* обычно используются только для первичной номинации и служат для обозначения объектов, которые известны говорящему (рассказчику, герою), но однозначного опознания которых слушающим (читателем) не требуется. Важна только информация о том, что именуемый объект входит в состав некоего класса, обозначенного существительным.

2.2. Ввод неизвестного автору лица

Для ввода неизвестного лица в позиции первичной номинации используются имена нарицательные с самой общей семантикой (*человек* и т.п.), а также общие наименования с конкретизацией пола и возраста (*мужчина, мальчик, молодой человек* и т.п.). Основная часть таких случаев связана с визуальным восприятием и репродуктивным регистром. Поскольку речь идет о наблюдаемом, общие имена обычно сопровождаются описанием внешних особенностей лица или действий. При этом для обозначения неясно видимого лица при первичной номинации у А.П. Чехова часто используется слово *фигура*.

- (61) «Перед судебным следователем стоит маленький, чрезвычайно тощий мужичонко в пестрядинной рубахе и латанных портах» («Злоумышленник»)
- (62) «По краю сечи лениво, вразвалку, плетется высокий узкоплечий мужчина лет сорока, в красной рубахе, латаных господских штанах и в больших сапогах» («Егерь»)
- (63) «Молодой парень, белобрысый и скуластый, в рваном тулупчике и в больших черных валенках, выждал, когда земский доктор, кончив приемку, возвращался из больницы к себе на квартиру, и подошел к нему несмело» («Темнота»)
- (64) «В один июньский вечер, когда заходило солнце и в воздухе пахло сеном, теплым навозом и парным молоком, во двор к Дюде въехала простая повозка, на которой сидело трое: мужчина лет тридцати в парусиновом костюме, рядом с ним мальчик, лет семи-восьми, в длинном черном сюртуке с большими костяными пуговицами, и молодой парень в красной рубахе за кучера» («Бабы»)

- (65) «Но не прошли мы и ста шагов, как из-за молодого, аршинного ельника, точно из земли выросши, поднялась высокая, жидкая фигура с длинным овальным лицом, в потертом пиджаке, в соломенной шляпе и в лакированных ботфортах» («Пустой случай»)
- (66) «Против него сидел пожилой человек с бритой шкиперской физиономией, по всем видимостям, зажиточный чухонец или швед, всю дорогу сосавший трубку и говоривший на одну и ту же тему» («Тиф»)
- (67) «Когда ему подали щи, к его столу подошла еще новая, столь же незнакомая личность с лысиной, с бритым лицом и в золотых очках» («Злоумышленники (Рассказ очевидцев)»)
- (68) «Гляжу с балкончика вниз и вижу девицу с длинным лицом и с длинной талией» («Из записок вспыльчивого человека»)
- (69) «Но какое сладкое чувство охватило его душу, когда, отплыв шагов на сто в сторону, он увидел красивую девушку, сидевшую на крутом берегу и удившую рыбу» («Роман с контрабасом»)

В данных примерах рассказчик воссоздает ситуацию первой встречи с неизвестным ему персонажем и делится с читателем впечатлениями о нем.

Общие имена при этом часто сопровождаются эксплицитными **показателям неопределенности** (*какой-то, некий*). Такие сочетания образуют единую именную группу и служат эксплицитным средством выражения начала нового номинативного ряда и ввода неизвестного субъекту номинации (герою или рассказчику) персонажа:

- (70) «К ее великому удивлению, на пороге стоял не почтальон и не подруга, а какая-то незнакомая женщина, молодая, красивая, благородно одетая и, по всей видимости, из порядочных» («Хористка»)

- (71) «Через час он, поборов робость, подсел к какому-то господину в синем костюме и стал с ним бойко разговаривать» («Говорить или молчать?»)
- (72) «На палубе парохода, шедшего из Одессы в Севастополь, какой-то господин, довольно красивый, с круглою бородкой, подошел ко мне, чтобы закурить, и сказал...» («Ариадна»)
- (73) «В один из апрельских полудней 1880 года в мой кабинет вошел сторож Андрей и таинственно доложил мне, что в редакцию явился какой-то господин и убедительно просит свидания с редактором» («Драма на охоте»)
- (74) «Наверху за потолком какой-то энергический мужчина, вероятно ученик консерватории, разучивал на рояли рапсодию Листа с таким усердием, что, казалось, по крыше дома ехал товарный поезд» («Житейские невзгоды»)
- (75) «В один зимний полдень, когда Воротов сидел у себя в кабинете и работал, лакей доложил, что его спрашивает какая-то барышня» («Дорогие уроки»)
- (76) «Из отворенной двери вышел какой-то человек, принадлежащий к разряду заказчиков» («Каштанка»)

В данных примерах рассказчик знает столько же, сколько и читатель. За счет этого достигается бóльшая вовлеченность читателя в описываемую ситуацию. Рассказчик передает читателю информацию, полученную через зрительный канал восприятия. Читатель как бы находится непосредственно в том месте и в тот момент, когда разворачиваются события, и наблюдает происходящее вместе с рассказчиком.

Еще одна зона употребления маркера неопределенности связана с ситуацией неполного знания в информативном сообщении («...я припоминаю, как неделю тому назад в одном доме, когда я стал спрашивать, что мне делать от скуки, какой-то незнакомый господин, очевидно не москвич, вдруг

повернулся ко мне и сказал раздраженно» («В Москве»); «Читал я, говорю, что какой-то немец – забыл его фамилию – добыл из человеческого мозга новый алкалоид-идиотин» («Скучная история»); «Рассказывают, что будто какой-то немец прислал императору Вильгельму I шубу из кротовых шкур...» («Дуэль»)). Здесь *какой-то* указывает на неполноту знания (автору неизвестно имя лица). В этом заключается отличие от *один*, указывающего на отсутствие необходимости полной идентификации, а не на ее невозможность.

Неопределенные именные группы Е.В. Падучева характеризует следующим образом: «рассматриваемый объект (или множество объектов) включен в некоторое множество – открытое, т.е. задаваемое общим именем (например, *какой-то учебник*), или определенное, т.е. находящееся в общем поле зрения говорящего и слушающего (например, *кто-то из нас*); рассматриваемый объект является элементом этого множества, если он единичный, или составляет собственную часть этого множества, если он множественный» [Падучева 1985, с. 92]. Обозначенный с помощью неопределенной именной группы объект, как отмечает Е.В. Падучева, «индивидуализируется именно своим участием в ситуации, которая описана в данном предложении», а не заранее [Падучева 1985, с. 92].

Особого анализа требует случай использования ввода неизвестного персонажа в самом начале рассказа с помощью местоимения 3-го лица. Ср.:

(77) «Когда половой перечислил ему те немногие кушанья, какие можно достать в трактире, он подумал и сказал... <...> Затем все видели, как он поглядел на потолок и сказал <...> Мы говорим он, потому что ни половые, ни хозяин, ни посетители трактира не знали, кто он, какого звания, откуда и зачем приехал в наш город» («Злоумышленники (Рассказ очевидцев)»).

Здесь местоимение 3-го лица используется с целью, которую автор прямо прописывает в тексте рассказа: слово *он* употребляется, чтобы показать, что персонаж неизвестен ни рассказчику, ни кому-либо из героев. В данном

контексте выявляется наличие у местоимения третьего лица неопределенного семантического потенциала. Он также показывает аномальность такой номинации.

Итак, анализ средств интродуктивной номинации лица показал, что способ номинации можно использовать как сигнал начала нового номинативного ряда. При «сильной» определенности в начале ряда обычно сообщаются сведения о социальном положении, профессии, имени собственном, возрасте. Сигналом начала ряда являются показатели неопределенности. Изолированное же упоминание имени собственного или использование местоимения в норме информируют о продолжении уже начатого ранее ряда.

3. Повторная номинация

Повторная номинация – это наименование «уже ранее обозначенного в данном контексте денотата: лица, предмета, действия, качества» [Гак 1998, с. 524]. Как отмечается в специальной литературе и подтверждается нашим материалом, в позиции повторной номинации могут использоваться следующие языковые средства:

- 1) местоимение 3-го лица;
- 2) имя существительное, именуемое персонаж по уже известному его свойству, сообщенному при первичной номинации (*почтальон, сестра, брюнет, Маша* и пр.);
- 3) именные группы с существительными – общими именованиями или именованиями по полу и возрасту (*молодой человек, дама* и пр.) – как с указательным словом, так и без него;
- 4) именование, использованное ранее в речи другого персонажа;
- 5) номинация, сообщающая новую информацию, которая ранее не встречалась в тексте.

Основная функция всех этих средств заключается в правильной идентификации того персонажа, о котором идет речь. В.Г. Гак называет эту функцию повторной номинации семантической. «Семантическая функция – основная функция повторной номинации, и она становится особенно очевидной при наличии возможности выбора, то есть при описании одновременных действий различных субъектов», – отмечает исследователь [Гак 1998, с. 539].

Выбор того или иного варианта наименования осуществляется в зависимости от разных факторов и выполняет определенные текстовые функции. Закономерностям и особенностям выбора средства повторной номинации уделяется внимание в таких, например, работах, как [Гак 1998], [Падучева 1985], [Золотова и др. 2004], [Фонтаньский 2001], [Кибрик 1997], [Федорова 2000] и др. Среди факторов, влияющих на этот выбор, выделяют: уровень активации референта в сознании говорящего, расстояние от первичного наименования до вторичного, наличие/отсутствие референциального конфликта (то есть имеется ли другой референт, претендующий на данную повторную номинацию), синтаксические и семантические свойства номинаций, жанр текста [Кобозева 2014, с. 667].

Ниже средства каждого типа и особенности их выбора будут рассмотрены на чеховском материале.

3.1. Местоимение 3-го лица в позиции повторной номинации

Местоименная номинация представляет собой крайний случай обобщения наименования и является одним из основных средств повторной номинации [Гак 1998, с. 525]. С помощью местоимения осуществляется отсылка на вышеназванный объект, благодаря чему устраняются ненужные повторы одних и тех же наименований в тексте. В частности в этом проявляется стилистическая и структурная функции повторной номинации [там же, с. 539].

Местоименные номинации можно считать основным средством повторной номинации. Их повтор в номинативном ряду разрешается. В случаях, если номинативный ряд персонажа не прерывается наименованиями других героев, местоименные номинации могут использоваться для именованья одного и того же персонажа большое число раз. Так, например, в рассказе «Без заглавия» в номинативном ряду используется подряд 21 местоимение *он* (мы приводим только часть этого фрагмента из-за его большого размера):

(78) «...Собрав вокруг себя всех монахов, он с заплаканным лицом и с выражением скорби и негодования начал рассказывать о том, что было с ним в последние три месяца. Голос его был спокоен, и глаза улыбались, когда он описывал свой путь от монастыря до города. На пути, говорил он, ему пели птицы, журчали ручьи, и сладкие, молодые надежды волновали его душу; он шел и чувствовал себя солдатом, который идет на бой и уверен в победе; мечтая, он шел и слагал стихи и гимны и не заметил, как кончился путь.

Но голос его дрогнул, глаза засверкали, и весь он распалился гневом, когда стал говорить о городе и людях. Никогда в жизни он не видел, даже не дерзал вообразить себе то, что он встретил, войдя в город. Только тут, первый раз в жизни, на старости лет, он увидел и понял, как могуч дьявол, как прекрасно зло и как слабы, малодушны и ничтожны люди. По несчастной случайности, первое жилище, в которое он вошел, был дом разврата. <...>

Старик, все больше распаляясь и плача от гнева, продолжал описывать то, что он видел...»

Как видим, в этом фрагменте передаются впечатления и мысли персонажа. Такой длинный номинативный ряд, состоящий только из местоимений, возможен в связи с тем, что на протяжении всего фрагмента

передается только точка зрения одного персонажа. Он также обусловлен динамикой смены событий, в которых участвовал и о которых рассказывал персонаж. Это создает особый стилистический эффект нагнетания и концентрации на одном персонаже, связанный с передачей точки зрения одного персонажа и динамикой смены событий.

Отметим, что средняя длина местоименного ряда в рассказах А.П. Чехова составляет 4–6 единиц, без учета притяжательных производных *его, ее, их*:

(79) «Иван Дмитрич припоминал своих родственников, и их лица, на которые он прежде глядел безразлично, казались ему теперь противными, ненавистными.

«Это такие гадины!» – думал он.

И лицо *жены* стало казаться тоже противным, ненавистным. В душе его закипала против *нее* злоба, и он со злорадством думал: «Ничего не смыслит в деньгах, а потому скупа. Если бы выиграла, дала бы мне только сто рублей, а остальные – под замок».

И он уже не с улыбкою, а с ненавистью глядел на *жену*. *Она* тоже взглянула на него, и тоже с ненавистью и со злобой. У *нее* были свои радужные мечты, свои планы, свои соображения; *она* отлично понимала, о чем мечтает ее муж. *Она* знала, кто первый протянул бы лапу к ее выигрышу.

«На чужой-то счет хорошо мечтать! – говорил ее взгляд. – Нет, ты не смеешь!»

Муж понял ее взгляд; ненависть заворочалась у него в груди, и, чтобы досадить *своей жене*, он назло ей быстро заглянул на четвертую страницу газеты и провозгласил с торжеством...»
(Выигрышный билет»)

(80) «Поезд, на котором должен был ехать Володя с татан, отходил в восемь часов сорок минут. Оставалось до поезда около трех

часов, но он с наслаждением ушел бы на станцию сейчас же, не дожидаясь татап.

В восьмом часу он подходил к дому. Вся его фигура изображала решимость: что будет, то будет! Он решился войти смело, глядеть прямо, говорить громко, несмотря ни на что.

Он прошел террасу, большую залу, гостиную и остановился в последней, чтобы перевести дух. Отсюда слышно было, как в соседней столовой пили чай. М-ме Шумихина, татап и Ньюта о чем-то говорили и смеялись.

Володя прислушался». («Володя»)

В приведенных выше примерах кореферентность наименований персонажей устанавливается однозначно, так как в них отсутствуют условия для **референционного конфликта**. В противном случае, когда такие условия имеются (например, в тексте говорится о персонажах одного пола, которые могут быть поименованы одним и тем же местоимением), в норме местоименная номинация не должна использоваться. Иначе она может затруднить для читателя процесс референции и далее послужить причиной непонимания читателем того, кто именно из персонажей выполняет то или иное действие. В таких случаях читателю приходится проделывать дополнительную ментальную работу, чтобы соотнести сказанное в данном фрагменте с тем, что было в тексте ранее и только после этого однозначно (в лучшем случае) интерпретировать информацию. Один из таких случаев референционного затруднения имеет место в конце рассказа А.П. Чехова «Печенег» (курсивом выделены номинации, обозначающие частного поверенного; подчеркнуты номинации, обозначающие Жмухина):

- (81) «*Частный поверенный* оглянулся на Жмухина с каким-то особенным выражением; было похоже, что *ему*, как когда-то землемеру, захотелось обозвать его печенегом или как-нибудь иначе, но кротость пересилила, *он* удержался и ничего не сказал».

В начале фрагмента употребляется три неместоименные номинации лиц мужского пола (*частный поверенный, Жмухин и землемер*), а затем три личных местоимения *он*. Второе местоимение *он* формально указывает на *землемера*, т.к. именно это слово находится в ближайшем левом контексте. Но понять, какие именно персонажи обозначены с помощью этих местоимений, можно, только помня, что Жмухин и землемер – разные персонажи и что *печенегом* называли ранее Жмухина.

Таким образом, местоименная номинация является нежелательной в том случае, когда в тексте имеются условия для референционного конфликта.

Другим случаем, когда местоименные номинации могут затруднять понимание текста, является **смена точек зрения**. В частности, анализ рассказов А.П. Чехова показал, что ситуации, при которых мысли и чувства одного персонажа прерываются чем-то (репликой, мыслями и чувствами другого персонажа), при возврате к первому персонажу требуют использования неместоименной номинации. Рассмотрим пример из рассказа «Выигрышный билет» (курсивом выделены номинации главного героя Ивана Дмитрича; подчеркиванием – его жены):

(82) «И в его воображении затолпились картины, одна другой ласковей, поэтичней, и во всех этих картинах *он* видел себя самого сытым, спокойным, здоровым, *ему* тепло, даже жарко! Вот *он*...

– Да, хорошо бы купить имение, – говорит жена, тоже мечтая, и по лицу ее видно, что она очарована своими мыслями.

Иван Дмитрич рисует себе осень с дождями, с холодными вечерами и с бабьим летом...»

Как видим, в начале фрагмента, когда описываются мечты героя, Ивана Дмитрича, используются местоименные номинации, затем дана реплика жены, прерывающая мечты героя, после чего снова повествование возвращается к

мечтам Ивана Дмитрича и используется уже более конкретный идентификатор – имя собственное.

Употребление имени собственного в такой позиции является частым явлением, так как именно имя собственное является наиболее точным средством номинации лица (конечно, при условии, что в тексте нет персонажей с одинаковыми именами). В.Г. Гак объясняет уместность имени собственного в подобных случаях следующим образом: «перебой местоименных форм именем собственным... не только <...²> вносит разнообразие в способы обозначения, но и семантически мотивирован» [Гак 1998, с. 540]. В.Г. Гак отмечает также, что появлению имени собственного способствует наличие в соседних фразах разнотипной информации [там же].

Кроме того, прерывание местоименного повтора более конкретным идентификатором может быть обусловлено структурой текста. Рассмотрим фрагмент из рассказа «Тряпка»:

(83) «Клавдия Васильевна поглядит на него с благоговением, снизу вверх, как глядят на монументы. <...> Тогда он поднимет глаза к потолку, таинственно промычит и скажет: "М-да"... Пусть думает она, что это он написал!

У освещенного подъезда Блудыхинского дома секретарь увидел два ряда экипажей...»

Здесь после ряда местоименных номинаций в новом абзаце употребляется номинация *секретарь*. В этом можно видеть проявление **текстовой функции**. В.Г. Гак отмечает такую закономерность: «нередко переход от местоименного повтора к повтору имени собственного или другого существительного является формальным признаком абзаца или границ сложного синтаксического целого» [там же]. Наш материал подтверждает, что смена средства повторной

² Буквально сказано «не только не вносит... но и семантически мотивирован». Но исходя из смысла сказанного, здесь нужно видеть опечатку.

номинации с местоименного на субстантивное часто выступает как своего рода структурный маркер и выполняет текстовую функцию.

Итак, местоименную номинацию можно считать наиболее нейтральным способом вторичной номинации референта. Выбор неместоименного средства происходит в более специфических условиях. Прерывание ряда местоименных номинаций связано прежде всего с необходимостью избежать референционного конфликта, с потребностью маркировать смену точек зрения и переход к новому текстовому фрагменту.

3.2. Именные группы с актуализатором «этот»

Как показал анализ текстов А.П. Чехова, вторым по частотности (после местоимений) способом вторичной номинации лиц является использование именных групп с существительными – общими именованиями или именованиями по полу и возрасту (*человек, девушка, мужчина* и пр.). Эти единицы называют лицо обобщенно, без указания на какие-либо индивидуализирующие признаки (минимум – возраст и пол).

Очень часто такие единицы употребляются с актуализатором *этот*, с помощью которого указываются минимальные признаки (принадлежность к классу «человек», пол, возраст) именно того лица, о котором шла речь ранее, в ближайшем контексте, т.е. *этот* выполняет артиклевую функцию.

(84) «Мне было жаль и себя, и ее, и хохла, грустно провожавшего ее взглядом всякий раз, когда она сквозь облако половы бегала к арбам. Была ли это у меня зависть к ее красоте, или я жалел, что эта девочка не моя и никогда не будет моею...» («Красавицы»).

(85) «У ворот встретила его хозяйка дачи, молодая дамочка. Сынка этой дамочки он обучал арифметике...» («Свидание хотя и состоялось, но...»).

В данных примерах обращает на себя внимание то, что номинации в начале фрагментов (*она* и *хозяйка дачи, молодая дамочка*) и повторные номинации (*эта девочка* и *эта дамочка*) употребляются в предложениях с разными временными характеристиками. В первом предложении примера (84) используется прошедшее время (см. *было, бегала*), а в придаточной части второго предложения, где употребляется повторная номинация, – настоящее время (см. нулевую связку). В примере (85) сначала используется прошедшее время (см. *встретила*), а во втором предложении – тоже прошедшее время, но уже без конкретной временной локализации (см. глагол несовершенного вида *обучал*).

Анализ подтвердил отмеченный в работе [Падучева 1985] вывод о том, что на появление в именной группе *этот* влияет то, как соотносится информация, данная в предложениях, содержащих номинации одного лица. Е.В. Падучева выделяет два случая такого соотношения. В первом случае предложения «описывают одновременные или смежные во времени действия или состояния одного и того же объекта». Стык между такими предложениями Е.В. Падучева называет жестким. Во втором случае в предложениях описываются события, происходящие в разных временных точках, или в одном предложении события происходят в некий момент времени, а в другом – не имеют временной локализации. В таком случае характер стыка между предложениями определяется как свободный. Если между предложениями имеется жесткий стык, то вторая номинация объекта может быть представлена в виде скрытоопределенной группы, то есть употребляться с нулевым актуализатором (обозначаться одним именем существительным). Если же образуется свободный стык, то вторая номинация должна иметь актуализатор *этот*, то есть представлять собой указательную именную группу [Падучева 1985, с. 163].

Отметим, что такое же объяснение можно дать и именным группам, в которых с актуализатором *этот* выступают существительные других, более конкретных, семантических подклассов, например названий профессий. Ср.:

(86) «Защищал же знаменитейший и популярнейший адвокат. Этого адвоката знает весь свет». («Случай из судебной практики»)

Здесь в первом предложении употребляется глагол в прошедшем времени, а во втором предложении – глагол в настоящем времени.

Условия использования или неиспользования актуализатора *этот* в составе именной группы могут быть уточнены с опорой на понятие «регистр», разработанное в работах Г.А. Золотовой (см., например, [Золотова и др. 2004]). Как показал анализ примеров, именная группа с *этот* в позиции повторной номинации часто появляется при переходе от одного повествовательного регистра к другому, прежде всего от репродуктивного регистра повествования к информативному. В [Золотова и др. 2004] отмечается, что в репродуктивном регистре «говорящий воспроизводит непосредственно, сенсорно наблюдаемое, в конкретной длительности или последовательной сменяемости действий, состояний, находясь – в реальности или в воображении – в хронотопе происходящего» [Золотова и др. 2004, с. 29]); информативный регистр «предлагает сообщения о фактах, событиях, свойствах, поднимающиеся над наблюдаемым в данный момент, отвлеченные от конкретной длительности единичного процесса, не прикрепленные к единому с перцептором хронотопу. Это сфера не прямого наблюдения, а знания...» [там же]), или наоборот.

Вернемся к примерам (84) и (85) и проанализируем их с применением понятия «регистр». В примере (84) репродуктивный регистр, на который указывает локализованное в хронотопе происходящего действие (*бегала, провожал взглядом*) сменяется на информативный, маркером которого является группа сказуемых *не моя и никогда не будет моею*, обозначающих действия вне хронотопа происходящего и входящих в область знания, относящихся к информативному регистру. И вместе со сменой регистра в составе номинации

появляется актуализатор: эта девочка. В примере (85) действие *встретила у ворот* указывает на репродуктивный регистр, так как является непосредственно наблюдаемым говорящим в хронотопе происходящего, а действие *обучал* относится к информативному регистру (общефактическое видовое значение). Поэтому и здесь мы видим наименование, в состав которого входит актуализатор *этот*: этой дамочки.

О регистровой неоднородности и слабом стыке можно говорить, очевидно, и в следующих случаях:

(87) «Каково же поэтому было удивление монахов, когда однажды ночью в их ворота постучался человек, который оказался горожанином и самым обыкновенным грешником, любящим жизнь. Прежде чем попросить у настоятеля благословения и помолиться, *этот человек* потребовал вина и есть». («Без заглавия»)

(88) «Однажды оба они ехали в вагоне железной дороги и старались победить одну девицу. Крюгер сидел около *этой девицы* и рассыпался перед ней мелким бесом...» («Говорить или молчать?»)

В вышеприведенных примерах актуализатор *этот* используется перед существительным. Однако возможна и его постпозиция. В связи с этим возникает вопрос о значимости расположения *этот*. По мнению Г. Фонтаньского, порядок слов здесь тоже выполняет регистровую функцию. В работе «Текстовая роль постпозитивного местоимения *этот* в русском языке» он отмечает: «Высказывание с субъектной именной группой типа *x этот* выступает после фрагмента, в котором излагаются конкретные факты, и отличается своим характером от предыдущего блока текста. Оно содержит сообщение описательно-характеризующего и очень часто оценочного характера. В художественной прозе или в публицистике это чаще всего авторское сообщение. После высказывания с группой типа *x этот* наступает

текстовый блок, функция которого заключается в обосновании этого утверждения... Регистровая характеристика фрагмента текста до предложения (или его части), включающего именную группу типа *x этот*, может быть различной... регистровая характеристика оказывается существенной именно для высказываний с субъектной группой типа *x этот*, которые чаще всего представляют собой информативно-описательный регистр оценочно-характеризующего типа» [Фонтаньский 2001, с. 226].

В нашем материале встретился пример постпозиции при переходе к оценке:

(89) «Ольга, отделившись от компании, гуляла в лесу. Замечтавшись или поддавшись печальным мыслям (читатель помнит ее настроение в тот злополучный вечер), она забрела далеко в чащу. Тут ей встретился убийца. Когда она стояла под деревом и думала свои думы, к ней подошел человек и заговорил с ней... Человек этот не был подозрителен, иначе бы она крикнула на помощь...»

Однако для констатации устойчивой функциональной противопоставленности постпозитивного и препозитивного *этот* материала явно недостаточно.

3.3. Идентичная повторная номинация именем нарицательным

В позиции повторной номинации для идентификации регулярно используется признак, по которому герой назван при первичной характеристике. Такой тип повторной номинации, когда кореферентность достигается за счет простого повтора признака, сообщенного при вводе персонажа, В.Г. Гак называет «идентичной повторной номинацией» [Гак 1998, с. 524].

В рассказах А.П. Чехова идентичная повторная номинация встречается довольно часто. Причем дублирующийся признак может быть выражен как словом, употребленном при вводе персонажа, так и другим, синонимичным. В первом случае можно говорить о простом дублировании средства номинации, во втором – о его варьировании. Рассмотрим оба случая.

В рассказе «В Париж!» главный герой вводится как «Секретарь земской управы Грязнов». Далее этот персонаж получает номинации *Грязнов*, *секретарь управы*, *секретарь* и *он*. Такая повторная номинация обеспечивает не только однозначное установление референции, но и, как отмечает В.Г. Гак, связывает предложения в тексте тематически [Гак 1998, с. 539]. Идентичные номинации в самом явном виде (в сравнении с другими повторными номинациями) реализуют текстообразующую функцию. Обычно, когда при повторных именовании персонажа не вводятся новые единицы, в тексте дается характеристика персонажа только с точки зрения одного субъекта. Создается особый художественный эффект – однофокусность характеристики.

Однако далеко не все единицы, использованные в позиции первичной номинации, употребляются при повторном именовании персонажа. Так, например, в первичных номинациях героев очень часто указывается профессия. Однако в дальнейшем номинация по профессии А.П. Чеховым не используется. Например, в рассказах «Печенег», «Тссс!..» и «Последняя могижанша» при вводе персонажей используются многопризнаковые номинации, содержащие наименования по профессии: «Жмухин, Иван Абрамыч, отставной казачий офицер» («Печенег»), «Иван Егорович Краснухин, газетный сотрудник средней руки» («Тссс!..»), «Помещик отставной штаб ротмистр Докукин» («Последняя могижанша»). При повторных же номинациях используются только имя (в разных комбинациях: только имя, имя и отчество, фамилия) и местоимение третьего лица, а в рассказе «Последняя могижанша» добавляется номинация *брат*. Такой выбор повторных номинаций, на наш взгляд, может объясняться сюжетной линией произведения, в котором герой находится только в одной

ситуации, в одном месте, в окружении одних и тех же персонажей на протяжении всего действия. Соответственно, не происходит смены ролей персонажа, не появляются новые субъекты, с точки зрения которых персонаж мог бы получить другую номинацию. В рассказах «Печенег», «Тссс!..» и «Последняя могикианша» действие происходит у героев дома, а другие персонажи не являются их сослуживцами. В таком случае более ожидаемы и стандартны наименования по имени, родству или личным отношениям. Тогда наименования по профессии могут служить для того, чтобы показать, к какому социальному типу относится герой, для знакомства читателя с условиями жизни героя, кругом интересов, которые у героя могут быть в связи с его профессией и т.п. Кроме того, профессии персонажей в рассказах А.П. Чехова часто характеризуют героев не только с точки зрения социального положения, веса в обществе, а отражают какие-то черты характера, появляющиеся в связи с профессией, свойственные для людей определенной профессии, то есть показывают некий стереотип.

Более сложным случаем идентичной повторной номинации является варьирование средства именования признака, названного при вводе персонажа. В этом случае используются лексические средства, не тождественные, но семантически связанные с теми, что использовались ранее. Кореферентность в этом случае поддерживается наличием определенных отношений между номинациями. В.Г. Гак выделяет два типа этих отношений: отношения *тождества* (или равнозначности) и *включения* [Гак 1998, с. 537].

Отношения тождества возникают в том случае, когда первичная и вторичная номинации обозначают одно и то же понятие, но используются синонимические слова. Например, в рассказе «Ионыч» для номинации одного персонажа, Старцева, используются единицы *доктор* и *врач* («И доктору Старцеву, Дмитрию Ионычу, когда он был только что назначен земским врачом и поселился в Дялиже, в девяти верстах от С., тоже говорили, что ему, как интеллигентному человеку, необходимо познакомиться с Туркиными»; «Она

избалована, капризна, спит до двух часов, а ты дьячковский сын, земский врач...»).

В случае, когда первичная и вторичная номинации обозначают понятия, различающиеся по объему, и при этом одно из них является родовым, другое – видовым, возникают **отношения включения**. Так в рассказе «Смерть чиновника» Червяков назван *чиновником* (заголовок) и *эзекутором* («В один прекрасный вечер не менее прекрасный эзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на "Корневильские колокола"»).

Таким образом, дублирование признака является особым типом повторной номинацией – идентичной номинацией. Она может быть реализована тем же словом, что использовалось при вводе персонажа, а также другим словом: синонимом или родо-видовым эквивалентом. Можно говорить, очевидно, о том, что этот вид номинации поддерживает текстовую связность и, при варьировании средства номинации, создает текстовое разнообразие. Однако такое варьирование может затруднять для читателя правильное установление референта имени.

3.4. Описание нового признака лица при повторной номинации

Позиция повторной номинации может использоваться для ввода нового признака, который отсутствовал при первичной номинации, за счет чего формируется более многогранный, более полный образ героя. Новая информация о персонаже обычно является оценочной, реляционной или ситуативной. Новый признак может вводиться по разным причинам: персонаж оказывается в новой ситуации, в которой получает новую роль и новую номинацию для этой роли; персонаж именуется с точки зрения нового в повествовании героя в соответствии с отношениями с этим героем и т.д.

В рассказах А.П. Чехова очень часто при повторной номинации употребляются новые номинации – реляционные наименования. Такие номинации оказываются возможными при смене точки зрения. Так, например, в рассказе «Выигрышный билет» главный герой вводится следующим образом: «Иван Дмитрич, человек средний, проживающий с семьей тысячу двести рублей в год и очень довольный своей судьбой, как-то после ужина сел на диван и стал читать газету». Далее при повторных номинациях используются единицы *Иван Дмитрич* и *он* до того момента, когда начинают описываться мысли и чувства жены героя: «И он уже не с улыбкою, а с ненавистью глядел на жену. Она тоже взглянула на него, и тоже с ненавистью и со злобой. У нее были свои радужные мечты, свои планы, свои соображения; она отлично понимала, о чем мечтает ее муж». Употребление здесь новой номинации *муж* возможно в связи с участием в описываемой ситуации жены героя и в связи с переходом повествования к ее точке зрения на происходящее.

По этой же причине, то есть при смене точки зрения автора/рассказчика на точку зрения какого-либо персонажа, может появляться не только новая характеристика реляционного типа, отражающая отношения героев, но и дополнительная оценочная характеристика. Это связано с изменением отношений между персонажами, изменением их взглядов, настроения и т.п. Так, например, в рассказе «*Mari d'elle*», где повествование ведется с точки зрения главной героини, постепенно, по мере нарастания ее раздражения по отношению к мужу, разбудившего ее своим поздним возвращением, происходит смена нейтральных номинаций *муж, mari d'elle, Денис Петрович Никиткин* и *он* на единицы, содержащие негативную оценку:

(90) «Диву давалась артистка, глядя на прихвостня: когда и где успел он приобрести новые вкусы, лоск и замашки?»

(91) «Бывало, при гимназистах говорить боялся, чтоб глупости не сказать, а теперь даже с князьями фамильярничает... Дрянной человечиска!»

(92) «Если ты, нахал, не уйдешь, то я уйду! – продолжает певица, топя босой ногой и сверкая глазами. – Я уйду! Слышишь ты, нахал... негодяй, лакей? Вон!»

Интересно отметить, что в первом случае мысли героини оформлены как косвенная речь («И засыпая, она думает о своем *magi d'elle...*»), во втором – как прямая речь, отражающая мысли героини (внутренняя речь), а в третьем – как прямая речь, обращенная к мужу, произнесенная вслух. Таким образом, точка зрения героини передается в разных формах, в каждой из которых используется номинация лица, данная в соответствии с ее восприятием.

В рассказе «Супруга» точкой зрения, отражающей происходящие события, является точка зрения главного героя. Пока герой еще не уверен в измене жены, пока передаются его воспоминания о прошлом, героиня в тексте получает номинации *Ольга Дмитриевна, жена, она, эта женщина*. Когда же герой обнаруживает измену, его отношение к жене меняется, и, в соответствии с этим героиня именуется как *это слабое, ничтожное, продажное, низкое создание и это ничтожное, лживое, пошлое, мелкое, по натуре совершенно чуждое ему существо*.

В рассказе «Ионыч» для номинации героини используется следующий номинативный ряд: *дочь, Екатерина Ивановна, молодая девушка – член семьи – Екатерина Ивановна, восемнадцатилетняя девушка – она – дочь – Екатерина Ивановна – она (3) – Екатерина Ивановна – молодое, изящное и, вероятно, чистое существо – дочь – она (3) – Екатерина Ивановна (2) – Котик – Екатерина Ивановна (2) – она (3) – Екатерина Ивановна – она (10) – Котик – она (2) – Котик – Екатерина Ивановна – она – Екатерина Ивановна – она (2) – дочь – Екатерина Ивановна – она – Екатерина Ивановна – она (4) – Екатерина Ивановна (2) – она (3) – Екатерина Ивановна (3) – она – Котик – она – Екатерина Ивановна – Котик – она (8) – Екатерина Ивановна – она (6) – Екатерина Ивановна (4) – она (2) – Котик – Екатерина Ивановна – она – Котик (2) – она*. Как видим, основные средства именованности героини – слова

она, дочь, Екатерина Ивановна и Котик. Из этого ряда выбивается распространенная описательная номинация *молодое, изящное и, вероятно, чистое существо*. Это единственное наименование в ряду, содержащее оценку и предположение (см. *вероятно*), скорее всего, отражает восприятие главного героя. Рассмотрим более широкий контекст:

(93) «После зимы, проведенной в Дялиже, среди больных и мужиков, сидеть в гостинной, смотреть на это молодое, изящное и, вероятно, чистое существо и слушать эти шумные, надоедливые, но все же культурные звуки, – было так приятно, так ново...»

В этом фрагменте дано восприятие героем того, что происходит вокруг него в данный момент. Поэтому здесь все получает интерпретацию с точки зрения героя: и прошлая жизнь, и Екатерина Ивановна, и исполняемая ею музыка. С помощью показателя предположения *вероятно* достигается эффект несобственно-прямой речи, то есть мысли героя вводятся в текст автора/рассказчика без графического выделения и даются как часть авторского повествования. Очевидно, что автор/рассказчик обычно не сомневается в наличии у персонажей каких-либо качеств, так как сам их определяет. Поэтому номинация, содержащая такое предположение, а также оценку отражает точку зрения субъекта восприятия – другого персонажа. В.Г. Гак отмечает, что такой выбор повторной номинации, когда единицы наименования «формально включены в речь автора, но семантически... отражают мысли восприятие персонажа», является одним из основных признаков **несобственно-прямой речи** [Гак 1998, с. 542].

Рассмотрим еще один пример включения несобственно-прямой речи, одним из показателей которой является номинация лица другого типа – конкретная характеристика по совершенному действию (*убийца*), – сменяющаяся общим наименованием (*человек*). Ср. фрагмент из рассказа «Драма на охоте»:

(94) «Ольга, отделившись от компании, гуляла в лесу. Замечтавшись или поддавшись печальным мыслям (читатель помнит ее настроение в тот злополучный вечер), она забрела далеко в чащу. Тут ей встретился убийца. Когда она стояла под деревом и думала свои думы, к ней подошел человек и заговорил с ней... Человек этот не был подозрителен, иначе бы она крикнула на помощь, но этот крик не был бы раздирающим душу. Поговорив с ней, убийца схватил ее за левую руку, и так сильно, что порвал рукав казакина и сорочки и оставил след в виде четырех пятен. Тут вероятно, она вскрикнула тем криком, который слышала компания, — вскрикнула от боли и, вероятно, прочитав на лице и в движениях убийцы его намерение. Желая ли, чтоб она не вскрикнула еще раз, или, может быть, под влиянием злобного чувства он схватил ее за грудь около воротника, о чем свидетельствуют две оторванные верхние пуговицы и красная полоса, найденная врачами на шее... Убийца, хватая за грудь и потрясая, натянул золотую цепочку, бывшую на шее... От трения и давления цепочкой произошла полоса. Затем убийца наносит ей удар по голове каким-то тупым орудием, например палкой или, быть может, даже клинком кинжала, висевшего у Ольги на поясе. Придя в азарт или найдя, что одной этой раны недостаточно, он обнажает кинжал и с силой вонзает его в правый бок, — я говорю: с силой, потому что кинжал был туп».

Первая номинация – *убийца* – принадлежит области восприятия рассказчика, который описывает события постфактум и уже знает, какую роль сыграл в ситуации именуемый персонаж. Героиня рассказа, Ольга, в момент встречи с именуемым персонажем не знала, что тот окажется убийцей, поэтому в соответствии с ее восприятием после конкретной номинации (*убийца*) ему дается самая общая единица номинации лица – *человек*. Этот пример интересен

также тем, что переключение между речью рассказчика и несобственно-прямой речью героини происходит через одно предложение. Точки зрения рассказчика и героини переплетаются очень тесно. Как нам кажется, это создает особый эффект напряженности действия.

Еще одним случаем, при котором в рассказах А.П. Чехова герои получают новую номинацию, является случай, когда именуемый герой оказывается в новой для него ситуации. Обычно это связано с перемещением героя в пространстве и появлением его в ситуациях с фиксированным набором ролей, одну из которых играет именуемый герой. Так часто герои именуются *гостями*, когда посещают других персонажей. Например, главный герой рассказа «Ионыч» сначала именуется как *Ионыч, доктор Старцев, Дмитрий Ионыч, Старцев, он, доктор*. Затем, когда Старцев приходит в гости к Туркиным, он получает новую ситуативную роль и соответствующую номинацию – *гость*:

(95) «– Садитесь здесь, – говорила Вера Иосифовна, сажая гостя возле себя. – Вы можете ухаживать за мной...»

Старцев оказывается в новом пространстве – доме Туркиных, с точки зрения которых он является прежде всего гостем.

Аналогичная смена ситуативных ролей происходит в рассказе «Печенег». Персонаж, в начале повествования *белокурый господин, он и частный поверенный*, оказавшись в доме Жмухина, получает ситуативную номинацию *гость*, соответствующую его новой роли:

(96) «Гость отказался от водки и стал есть только хлеб и огурцы».

Немаловажно, что, пока персонаж находится в гостях, значительно чаще других наименований он получает именно ситуативную номинацию *гость*. Как отмечает В.Г. Гак, такое варьирование повторной номинации для введения объекта в действие или ситуацию при наличии большого числа разных

номинаций может выступать как «костяк сюжета, как схема повествования, касающегося определенного объекта» [Гак 1998, с. 541].

Таким образом, появление нового признака в составе повторной номинации персонажа может быть связано с появлением нового героя – субъекта номинации – и переходом повествования к его точке зрения; со сменой отношения героя, с точки зрения которого ведется повествование, к объекту номинации; с появлением именуемого персонажа в новой ситуации, в которой он получает новую роль.

3.5. Использование рассказчиком наименования, данного персонажем

Особым случаем появления нового наименования персонажа является использование рассказчиком наименования, взятого из речи какого-то персонажа. Иными словами, персонаж (субъект номинации) в прямой речи называет другого персонажа (объект номинации) определенным образом, используя номинацию, которая раньше не употреблялась, а затем автор подхватывает эту номинацию и дальше использует ее в нарративе.

Такие дублированные номинации могут служить для того, чтобы избежать референционного конфликта в случае, если другая номинация подходит для наименования нескольких персонажей в тексте. Например, в рассказе «Салон де варьете» произнесенное персонажем имя *Митя* затем используется в нарративе:

(97) «– Митя! Тятенька здесь!

– Ннно?..

– Ей-богу! С Сонькой за столом сидит! Чуть было ему на глаза не попался! Старый черт... Уходить надо! Скорей!!.

Митя пускает последний пронзительный взгляд на врага, грозит ему кулаком и стушевывается...»

В этом рассказе до представленного фрагмента имя персонажа (*Митя*) не упоминается, то есть оно впервые появляется в речи другого персонажа. До этого персонаж, названный Митей, именуется только как один из *купчиков*. Таким образом, никакой информации, кроме имени собственного, об этом персонаже читателю неизвестно. С учетом этого автор мог бы использовать для именованя персонажа местоимение *он* или номинации по полу типа *молодой человек, мужчина, юноша* и т.п. Однако это вызвало бы референционный конфликт, так как в тексте имеются еще персонажи мужского пола (второй участник диалога и персонаж, названный *старый черт* и *тятенька*). В таком случае у читателя возникли бы затруднения с установлением референции. Именно поэтому, на наш взгляд, автор «подхватывает» номинацию *Митя*.

В рассказах «Накануне поста» и «Драма» (1887) имеет место аналогичная ситуация: любая другая номинация, выбранная для персонажа в нарративе, вызвала бы референционный конфликт:

(98) «– Павел Васильич! – будит Пелагея Ивановна своего мужа. – А Павел Васильич! Ты бы пошел позанимался со Степой, а то он сидит над книгой и плачет. Опять чего-то не понимает!

Павел Васильич поднимается, крестит зевающий рот и говорит мягко:

– Сейчас, душенька!» («Накануне поста»)

(99) «– Павел Васильич, там какая-то дама пришла, вас спрашивает, – доложил Лука. – Уж целый час дожидается...

Павел Васильевич только что позавтракал». («Драма», 1887)

Как показал анализ, такое дублирование рассказчиком номинации из речи персонажа используется также для фиксации расхождения точек зрения рассказчика и персонажа. Так, например, в рассказе «Тссс!..» появляется номинация *папа*, когда для обеспечения кореференции могли бы использоваться и другие единицы (*он, этот человек* и т.п.):

(100) «— Тссс! – говорит мать. – *Папа* пишет! Тссс...

Папа пишет быстро-быстро, без помарок и остановок».

Для объяснения «подхвата» рассказчиком номинации, данной персонажем, в таких случаях, как представляется, целесообразно использовать понятие «субъектная перспектива». С его помощью описывается соотношение информации, относящейся к разным субъектам восприятия (модуса) (см. [Золотова и др. 2004, с. 231]). Сферы восприятия происходящего рассказчиком и разными персонажами могут совпадать или не совпадать, в чем мы уже убедились, рассматривая маркирование с помощью новых номинаций смены точки зрения. В случае, когда рассказчик дублирует номинацию из речи персонажа, можно говорить о том, что с помощью этого приема «автор помещает свой "наблюдательный пункт" в субъектную сферу воспринимающего» [Золотова и др. 2004, с. 238]. В рассказе «Тссс!..» происходящее подается через восприятие женой главного героя. Она называет героя *papa*, и ее же точка зрения на происходящее дается далее. Убедиться в том, что это именно ее точка зрения, а не рассказчика, позволяет более широкий контекст:

(101) «Как девочка, которой подарили дорогой веер, *он*, прежде чем написать заглавие, долго кокетничает перед самим собой, рисуется, ломается... *Он* сжимает себе виски, то корчится и поджимает под кресло ноги, точно от боли, то томно жмурится, как кот на диване... Наконец, не без колебания, протягивает *он* к чернильнице руку и с таким выражением, как будто подписывает смертный приговор, делает заглавие...

– Мама, дай воды! – слышит *он* голос сына.

– Тссс! – говорит мать. – *Папа* пишет! Тссс...

Папа пишет быстро-быстро, без помарок и остановок, едва успевая перелистывать страницы».

Восприятие жены героя и рассказчика, как видим, сильно отличаются. Рассказчик видит, что герой «кокетничает», «рисуетя», «ломается», «корчится», «томно жмурится», «как будто подписывает смертный приговор», а с точки зрения жены (и сына) он просто «пишет... едва успевая перелистывать страницы». Точки зрения субъектов номинации на объект различны. Очевидно, что рассказчик относится к главному герою с иронией, а жена и сын героя воспринимают его деятельность серьезно, на что и указывает выбор средств для описания действий персонажа. Таким образом, «в разных субъектных сферах появляются разные интерпретации одной и той же ситуации» [Золотова и др. 2004, с. 246]. С помощью дублирования номинации *papa* после перехода от прямой речи к нарративу не происходит возвращения к точке зрения рассказчика, так как автору удается сохранить фокус восприятия персонажей, названных *мама* и *сын*. Номинация *papa* служит сигналом для читателя о том, что дальше ситуация будет описана не с точки зрения рассказчика, который ранее выразил свое ироничное отношение к деятельности персонажа, а с точки зрения персонажей, чье восприятие не соответствует действительности. В кульминации рассказа это несоответствие декларируется в явном виде: «И как этот деспот здесь, дома, не похож на того *маленького, приниженного, бессловесного, бездарного человечка*, которого мы привыкли видеть в редакциях!»

Для того чтобы маркировать несовпадение точек зрения рассказчика и персонажа, может использоваться имя собственное, особенно если оно содержит компонент оценки. Так, например, в рассказе «Свидание хотя и состоялось, но...» рассказчик «подхватывает» номинацию *Жорж*, данную персонажем:

(102) «— Что? Кто тут? Кого?

— Это я, *Жорж*... Идите... Сядемте.

Жорж протер глаза и уставился на нее...

— Чего надо?»

Здесь дублирование номинации *Жорж*, в первом случае употребленной влюбленной героиней, подчеркивает различие между ее восприятием героя и тем, какой он на самом деле (каким его видит рассказчик – носитель объективной точки зрения на происходящее). Французский вариант имени, придающий герою образ возвышенного романтического героя, контрастирует с лексикой, описывающей его действия («протер глаза и уставился») и знанием читателя о том, что герой пьян (когда героиня об этом еще не знает).

В рассказе «Корреспондент» можно увидеть аналогичное использование номинации, данной персонажем, для дистанцирования от его позиции рассказчика:

(103) «Иван Никитич отворил дверь и вступил в свое логовище <...>

На кровати спала *хорошенькая девушка лет 25* <...>

– *Маничка*, а *Маничка*! Пробудись от сна!

– Кого там? Че... го, а? а?

– Проснись, *ангел мой*! Поднимись, *кормилица моя, музыкантша моя... Дочь моя! Маничка!*

Манечка повернулась на другой бок и открыла глаза.

– Чего вам? – спросила *она*».

В речи отца героиня получает номинацию *Маничка*, в которой отражается специфика произнесения имени (с ненормативным суффиксом) и которая ранее не использовалась (см. первичную номинацию из нарративной парадигмы текста: *хорошенькая девушка лет 25*). Затем после нескольких употреблений номинации *Маничка* в речи персонажа, она появляется в нарративе, что указывает на несовпадение субъектов восприятия: хотя прямая речь отца героини уже закончилась, происходящее все еще подается с его точки зрения, автор лишь употребляет номинацию с нормативным суффиксом.

В рассказе «Длинный язык» автор дает персонажу нейтральные номинации (ср.: *муж*, *он* и *супруг*), а в речи жены героя используется

экспрессивная ласкательная номинация *Васичка*, которая затем дублируется в нарративе:

(104) «*Васичка* крикнул, нахмурился и заходил по комнате.

– Весело вам там жилось, нечего сказать! – проворчал он, брезгливо улыбаясь».

Слова *крикнул*, *нахмурился*, *проворчал*, *брезгливо* показывают явно негативную реакцию героя на ситуацию. И номинация *Васичка* с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ичк-* в нарративе контрастирует с таким поведением героя и отношением к нему рассказчика, очевидно, ироническим (в связи с ситуацией, когда героиня выдает свою измену, а герой слушает ее рассказ об этом).

В рассказе «Злой мальчик» повтор номинации, данной персонажем, явно отражает ироничное отношение автора к субъекту номинации и к описанной ситуации в целом:

(105) «– Надеюсь, что вы, как честный человек... – забормотал Лапкин, краснея. – Подсматривать подлю, а пересказывать низко, гнусно и мерзко... Полагаю, что вы, как честный и *благородный человек*...

– Дайте рубль, тогда не скажу! – сказал *благородный человек*. – А то скажу».

Здесь, как и в предыдущих примерах использования экспрессивных номинаций (*Жорж*, *Маничка*, *Васичка*), ирония рассказчика особенно очевидна: номинации контрастируют с поведением именуемых персонажей.

Таким образом, дублирование рассказчиком номинации, данной персонажем в прямой речи, служит для того, чтобы устранить референционный конфликт, а также чтобы сохранить сферу восприятия именуемого персонажа и показать расхождение позиций рассказчика и именуемого персонажа.

4. Номинации в позиции обращения

Особой позицией в тексте, предназначенной специально для наименования лиц, является обращение. В позиции обращения реализуется две функции номинаций: зов («Челазк, пива!» («После бенефиса»)) и поддержание контакта («Ты бы, душечка, поехала в церковь» («В родном углу»)) (см. об этих функциях в [Янко 2011]). В первом случае для успешности коммуникации необходимо выделить слушающего (именно того, кому адресовано сообщение) в коммуникативном пространстве, а во втором должно выражаться отношение говорящего к слушающему для поддержания общения. Эти свойства номинаций, необходимые для использования в позиции обращения, есть не у всех единиц, именующих лица.

В силу этого для разных слов, именующих человека, функция обращения характерна в разной степени. Т.Е. Янко выделяет следующие классы единиц, наиболее способных быть вокативами: 1) имена собственные (*Вася*); 2) оценки (*предатель, сумасброд*); 3) реляционные слова (*шеф, земляк*) [Янко 2011, с. 239]. Наш материал подтверждает эти выводы.

С точки зрения словарной целесообразно выделить те единицы, которые в текстах А.П. Чехова встречаются **прежде всего в позиции обращения**. Это такие слова, как *ангел, ангелок, ангелочек, ангельчик, ахида, бесстыдник, бесстыдница, ваше благородие, братуха, братуша, братушка, ваше высокоблагородие* (варианты: *вашескоблагородие, вашескоблородие, вашескородие, вашество, ваше высокоблаародие, ваше высокобагородие*), *ваше высокопревосходительство, ваше высокородие, ваше высокостепенство, ваше высочество, ваше превосходительство, голубка, голубочка, голубушка, голубчик, голубчикек, государыня, государь, детка, дружже, дружище, дружочек, душенька, душечка, душка, душончик, дюсик, ехида, золото, ирод, касатка, лапочка, милостисдарь, милочка, мсье, сударь, сударыня, ребятушки, соколик, сокровище, солнышко, старина, сударик, сударыня, сударь, хлопче,*

хлопчик, цыпка, человек (в значении 'слуга', варианты: *че-эк, чеаэк, челаэк*), *ягодка, ясочка*. Ср.:

(106) «– Нет ли у вас, голубушка, рюмочки водочки?..» («Комик»)

(107) «– Алеша, голубчик... Проснись! Милый!.. Ах... это ужасно!
(«Кот»)

(108) «– Ты к фразе придираешься, милочка...» («Розовый чулок»)

(109) «– Черт знает что! – пробормотал полковник Пепсинов мне на ухо. – Могли бы и дома поикать, сударь!» («Исповедь, или Оля, Женя, Зоя»)

(110) «– Пожалуйста наверх, сударыня! Вы и так вымокли!» («В рождественскую ночь»)

Имена собственные, наименования по родству, а также некоторые номинации, характеризующие лицо по принадлежности к коллективу и позиции в нем, обладают широким вокативным потенциалом и выступают в роли обращения очень часто:

(111) «– Я, Татьяна Петровна, всегда уважал ваше семейство...» («Брак по расчету»)

(112) «– Мама, пойдем домой... Мне страшно!
– Чего тебе, внучка, страшно? («В приюте для неизлечимо больных и престарелых»)

(113) «Извини меня, дочка, но, честное слово, ты сегодня глупа, как пескарь!» («Ненужная победа»)

(114) «Послушай, жена! Если ты на самом деле ведьма, то бог с тобой! – обратись в черную кошку и убеги куда-нибудь...» («Грешник из Толедо»)

(115) «– Коллега! Какими судьбами?..» («Первый дебют»)

(116) «– Нехорошо-с, милостисдарь!» («Кот»)

(117) «– Вина разные бывают, ваше превосходительство... Лиссабонского, например, я и в рот не возьму... Каждый напиток, ваше превосходительство, имеет, так сказать, свое значение...» («Единственное средство»)

Наименования по полу и возрасту в современном русском языке обычно используются для обращения к незнакомому адресату.

В текстах А.П. Чехова слова этого семантического класса в позиции обращения используются очень редко, часто с дополнительными средствами вокативизации и для обращения только к знакомому лицу:

(118) «– Соня, Сонечка... дорогая моя женщина! – забормотал он, мешая ей говорить. – Милая моя, хорошая!» («Несчастье»)

(119) «– Девушка, не грехи! – сказал он стонущим голосом, как больной. – Без постов нельзя, сам господь наш постился сорок дней. А только я тебе объяснял, что худому человеку и пост не в пользу».

(120) «– Где у тебя голова, девочка? – продолжал Цвибуш, глядя на бледное лицо дочери. – Отчего ты не рассуждаешь логично?» («Ненужная победа»)

(121) «–Пожалуйста-с! Милости просим, красивый мужчина! – бормотал торжествующий шафер, ведя его к двери. – Знаем мы вас, красавцев!» («Гордый человек»)

В речи персонажей Чехова встречаются и обращения **по национальности**, обычно недопустимые:

(122) «Замолчи, жидовка!...» («Иванов»)

Номинации по национальности в позиции обращения, как в приведенном примере, обычно представляют собой прозвища с негативной оценкой. В письмах, наоборот, А.П. Чехов часто использовал номинации по

национальности с положительной оценкой, как ласковые обращения к жене, например: «Бог с тобой, благословляю тебя, моя немчуша, и радуюсь, что ты веселишься» (письмо О.Л. Книппер-Чеховой, 9 ноября 1901 г., Ялта).

Для номинаций по профессии, как и для номинаций по национальности, употребление в позиции обращения нехарактерно. Как и в современном языке, исключение у А.П. Чехова составляет слово *доктор*.

(123) «– Пожалуйста, ваше превосходительство! – обратился Егор Егорыч к маленькому седому толстячку в белом со светлыми пуговицами кителе и с аннинским крестом на шее. – Подвиньтесь, доктор!» («Петров день»)

Другие случаи с профессией-обращением представляются семантически осложненными. Ср.:

(124) «– Пейте! – говорит он, наливая три большие чашки. – Пей, актриса!» («В приюте для неизлечимо больных и престарелых»)

В таких случаях, когда в позиции обращения используется неподходящая лексема, можно говорить, очевидно, об имплицитном выражении дополнительной обуславливающей логической пропозиции (типа 'ты ведь/поскольку ты являешься') или же оценочного компонента (типа 'тоже мне...'). Функция негативных вокативов в этом случае близка к обзыванию.

Оценочные номинации (как чистые оценки, так и содержащие в своем значении оценочный элемент) в рассказах А.П. Чехова в позиции обращения выступают часто:

(125) «– Проснись, ангел мой! Поднимись, кормилица моя, музыкантша моя... Дочь моя! Маничка!» («Корреспондент»)

(126) «– Суд? Гм... Суд есть в городе и в деревне. В городе судят, мое золото, городских, а в деревне гольдаугенских...» («Ненужная победа»)

(127) «– Гм... Так... Подойди поближе, красавица! Что тебе нужно?»

(«Ненужная победа»)

(128) «– На часах спишь, болван? – слышит Филипп чей-то громовый голос. – Спишь, негодяй, скотина? <...>

– А? Спишь? Я оштрафую тебя, бестия! Я покажу тебе, как на часах спать, моррда!» («Умный дворник»)

Как видим, у А.П. Чехова оценочные аппелятивы могут быть как положительными, так и отрицательными. Оценочные номинации обычно ограничиваются только функцией поддержания контакта. Это связано с тем, что они не имеют идентифицирующих свойств, необходимых для инициации контакта, зова.

Как видно из примеров, обращения в рассказах А.П. Чехова часто состоят не из одного слова, а сопровождаются **вокативизирующими средствами**. К таким средствам относятся «политесные слова *дорогой, уважаемый, милая*, которые в этой роли используются не только тогда, когда слушающий действительно мил и дорог говорящему или уважаем (глубоко уважаем) им; местоимения *мой, наш (моя радость, друг мой, счастье/горе наше)*, слова-обращения *господа, товарищи, гражданин*, диминутивные суффиксы (*дружок, дружочек, сынок, дяденька, солдатик*), вокативные междометия *Эй и О!* (*Эй, лингвисты!; О, Волга!*), сигнал призыва к началу действия *а ну-ка* (*А ну-ка, лингвисты!*), местоимения *ты и вы* (*Ты, лингвист!*), частица *слышь*. Вокативизирующие средства языка снимают многие ограничения и запреты на употребление именной группы в вокативной функции» [Янко 2011]. Наиболее часто в качестве вокативизирующих средств А.П. Чехов использует слова *мой, милостивый, милый, господин*, например:

(129) «– С удовольствием, мой друг! – ответила майорша и подставила свой лоб к губам майора». («За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»)

(130) «Милый брат! Я люблю тебя, и ты не можешь себе представить, какие адские муки доставляет мне наша ссора». («Исповедь»)

(131) «— Это для вас положено? Не понимаю этого, извините, свинства! Не мог подождать! Что вы раскупорили? Батюшки! Это моя настойка! Какое вы имеете право, милостивый государь?» («Двадцать девятое июня»)

(132) «— Пожалуйста! – кричат его голубятники. – Господин учитель, ваше местоимение, обратите ваше внимание на турманов! Ваше местоимение!» («В Москве на Трубной площади»)

Вокативизирующие средства, по нашим наблюдениям, чаще всего сопровождают оценочные аппелятивы, наименования по родству, принадлежности к коллективу и положению в нем.

Анализ обращений в рассказах А.П. Чехова подтвердил, что в данной позиции могут употребляться слова из довольно большого количества семантических классов (наименования по полу, возрасту, профессии, ситуативной характеристике, национальности и др.). При этом для некоторых групп позиция обращения более характерна, чем для других.

Обращения могут быть адресованы как впервые вводимому персонажу, так и уже упоминавшемуся. В норме обращение не должно стоять в начале номинативного ряда, поэтому его можно рассматривать как один из признаков продолжения ряда. Однако в художественных текстах это правило может нарушаться.

5. Основные выводы

Использование такой единицы описания, как номинативный ряд, позволяет проводить эффективное исследование текстовой номинации и номинативного варьирования. Проведенный анализ номинативных рядов текстов А.П. Чехова подтверждает универсальность механизма текстового

именования референта в процессе рассказа о нем и существование тесной связи между типом сообщаемой информации, средствами ее выражения и текстовой позицией (первая номинация, повторная номинация, обращение). Он также показывает, что выбор способа идентификации референта во многих случаях семантически значим. Выполняемые им вторичные функции регулярны и в целом укладываются в набор, описанный в специальной литературе.

Способность/неспособность некоторых типов средств номинации выступать в позиции первичной и повторной номинации позволяет использовать их как признак начала нового номинативного ряда или его продолжения, что представляется принципиально важным для автоматизации процесса извлечения из текста номинативных рядов.

Заключение

Задача определения состава средств номинации лиц, их семантического, лексикографического и функционального описания сохраняет свою актуальность. Она требует постоянного мониторинга текстов и дальнейшего исследования механизма выбора текстовых средств номинации референтов-лиц. Без ее решения невозможен эффективный автоматизированный анализ содержания текстов, обучение грамматике текста и понимание когнитивного механизма, лежащего в основе текстопостроения.

Для решения данной задачи необходимо выйти за пределы такой традиционной единицы описания лексической системы, как лексико-семантическая группа. Нужна более крупная единица анализа, позволяющая выделить и объединить все средства языка, участвующие в именовании лиц (в том числе имена собственные, местоименные единицы и именные группы с местоименными актуализаторами), а также такая единица, с помощью которой могут быть описаны все средства именованного конкретного лица-референта в тексте. С этой целью в работе были введены понятия «номинативная парадигма» и «номинативный ряд».

В рамках исследования состава русской номинативной парадигмы «лицо» был проведен анализ чеховского корпуса текстов, что позволило пополнить список имен лиц, извлеченный из «Русского семантического словаря», материалом из текстов А.П. Чехова.

Проведенный анализ основных семантических классификаций русских наименований лиц позволил выработать на их основе такой вариант семантического разбиения нарицательных существительных, который, как представляется, выявляет аспекты, наиболее важные для анкетной характеристики такого типа денотата, как человек. Этот вариант был проверен при работе с чеховским словником имен лиц (см. Приложение 1).

Опыт применения семантически размеченного списка имен лиц к материалу корпуса текстов А.П. Чехова показал, что такого рода базы данных позволяют не только автоматизировать поиск упоминания о лицах в текстах, но и анализировать тексты с точки зрения того, какие из свойств человека наиболее важны и чаще всего характеризуются в того или иного типа текстах, а также какие лексические средства для этого используются.

На материале номинативных рядов чеховских персонажей был произведен анализ языковых средств, используемых в позиции первичной и вторичной номинации, а также в позиции обращения. В результате были установлены те свойства лица, которые чаще всего сообщаются А.П. Чеховым при первом упоминании персонажа, а также зависимость выбора языкового средства от параметра «известность/неизвестность» этого лица рассказчику и/или читателю. Были проанализированы также некоторые факторы, влияющие на выбор между местоименными словами, онимами, именными группами с актуализаторами и именами нарицательными при повторной номинации. Они подтвердили существование описанных в специальной литературе закономерностей и тенденций и универсальность механизма текстовых номинаций.

Библиография

Словари и источники

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
2. Михельсон А.Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. – М.: Манухин, тип. Бахметева, 1865. – 718 с.
3. Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru
4. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Под ред. Ефремовой Т.Ф. – М.: Русский язык, 2000. – Т. 1. – 1209 с. – Т. 2. – 1088 с.
5. Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1907. – 386 с.
6. Покровский В.И. Энциклопедический словарь медицинских терминов. – М.: Медицина, 2005. – 1592 с.
7. Полный корпус текстов А.П. Чехова (ЛОКЛЛ филфака МГУ)
8. Попов М. Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. – М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. – 466 с.
9. Русский семантический словарь. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. – Т.1. – 807 с.
10. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: РАН, Ин-т лингвистических исследований, 1999. – Т. 2. – 736 с.
11. Словарь современного русского литературного языка. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. – Т. 1. – 1919 с.
12. Словарь-тезаурус синонимов русской речи. Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Аст-Пресс Книга, 2007. – 576 с.
13. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940. - <http://feb-web.ru/feb/ushakov/default.asp>

14. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи. – СПб, Издание В. И. Губинского, 1894. – 992 с.

15. Языкознание. Большой лингвистический словарь / Гл. ред. Н.В. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Литература

1. Абреимова Е.Н. Семантическая структура наименований лиц женского пола в современном русском языке: Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Елец, 1998. - 207 с.

2. Акопов Л.С. Лексико-семантический способ образования имен существительных со значением лица (на основе метафоризации): Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. – М., 1985.– 236 с.

3. Антонова С.Н. Теория номинации в свете функциональной лингвистики: деятельностный подход // Альянс наук: ученый – ученому : V науч.-практ. интернет-конф., 25-26 февр. 2010 г. – Тюмень: ТюмГУ, 2010.

4. Апалькова Т.Н. Социосемиотический аспект номинации лица в англоязычном дискурсе: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Самара, 2007, 26 с.

5. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.

6. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 84-85

7. Арутюнова Н.Д. Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980.

8. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции / Н.Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. – 1982. – № 13. – С. 5-40.

9. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований / Отвеств. ред. Б.А. Серебрянников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977.
10. Арутюнова Н.Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация. Общие вопросы / Отвеств. ред. Б.А. Серебрянников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977.
11. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М. Наука, 1976.
12. Асланова Р.Г. Образная номинация в структуре комического текста: Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Махачкала, 2003.
13. Ахматьянова З.С. Существительные *Nomina agentis* в современном русском языке: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Уфа, 2000.
14. Ашихмина Т.А. Структурно-семантические функции повторной номинации в рассказе В.В. Бианки «Последний выстрел» // Художественный текст: варианты интерпретации. – Бийск, 2007. – Ч. 1. – С. 36-39.
15. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
16. Басова Г.Д. Типовые семантические мотивации производных наименований лиц в современном русском языке: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Киев, 1990.
17. Белоусова А.С. Русские имена существительные со значением лица (лексический класс и вопросы его словарного описания) / А.С. Белоусова // Вопросы языкознания. 1981. – № 3. – С. 71-84.
18. Белоусова А.С. Имена лиц и их синтаксические свойства // Слово и грамматические законы языка. Имя – М. Наука, 1989.– 131-205.
19. Белоусова А.С. Человек: Имя и смысл (на материале «Русского семантического словаря») // Функциональная лингвистика. Язык. Человек. Власть. Материалы конференции. Ялта. 2001

20. Бернацкая Ю.Ф. Ономаσιологические аспекты образования и функционирования наименований лиц творческих профессий в современном английском языке: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – СПб, 1994.– 16 с.
21. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. – Москва: КРАСАНД, 2010.
22. Богданова С.С. Агентивные существительные с суффиксом -тель в русском литературном языке: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.– М.,1980.
23. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х томах. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2.
24. Бытеева Т.И. Семантические особенности существительных агентивного значения в говорах Красноярского края // Проблемы лексикологии, фразеологии, лексикографии сибирских говоров. – Красноярск, 1975.
25. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003.
26. Вардзелашвили Ж.А. К вопросу о толковании термина «номинация» в лингвистических исследованиях // Славистика в Грузии. ТГУ. Выпуск 1. Тб., 2000, с. 62-68.
27. Варламова М.Ю. Семантическая деривация на базе наименований лица в современном русском языке: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Казань, 2008
28. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975.
29. Виноградов В.В. История слов. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999.
30. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова. // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1953, №5
31. Воеводина Г.А. Номинации «лицо по социальному положению» в современном русском языке (на примере производных имен существительных)

// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010, № 4 (2), с. 468–470.

32. Войток К.А. Производные слова со значением деятеля в современном французском языке (на материале произведений современных писателей): Дис. канд. филол. наук. М., 1956.

33. Волобуева О.Н. Концептуальное поле «человек и его интеллект» в русской и английской фразеологии: . Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Тюмень, 2011.

34. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. М.: Наука, 1974. 224 с.

35. Воронцова В.Л. Наименования лиц по профессии // Способы номинации в современном русском языке / отв. ред.: Д. Н. Шмелев; АН СССР, Ин-т русского языка. – М. : Наука, 1982 . – С. 254-270.

36. Вопияшина С.М. Коммуникативно-прагматический потенциал наименований лиц в современном немецком языке: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самара, 2002. – 21 с.

37. Гак В.Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование // Вопросы французской филологии: Сборник трудов. – М.: МГПИ, 1972

38. Гак В.Г. Повторная номинация на уровне предложения / В.Г. Гак // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 91-102

39. Гак В.Г. Человек в языке / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Образ человек в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: «Индрик», 1999. – С. 73-80.

40. Гак В.Г. Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977.

41. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

42. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007. – 148 с.

43. Голубева Н.А. Номинация и когниция (опыт когнитивного описания номинативной системы языка) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2008, № 6, с. 217–223.

44. Григорьева А.Д. Об основном словарном фонде и словарном составе русского языка. – М.: Учпедгиз, 1953.

45. Гукова Л.Н., Фомина Л.Ф. Номинативная парадигма концепта Петербург в дискурсе А.С. Пушкина // Записки з ономастики. Киев, 2011. №14.

46. Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития. // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.

47. Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков. – М.: Флинта: Наука, 2003.

48. Гуцалюк О.Н. Типы и функции номинаций персонажа (на материале романов М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и В.В. Набокова «Лолита»): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2010.

49. Дахалаева Е.Ч. Семантика и прагматика автореферентных номинаций / Е.Ч. Дахалаева // Семантика и прагматика высказывания: Коллективная монография под ред. Г.М. Костюшкиной и др. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2005. – С. 396-493.

50. Доннелан К.С. Референция и определенные дескрипции / К.С. Доннелан // Новое в зарубежной лингвистике. – 1982. – № 13. – С. 134-160.

51. Душкин А.В. Сопоставительный анализ стилистически маркированных наименований лиц по профессии в современном немецком и английском языках: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 1978.

52. Епимахова А.Ю. Интернационализмы в системе наименований лиц по профессии // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36

53. Еременко О.И. Наименования лиц женского пола в русском литературном языке 19 века: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Воронеж, 1998.

54. Ерофеева И.В. Производные наименования лиц с суффиксом –ыц– в московском летописном своде 1479 года. // Русская и сопоставительная филология: Системно-функциональный аспект. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И.Ульянова-Ленина, 2003.

55. Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958.

56. Жаналина Л.К. Понятие парадигмы в современной лингвистике – http://www.rusnauka.com/8_NND_2010/Philologia/60592.doc.htm

57. Завалко Е.А. Способы номинации лиц в спонтанной детской речи // Вестник СамГУ. 2008. № 5/2 (64).

58. Зайковская И.А. Номинации лиц мужского пола в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. // *Rossica Petropolitana Juniora*. Сборник научных работ молодых ученых в области русистики. Вып. 1 – СПб, 2007.

59. Зарипова В.М. Эволюция наименований общественно-политических деятелей в языке газеты: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самарский государственный университет, Самара, 2012. – 18 с.

60. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004.

61. Зырянова И.Н. Гендерный аспект номинации лица в текстах брачных объявлений: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Иркутск, 2009 – 17 с.

62. Иванова Л.А. Типы референции и определенные дескрипции // «Вестник МИТХТ», 2008, т. 3, № 2.

63. Имя нарицательное и собственное: сб. статей / ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1978. – 207 с.

64. Карнап Р. Значение и необходимость. – М., 1957.

65. Качинская И.Б. Термины родства и предметный мир // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс. Москва, МГУ, 18-21 марта 2004 г. Труды и материалы. М.: МГУ, 2004. – С.87-88.

66. Кашпур Е.В. Сопоставительное исследование наименований лиц по профессии и социальному статусу во французском и русском языках: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2005. – 25 с.

67. Кибрик А.А. Моделирование многофакторного процесса: выбор референциального средства в русском дискурсе. – Вестник МГУ, № 4, 1997. – с. 94-105.

68. Кибрик А.А. Механизмы устранения референциального конфликта // Кибрик А.Е., Нариньяни А.С. (ред.). Моделирование языковой действительности в интеллектуальных системах. – М.: Наука, 1987.

69. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник для вузов. М.: УРСС, 2000.

70. Кобозева И.М. Референциальный выбор при переводе с французского языка на русский: в чем причина отличий перевода от оригинала? // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина. Р М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 667-668.

71. Кожанова Н.В. Описательные номинации в общей номинативной парадигме немецкого языка (на материале наименований лиц по профессии) //

Вестник Томского государственного педагогического университета, №4. – Томск, 2007.

72. Колшанский Г.В. Номинация и ее объективные источники / Г.В. Колшанский // Соотношение субъективных и объективных факторов: Сб. статей. – М.: Наука, 1975.

73. Кольцова Е.А. Оценочные номинации лица: гендерный и коммуникативно-прагматический аспекты: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ивановский государственный университет, Иваново, 2009 – 10 с.

74. Комкова О.В. Атрибутивная сочетаемость маскулинных и феминных номинаций лица: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Иваново, 2011.

75. Конопелькина Е.А. Наименования лиц по роду деятельности в функционально-стилевом аспекте (на материале лексики экономико-правовой сферы русского языка) Вісник Дніпропетровського університету. Серія "Мовознавство". – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетровського ун-ту, 2010. Вип. 16.

76. Копань Л.И. Явление повторной номинации в текстовом отражении // Исследования по лексике и грамматике германских языков. – Тарту: Изд-во Тартуск. ун-та, 1985. – С. 27-30.

77. Костюшкина Г.М., Зырянова И.Н. Гендерный аспект номинации лица (на примере текстов брачных объявлений) // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности: материалы 4-й Всероссийской научной конференции. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2010. – С.225 – 236 (448).

78. Крылов С.А. Некоторые особенности лингвистической концепции В. Г. Гака // Гуманитарные науки. Вып.8. Филология. № 33, 2004

79. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986.

80. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
81. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: семантика производного слова. – М.: Наука, 1981.
82. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989.
83. Кулешова Д.В. Имена свойств лица в аспекте номинации и квалификации: На материале немецкой художественной прозы 20-21 вв: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Тамбов, 2005. – 24 с.
84. Куно С. Некоторые свойства нереферентных именных групп / С. Куно // Новое в зарубежной лингвистике. – 1982. – № 13. – С. 292–339.
85. Кустова Г.И. Прилагательные в составе номинаций лица // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – № 2 (24), 2015.
86. Кухаренко В.А. Виды повторов и их стилистическое использование в произведениях Ч. Диккенса: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: 1955. – 11с.
87. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
88. Ланге Н.В. Эмотивно-оценочная лексика эпистолярного дискурса А.С. Пушкина (на примере анализа наименований лиц Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Смоленск, 2011.
89. Лелис Е.И. Теория подтекста: учеб.-метод. пособие. – Ижевск, Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 60 с.
90. Линский Л. Референция и референты. – В кн.: НЗЛ. М.: Прогресс, 1982, вып. 13, с. 161-178.
91. Маклакова Е.А. Семантические особенности наименований лиц как лексико-фразеологического поля в системе языка (на материале контрастивных

исследований русского и английского языков) // Язык и культура: научный периодический журнал. – Томск, 2010 № 4 (12).

92. Маклакова Е.А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименований лиц русского и английского языков): Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Воронеж, 2013.

93. Малинка А.В., Нагель О.В. Лексическая номинация: ономаσιологический и когнитивный подходы // Язык и культура. 2011. № 4 (16). С. 44-57.

94. Маслова-Лашанская С.С. О процессе наименования // Скандинавский сб. XVIII. Тал., 1973.

95. Мигирина Н.И. Типы номинаций для обозначения статусов лица в современном английском языке. Кишинев: Штиинца, 1980. – 91 с.

96. Назарук Ю.А. Категория связности в аспекте внутритекстовой повторной номинации // Вестник СамГУ. 2006. №10/2 (50). С. 197-203.

97. Некрасов А.С. Смысловая осложненность при повторной номинации в художественном тексте // Композиционное членение и языковые особенности художественного произведения: Межвуз. сборник научных трудов. М., 1987.

98. Неупокоева А.В. Мовирование номинаций лиц по признаку пола как способ словообразования в немецком языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – М.: 2008 № 74-1.

99. Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. Мн.: Высш. шк., 1985.

100. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1988.

101. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1982.

102. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) – М.: Наука, 1985.

103. Падучева Е.В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения / Е. Я. Падучева // НТИ. Сер.2. – 1979. – № 9

104. Палванова М.П. Составные номинации на базе существительных со значением лица в произведениях Н.С. Лескова // Вестник Челябинского государственного университета №13 (267). Филология. Искусствоведение. Вып. 65. – Челябинск, 2012. – С. 85–89

105. Панина Т.Г. Вторичная косвенная номинация как языковой, когнитивный и культурный процессы // «Magister Dixit» – научно-педагогический журнал Восточной Сибири №2 (06). Июнь 2012.

106. Пантелеенко О.А. Повторная номинация в текстах романа и киносценария (на материале романа О. де Бальзака «Полковник Шабер») // Scripta manent. – Смоленск, 2007. – Вып. 14. – С. 104-108.

107. Платонова О.В. Референциальный аспект метафорической номинации (на материале поэтического языка XX века): Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., 1992.

108. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.

109. Полякова Е.Н. Лексика местных деловых памятников XVII-XVIII в. И принципы ее изучения. – Пермь: Пермский ун-т, 1979.

110. Порохова О.Г. Лексика сибирских летописей XVII века. – Ленинград: Наука, 1969.

111. Потапова С.Ю. Неофициальные именованья лица в современном немецком языке: Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Москва, 2004.

112. Потапова С.Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе. – Ярославль: МУБиНТ, 2003. – 281 с.
113. Пуговкина М.В. Стилистические парадигмы существительных :на материале семантических групп со значением «Названия лиц»: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Тамбов, 2006. – 23 с.
114. Русская грамматика. 1980 – <http://rusgram.narod.ru>
115. Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 148 с.
116. Рындина Н.В. Типология номинаций лица в современном английском языке: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2002. – 18 с.
117. Садр М. Номинации человека в произведениях А.П. Чехова: ономазиологический аспект: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Астрахань, 2011.
118. Сайтова Э.М. Имена лиц во фразеологической картине мира :на материале немецкого, русского и башкирского языков: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Уфа, 2007.
119. Селезнев Д.Л. Референция и номинация / Д.Л. Селезнев // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. – М.: Наука, 1987. – С. 64-77.
120. Семантика и категоризация / Р.М. Фрумкина, А.В. Михеев, А.Д. Мостовая, Н.А. Рюмина; Отв. ред. Ю.А. Шрейдер. М.: Наука, 1991
121. Семантические типы предикатов / Под ред. О.Н. Селиверстовой. – М.: Наука, 1982.
122. Серебрянников Б.А. Общее языкознание. М., 2005.

123. Скворцова Е.В. Динамика номинативной парадигмы американских художественных фильмов: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самара, 2011.

124. Скнар Г.Д. Проблема авторского выбора референциального выражения в тексте // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 314-315.

125. Скобликова Е.С. О релятивном характере номинации лиц / Е.С. Скобликова // Русское слово. 70-летию проф. В.Д. Бондалетова посвящается: межвуз. сб. науч. трудов. – Пермь, 1998. – С. 144 – 148.

126. Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова»). // Труды Института языкознания АН СССР. М.: АН СССР, 1954. – Т. 4

127. Смирнова Г.В. Наименования лица и их ономаσιологические характеристики (опыт исследования словообразовательных механизмов): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1986. 24 с.

128. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. высших учебных заведений / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова и др. – М.: Азбуковник, 1997

129. Современный русский язык. Под ред. Л.Р. Дускаевой, СПб., 2014. 286 с.

130. Соловьева Е.В. Номинация лица в прозаических произведениях А.С. Пушкина: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Казань, 2006.

131. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: 1977.

132. Сочнева Н.Э. Специфика функционирования номинаций лиц по деталям в речи современных СМИ // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. Филология. Журналистика, вып. 3.

133. Способы номинации в современном русском языке / отв. ред.: Д.Н. Шмелев ; АН СССР, Ин-т русского языка . – М. : Наука, 1982 . – 296 с.
134. Степанов А.Д. О природе знака у Чехова / А.Д. Степанов // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2004. – №.5. – С. 24-30.
135. Стрельцова И.Д. О некоторых способах номинации в художественном тексте // Филологические науки, 1974, № 5.
136. Стросон П.Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике № 3. – 1982. – С. 109–133.
137. Сулейманова Г.В. Лексико-семантическая и структурная характеристика названий лиц (на материале произведений П.И. Мельникова-Печерского): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Махачкала, 2008.
138. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.,1973.
139. Сяохуэй Чэнь. Русские наименования лица по свойству и их употребление в газетных текстах: Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М, 2011.
140. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований / Отвеств. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977.
141. Труфанова Н.О. Проблема номинации лиц в финансово-экономической терминологии (на материале русского и английского языков): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2006.
142. Турлова Е.В. Номинативная парадигма названий учебных пособий, представленных в каталогах учебной литературы // Вестник Самарского государственного университета. Самара, 2007. №5/1(55).

143. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация. Виды наименований / Отвеств. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977
144. Уфимцева А.А. К вопросу о лексико-семантической системе языка. // Вопросы языкознания, – М.: Наука, 1962, № 4.
145. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная). – М.: Либроком, 2010
146. Уфимцева 2004 – Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. – М.: УРСС, 2004
147. Уфимцева А.А. Принцип семиологического описания лексики. – М.: Наука, 1986.
148. Федорова О.В. Текстовая анафора: сочетание статистического и когнитивного подходов // Труды международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Протвино, 2000, с. 299-310.
149. Фонтаньский Г. Текстовая роль постпозитивного местоимения этот в русском языке. – Катовице, 2001.
150. Фролова Е.А. Номинация персонажей в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» (функционально-стилистический аспект): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 1993.
151. Чернова М.А. Семантическое пространство американских оценочных коллоквиализмов: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Барнаул, 2007
152. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. – М.: Изд-во Московского университета, 1956
153. Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 30 тт. М.: Наука, 1974-1983.
154. Чулкина Н.Л. Стереотипы социальных ролей в русском быденном языковом сознании // Язык. Сознание. Культура. Под ред. Уфимцевой Н.Ф., Ушаковой Т.Н. – М-Калуга, 2005.

155. Шаркунова О.В. Повторная номинация с использованием сленга как один из аспектов идиостиля П.Г. Вудхауза в романе «Jeeves in the offing» // «Современные проблемы филологии, искусствоведения и культурологии»: материалы международной заочной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2012 г.

156. Шведова Н.Ю. Русский язык: избранные работы. – М: Языки славянской культуры, 2005

157. Шерина Е.А., Национально-культурная специфика образной лексики русского языка (на материале собственно образных слов, характеризующих человека): Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Томск, 2010

158. Шилина Т.В. Инициальная ретардация в современном художественном дискурсе и прием «*in medias res*» в античной эпической поэме // Герценовские чтения. – Иностранные языки. – Материалы конференции 15-17 апреля 2003 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – С. 54-56.

159. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

160. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.

161. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973

162. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика, Учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1977.

163. Шмелев Д.Н., Журавлев А.Ф., Ермакова О.П. Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.

164. Шутова Н.М. Повторная номинация лица в художественной речи // Языковая семантика и образ мира (Международная научная конференция, посвященная 200-летию университета, 7-10 октября 1997 г.). – Казань, 1997.

165. Язык. Сознание. Культура. Сб. статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М.-Калуга: Эйдос, 2005

166. Языковая номинация. Виды наименований / Ответств. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977
167. Языковая номинация. Общие вопросы / Ответств. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977.
168. Якобсон Р. Jakobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb. – Harvard University, 1957.
169. Янко Т.Е. Лексическая семантика обращений: семантические особенности русских антропонимов и других имен, обозначающих людей // Язык и речевая деятельность. Т. 11. Спб. 2011. С. 239-255.
170. Голикова О.М. Номінативні та інфінитивні ряди в художньому тексті: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук. – Харків, 2011.
171. Boguslawski A. On the uniqueness condition on definite descriptions and their differentiation. – In: Probleme der Textgrammatik II. B.: Akad.-Verl., 1977, p. 159-172.
172. Carlson G.N. Generics and atemporal *when*. – Linguist. and Philos., 1979, vol. 3, p. 49-98.
173. Evans G. Pronouns, quantifiers and relative clauses. – Canad. J. Philos., 1977, vol. 7, №3, p. 467-536.
174. Geach P. Reference and generality. Ithaca : Cornell univ. press, 1962. 170 p.
175. Wierzbicka A. Descriptions or quotations. «Sign, language, culture», t. I. The Hague – Paris, 1970.

Приложение 1. «Словник характеризующих наименований лиц с их семантическими характеристиками (слова на букву «А»)»

В приложении представлен фрагмент словника наименований лиц, полученного на основе корпуса текстов А.П. Чехова (слова на букву «А») (см. первую колонку – «Слово»). Во второй колонке «Характеризующий класс» каждое слово характеризуется по семантическому классу, в который оно входит, в соответствии с вариантом семантической классификации наименований лиц, представленном в параграфе 2.4 главы II. Принадлежность к тому или иному классу в данной колонке определяется по материалам чеховского корпуса. Колонка «Пол» содержит пометы «м», если слово обозначает лицо мужского пола, «ж» – лицо женского пола и «м/ж» – может обозначать лицо и мужского, и женского пола. В колонке «Оценка» слова получают пометы в соответствии с наличием или отсутствием в их значении оценочного компонента: помета «+» обозначает положительную оценку, «-» – отрицательную, «+/-» – положительную или отрицательную оценку в зависимости от контекста и «0» – отсутствие оценочного компонента. В колонке «Совокупность» слово получает помету «+», если в его значении присутствует компонент «совокупность»; если такого компонента нет, ставится помета «-». В колонке «Обращение» слово получает помету «+», если синтаксическая позиция обращения является для данного слова основной; «-» – если слово в позиции обращения в корпусе А.П. Чехова не используется или используется крайне редко (такие случаи описываются в сносках). В колонке «Вариант» указываются произносительные варианты данного слова, найденные в чеховском корпусе. При необходимости значение слова уточняется.

Слово	Характеризующий класс	Пол (м; ж; м/ж)	Оценка (+; -; 0)	Совокуп- ность (+; -)	Обращение (+; -)	Вариант
АББАТ	3. Сфера деятельности, профессия 3.7. Религия	м	0	-	-	
АБОНЕНТ	9. Ситуативная характеристика 9.3. Роль в ситуации, в деятельности 9.3.2 Контрагент / помощник, соучастник	м/ж	0	-	-	
АБХАЗЕЦ	2. Постоянные социальные характеристики 2.1. Место рождения, национальность	м	0	-	-	
АВАНГАРД	8. Принадлежность к коллективу и позиция в нем 8.4. Активность / пассивность	м/ж	0	+	-	
АВАНТЮРИСТ	4. Характеристика свойств личности 4.1. Характер, эмоциональные	м	0	-	-	

	особенности личности 4.1.9. Искренность / лицемерие					
АВСТРИЕЦ	2. Постоянные социальные характеристики 2.1. Место рождения, национальность	м	0	-	-	
АВТОР	4. Характеристика свойств личности 4.3. Интеллект 4.3.2. Интеллектуальная деятельность человека 4.3.2.3. Процесс воображения	м	0	-	-	
АВТОРИТЕТ	4. Характеристика свойств личности 4.9. Значимость, авторитетность	м/ж	0	-	-	
АВТОРИЦА (в значении «автор женского пола»)	4. Характеристика свойств личности 4.3. Интеллект 4.3.2. Интеллектуальная деятельность человека 4.3.2.3. Процесс воображения	ж	0	-	-	
АГЕНТ	8. Принадлежность к коллективу и	м	0	-	-	

	позиция в нем 8.1. Представитель					
АГНЕЦ	4. Характеристика свойств личности 4.1. Характер, эмоциональные особенности личности 4.1.7. Скромность / высокомерие	м/ж	0	-	-	
АГРОНОМ	3. Сфера деятельности, профессия 3.14. Сельское хозяйство. Садоводство. Животноводство	м	0	-	-	
АДВОКАТ	3. Сфера деятельности, профессия 3.10. Право	м	0	-	-	АБЛАКАТ
АДВОКАТИК	3. Сфера деятельности, профессия 3.10. Право	м	+/-	-	-	
АДВОКАТИССИМУС	3. Сфера деятельности, профессия 3.10. Право	м	+/-	-	-	
АДМИНИСТРАТОР	3. Сфера деятельности, профессия 3.16. Сфера обслуживания	м	0	-	-	
АДМИНИСТРАЦИЯ	3. Сфера деятельности, профессия 3.16. Сфера обслуживания	м/ж	0	+	-	

АДМИРАЛ	3. Сфера деятельности, профессия 3.13. Военная служба	м	0	-	-	
АДРЕСАТ	9. Ситуативная характеристика 9.3. Роль в ситуации, в деятельности 9.3.2. Контрагент / помощник, соучастник	м	0	-	-	
АДЪЮТАНТ	3. Сфера деятельности, профессия 3.13. Военная служба	м	0	-	-	
АЗИАТ	2. Постоянные социальные характеристики 2.1. Место рождения, национальность	м	0	-	-	АЗИЯТ
АЗИЕНОК	2. Постоянные социальные характеристики 2.1. Место рождения, национальность	м	+/-	-	-	
АКАДЕМИК	3. Сфера деятельности, профессия 3.1. Наука и образование	м	0	-	-	
АКРОБАТ	3. Сфера деятельности, профессия	м	0	-	-	

	3.5. Спорт					
АКТЕР	3. Сфера деятельности, профессия 3.8. Искусство и культура	м	0	-	-	АХТЕР
АКТЕРИК	3. Сфера деятельности, профессия 3.8. Искусство и культура	м	+/-	-	-	
АКТЕРИШКА	3. Сфера деятельности, профессия 3.8. Искусство и культура	м/ж	-	-	-	
АКТЕРКА	3. Сфера деятельности, профессия 3.8. Искусство и культура	ж	-	-	-	
АКТРИСА	3. Сфера деятельности, профессия 3.8. Искусство и культура	ж	0	-	- ³	
АКТРИСИЩЕ	3. Сфера деятельности, профессия 3.8. Искусство и культура	ж	+	-	-	
АКТРИСКА	3. Сфера деятельности, профессия 3.8. Искусство и культура	ж	+/-	-	-	
АКТРИСОЧКА	3. Сфера деятельности, профессия 3.8. Искусство и культура	ж	+	-	-	
АКТРИСУЛЯ	3. Сфера деятельности, профессия	ж	+	-	-	

³ Однако в чеховском корпусе был найден пример использования этого слова в позиции обращения (см. пример 124 на стр. 122).

	3.8. Искусство и культура					
АКУШЕР	3. Сфера деятельности, профессия 3.2. Медицина	м	0	-	-	
АКУШЕРКА	3. Сфера деятельности, профессия 3.2. Медицина	ж	0	-	-	
АКЦИЗНИК	3. Сфера деятельности, профессия 3.10. Право	м	0	-	-	
АЛКОГОЛИЗМУС	5. Привычки, индивидуальные особенности физических проявлений	м	+/-	-	-	
АЛКОГОЛИК	5. Привычки, индивидуальные особенности физических проявлений	м	0	-	-	
АЛМАЗ	10. Отношение говорящего к объекту речи 10.3. Испытываемые эмоции	м/ж	+	-	-	
АЛХИМИК	3. Сфера деятельности, профессия 3.1. Наука и образование	м	0	-	-	
АЛЬТ	3. Сфера деятельности, профессия	м	0	-	-	

	3.8. Искусство и культура					
АЛЬФОНС	4. Характеристика свойств личности 4.2. Образ жизни	м	-	-	-	
АЛЬФОНСИК	4. Характеристика свойств личности 4.2. Образ жизни	м	-	-	-	
АЛЬФОНСИНА	4. Характеристика свойств личности 4.2. Образ жизни	м	-	-	-	
АМАЗОНКА	4. Характеристика свойств личности 4.1. Характер, эмоциональные особенности личности 4.1.4. Смелость / трусость	ж	0	-	-	
АМБУЛАТОРНЫЙ	9. Ситуативная характеристика 9.3.1. Каузатор / подчиненная, зависимая сторона	м	0	-	-	
АМЕРИКАНЕЦ	2. Постоянные социальные характеристики 2.1. Место рождения, национальность	м	0	-	-	
АМЕРИКАНКА	2. Постоянные социальные	ж	0	-	-	

	характеристики 2.1. Место рождения, национальность					
АМУРАШКА	10. Отношение говорящего к объекту речи 10.3. Испытываемые эмоции	м/ж	+	-	-	
АМУРЧИК	10. Отношение говорящего к объекту речи 10.3. Испытываемые эмоции	м/ж	+	-	-	
АНАЛИТИК (в значении «человек, умеющий хорошо анализировать, склонный к аналитическому мышлению»)	4. Характеристика свойств личности 4.3. Интеллект 4.3.2. Интеллектуальная деятельность человека 4.3.2.3. Процесс определения	м	0	-	-	
АНАРХИСТ	6. Характеристика взглядов, мировоззрения 6.2. Отношение к власти	м	0	-	-	

АНАТОМ	3. Сфера деятельности, профессия 3.2. Медицина	м	0	-	-	
АНАФЕМ	10. Отношение говорящего к объекту речи 10.2. Оценка	м	-	-	-	
АНАХОРЕТ	4. Характеристика свойств личности 4.2. Образ жизни	м	0	-	-	
АНГЕЛ	10. Отношение говорящего к объекту речи 10.3. Испытываемые эмоции	м/ж	+	-	+	АГГЕЛ
АНГЕЛОК	10. Отношение говорящего к объекту речи 10.3. Испытываемые эмоции	м/ж	+	-	+	
АНГЕЛОЧЕК	10. Отношение говорящего к объекту речи 10.3. Испытываемые эмоции	м/ж	+	-	+	
АНГЕЛЬЧИК	10. Отношение говорящего к объекту речи 10.3. Испытываемые эмоции	м/ж	+	-	+	

АНГЛИЧАНИН	2. Постоянные социальные характеристики 2.1. Место рождения, национальность	м	0	-	-	
АНГЛИЧАНКА	2. Постоянные социальные характеристики 2.1. Место рождения, национальность	ж	0	-	-	
АНДИЖАНЕЦ	2. Постоянные социальные характеристики 2.1. Место рождения, национальность	м	0	-	-	
АНЕКДОТИСТ	7. Увлечения, занятия	м	0	-	-	
АНИКА-ВОИН	4. Характеристика свойств личности 4.1. Характер, эмоциональные особенности личности 4.1.7. Скромность / высокомерие, хвастовство	м	-	-	-	
АНИМАЛИСТ	3. Сфера деятельности, профессия	м	0	-	-	

	3.8. Искусство и культура					
АНОНИМ	9. Ситуативная характеристика 9.6. Неопределенность / определенность для адресата	м	0	-	-	
АНТРЕПРЕНЕР	3. Сфера деятельности, профессия 3.8. Искусство и культура	м	0	-	-	
АНТРЕПРЕНЕРША (в значении «жена антрепренера»)	2. Постоянные социальные характеристики 2.2. Родство	ж	0	-	-	
АПТЕКАРША (в значении «жена аптекаря»)	2. Постоянные социальные характеристики 2.2. Родство	ж	0	-	-	
АПТЕКАРЬ	3. Сфера деятельности, профессия 3.2. Медицина	м	0	-	-	
АРАБ	2. Постоянные социальные характеристики 2.1. Место рождения, национальность	м	0	-	-	
АРАП	2. Постоянные социальные	м	0	-	-	

	характеристики 2.1. Место рождения, национальность					
АРЕНДАТЕЛЬ	3. Сфера деятельности, профессия 3.17. Торговля	м	0	-	-	
АРЕНДАТОР	9. Ситуативная характеристика 9.3. Роль в ситуации, в деятельности 9.3.1. Каузатор / подчиненная, зависимая сторона	м	0	-	-	
АРЕСТАНТ	9. Ситуативная характеристика 9.3. Роль в ситуации, в деятельности 9.3.1. Каузатор / подчиненная, зависимая сторона	м	0	-	-	
АРЕСТАНТИК	9. Ситуативная характеристика 9.3. Роль в ситуации, в деятельности 9.3.1. Каузатор / подчиненная, зависимая сторона	м	+ -	-	-	
АРЕСТАНТКА	9. Ситуативная характеристика 9.3. Роль в ситуации, в деятельности	ж	0	-	-	

	9.3.1. Каузатор / подчиненная, зависимая сторона					
АРИСТОКРАТ	8. Принадлежность к коллективу и позиция в нем 8.5. Титул	м	0	-	-	
АРИСТОКРАТИШКА	8. Принадлежность к коллективу и позиция в нем 8.5. Титул	м/ж	-	-	-	
АРИСТОКРАТИЯ	8. Принадлежность к коллективу и позиция в нем 8.5. Титул	м/ж	0	+	-	
АРИСТОКРАТКА	8. Принадлежность к коллективу и позиция в нем 8.5. Титул	ж	0	-	-	
АРИФМЕТИК	3. Сфера деятельности, профессия 3.1. Наука и образование	м	0	-	-	
АРМИЯ	3. Сфера деятельности, профессия 3.13. Военная служба	м/ж	0	+	-	
АРМЯНИН	2. Постоянные социальные	м	0	-	-	

	характеристики 2.1. Место рождения, национальность					
АРМЯНКА	2. Постоянные социальные характеристики 2.1. Место рождения, национальность	ж	0	-	-	
АРМЯНОЧКА	2. Постоянные социальные характеристики 2.1. Место рождения, национальность	ж	+	-	-	
АРМЯШКА	2. Постоянные социальные характеристики 2.1. Место рождения, национальность	м/ж	+/-	-	-	
АРТЕЛЬЩИК	8. Принадлежность к коллективу и позиция в нем 8.1. Представитель	м	0	-	-	
АРТИЛЛЕРИСТ	3. Сфера деятельности, профессия	м	0	-	-	

	3.13. Военная служба					
АРТИЛЛЕРИЯ	3. Сфера деятельности, профессия 3.13. Военная служба	м/ж	0	+	-	
АРТИСТ	3. Сфера деятельности, профессия 3.8. Искусство и культура	м	0	-	-	
АРТИСТКА	3. Сфера деятельности, профессия 3.8. Искусство и культура	ж	0	-	-	
АРФИСТКА	3. Сфера деятельности, профессия 3.8. Искусство и культура	ж	0	-	-	
АРХ-АКАДЕМИК	3. Сфера деятельности, профессия 3.1. Наука и образование	м	+	-	-	
АРХАНГЕЛ	10. Отношение говорящего к объекту речи 10.3. Испытываемые эмоции	м/ж	+	-	-	
АРХАРОВЕЦ	4. Характеристика свойств личности 4.1. Характер, эмоциональные особенности личности 4.1.6. Благородство / неблагородство	м	-	-	-	
АРХЕОЛОГ	3. Сфера деятельности, профессия	м	0	-	-	

	3.1. Наука и образование					
АРХИВАРИУС	3. Сфера деятельности, профессия 3.16. Сфера обслуживания	м	0	-	-	
АРХИЕПИСКОП	3. Сфера деятельности, профессия 3.7. Религия	м	0	-	-	
АРХИЕРЕЙ	3. Сфера деятельности, профессия 3.7. Религия	м	0	-	-	
АРХИМАНДРИТ	3. Сфера деятельности, профессия 3.7. Религия	м	0	-	-	
АРХИТЕКТОР	3. Сфера деятельности, профессия 3.15. Строительство	м	0	-	-	
АРХИЧУДАК	10. Отношение говорящего к объекту речи 10.2. Оценка	м	+ -	-	-	
АСЕССОР	3. Сфера деятельности, профессия 3.12. Государственная служба 3.12.1. Судебная	м	0	-	-	
АСКЕТ	4. Характеристика свойств личности 4.2. Образ жизни	м	0	-	-	

АСПИД	10. Отношение говорящего к объекту речи 10.2. Оценка	м	-	-	-	
АССИСТЕНТ	9. Ситуативная характеристика 9.3. Роль в ситуации, в деятельности 9.3.2. Контрагент / помощник, соучастник	м	0	-	-	
АСТРОЛОГ	3. Сфера деятельности, профессия 3.1. Наука и образование	м	0	-	-	
АСТРОНОМ	3. Сфера деятельности, профессия 3.1. Наука и образование	м	0	-	-	
АСТРОНОМКА	3. Сфера деятельности, профессия 3.1. Наука и образование	ж	0	-	-	
АТАМАН	3. Сфера деятельности, профессия 3.13. Военная служба	м	0	-	-	
АТЕИСТ	6. Характеристика взглядов, мировоззрения 6.1. Религия 6.1.1. Человек по отношению к	м	0	-	-	

	вероисповеданию					
АТЛЕТ	3. Сфера деятельности, профессия 3.5. Спорт	м	0	-	-	
АТТАШЕ	3. Сфера деятельности, профессия 3.12. Государственная служба	м	0	-	-	
АУДИТОРИЯ	9. Ситуативная характеристика 9.3. Роль в ситуации, в деятельности 9.3.1. Каузатор / подчиненная, зависимая сторона	м/ж	0	+	-	
АФГАНЕЦ	2. Постоянные социальные характеристики 2.1. Место рождения, национальность	м	0	-	-	
АХИДА	10. Отношение говорящего к объекту речи 10.2. Оценка	м/ж	-	-	+	

Приложение 2. «Номинативные ряды персонажей (по текстам А.П. Чехова)»

Ниже приводится часть исследованного материала, дополнительно иллюстрирующая закономерности, которые были описаны в основной части работы, и показывающая текстовую последовательность отдельных номинаций внутри целого номинативного ряда.

В скобках указано количество употребленных подряд одинаковых номинаций; позиции первичной и повторной номинации разделены знаком «/».

1. Один начинающий адвокат / этот адвокат – он (4) – мой адвокат – он – адвокат – друг – адвокат – он – адвокат – он – адвокат – он (4) – адвокат – он (4) – расходившийся адвокат – друг – он (5) – адвокат – он – адвокат – он (2) – адвокат («Сильные ощущения»)

2. Иван Дмитрич, человек средний / Иван Дмитрич – Иван Дмитрич – он (4) – Иван Дмитрич – он (2) – Иван Дмитрич (2) – он (8) – Иван Дмитрич (2) – он (4) – Иван Дмитрич – он (4) – Иван Дмитрич (2) – он (4) – ее муж – муж – он (2) – Иван Дмитрич (2) («Выигрышный билет»)

3. Жмухин, Иван Абрамыч, отставной казачий офицер / он (3) – Иван Абрамыч – Жмухин – Иван Абрамыч – он – Жмухин – Иван Абрамыч – Жмухин (3) – он – старик Жмухин – Жмухин (3) – он – Жмухин (2) – он – Жмухин – он – Жмухин (3) – он (8) – старик – он (4) – Жмухин – он – Жмухин – Жмухин (2) – он – Жмухин – старик – он (2) – Жмухин – он – ее муж – старик – Жмухин – он – старик – он («Печенег»)

4. Петр Кузмич / Петр Кузмич – этот человек с сизым носом – он (4) («Пережитое (Психологический этюд)»)

5. Гвоздиков / он – Гвоздиков (5) – он (6) – Гвоздиков – он (3) – Гвоздиков – он (3) – Гвоздиков – Гвоздиков – он (3) – Гвоздиков – он – Гвоздиков (2) – он (2) – Гвоздиков – Жорж (2) – он (5) – Гвоздиков (4) («Свидание хотя и состоялось, но...»)

6. Она / она – Паша – певица – Паша (2) – она – Паша (3) – она (2) – Паша (3) – она (5) – Паша (2) – она (2) – Паша (4) – певица – Паша – она – Паша (2) – она – Паша – она(2) – хористка – Паша (7) – она – Паша (2) – она (4) («Хористка»)

7. Наталья Михайловна, молодая дамочка / Наталья Михайловна (2) – дамочка (4) – Наталья Михайловна – дамочка («Длинный язык»)

8. Муж / муж – он – муж – супруг – Васичка – он («Длинный язык»)

9. Девушка лет шестнадцати / она (2) – девушка – красавица – Маша – Маша – красавица – армяночка – Маша – армяночка – Маша (4) – она – красивая девушка – Маша – армяночка – Маша – Маша – она – Маша – армяночка – она (8) – эта девочка – она – Маша – Маша («Красавицы»)

10. Николай Евграфыч / доктор – Николай Евграфыч – он (5) – доктор – он (6) – доктор – он (5) – муж – он (8) – сын деревенского попа, бурсак по воспитанию, прямой, грубый человек, по профессии хирург – он (12) – Николай Евграфыч – доктор – муж – он (3) – муж – доктор (2) – Николай Евграфыч – он (6) – доктор – он – Николай Евграфыч – доктор – он – Николай Евграфыч – он (4) – сын деревенского попа, по воспитанию – бурсак, простой, грубый и прямой человек – он (2) («Супруга»)

11. Смирнов / Смирнов – второй⁴ – Смирнов (3) – он – Смирнов – он (3) – Смирнов – он – Смирнов – он – Смирнов – он («Говорить или молчать?»)

12. Ольга Ивановна / она (2) – Ольга Ивановна (3) – она (3) – Ольга Ивановна – она – Ольга Ивановна (2) – она – Ольга Ивановна – она – Ольга Ивановна (2) – она (2) – Ольга Ивановна – она (3) – Ольга Ивановна – она (20) – Ольга Ивановна – она – хозяйка – Ольга Ивановна – хозяйка – Ольга Ивановна – хозяйка – Ольга Ивановна (2) – она – Ольга Ивановна (3) – она (5) – Ольга Ивановна – жена – она – жена – барыня – она – Ольга Ивановна – она – Ольга Ивановна – она (2) – Ольга Ивановна (3) – она – Ольга Ивановна – она (2) – Ольга Ивановна – она (11) – Ольга Ивановна – она (4) – Ольга Ивановна (2) – она (5) – Ольга Ивановна (4) – она – Ольга Ивановна – она (3) – Ольга Ивановна (3) – она – Ольга Ивановна – она – Ольга Ивановна – она – Ольга Ивановна – она (5) – Ольга Ивановна – она (3) – Ольга Ивановна – она (3) – Ольга Ивановна – она (11) – Ольга Ивановна – она (13) – жена – она (2) – Ольга Ивановна (3) – она (10) – Ольга Ивановна – она – Ольга Ивановна – она (11) – Ольга Ивановна – она (11) – Ольга Ивановна – она – жена – Ольга Ивановна – жена – Ольга Ивановна – она (2) – Ольга Ивановна – она (4) – Ольга Ивановна (2) – она (3) – Ольга Ивановна (2) – она – Ольга Ивановна – она (9) – Ольга Ивановна – она – Ольга Ивановна – она (7) – Ольга Ивановна – она – Ольга Ивановна (5) – она (2) – жена – она (12) – Ольга Ивановна – хозяйка – Ольга Ивановна (3) – она (3) – Ольга Ивановна – она (3) – Ольга Ивановна (2) – она (4) – Ольга Ивановна (2) – она (4) («Попрыгунья»)

⁴ См. контекст: «Крюгер обладал блестящими умственными способностями, Смирнов же был не столько умен, сколько кроток, смирен и слабохарактерен. Первый был разговорчив и красноречив, второй же — молчалив».

13. Ее муж, Осип Степаныч ДЫМОВ / он (3) – ДЫМОВ – он (4) – муж – ДЫМОВ (2) – муж – он (2) – ДЫМОВ (3) – он – ДЫМОВ – он (8) – ДЫМОВ – он (5) – ДЫМОВ (3) – он – ДЫМОВ – он – муж – ДЫМОВ – он – ДЫМОВ – муж – ДЫМОВ (4) – он (2) – муж – ДЫМОВ (2) – он (3) – муж – ДЫМОВ (2) – он – муж – этот человек – он (7) – ДЫМОВ – он (3) – ДЫМОВ (3) – муж (3) – ДЫМОВ – муж (2) – ДЫМОВ – он – ДЫМОВ – он (7) – ДЫМОВ – он – ДЫМОВ (2) – муж – ДЫМОВ – он – ДЫМОВ – он – молчаливое, безропотное, непонятное существо – друг – ДЫМОВ – муж – ДЫМОВ – он (3) – муж – он – ДЫМОВ – он (5) («Попрыгунья»)

14. Знаменитейший и популярнейший адвокат / этот адвокат – он – защитник – адвокат – он – защитник (2) – он – защитник (2) («Случай из судебной практики»)

15. Секретарь провинциальной газеты «Гусиный вестник» Пантелей Диомидыч Кокин / секретарь – он (6) – Кокин – он (6) – секретарь – он – Кокин – он – секретарь – он – Кокин – секретарь – он – секретарь – он – Кокин – секретарь – он – секретарь – Кокин – он (3) – секретарь – он (2) – Кокин (2) – секретарь – Кокин (3) – секретарь (2) – он – Кокин – он – Кокин – секретарь – он – секретарь – Кокин (3) – секретарь – Кокин – секретарь – он (8) – секретарь (2) – Кокин – секретарь – он (3) – секретарь – он (5) («Тряпка»)

16. Англичанка / она (2) – англичанка (3) – она – англичанка – мисс Тфайс – мисс – англичанка (2) – мисс Тфайс («Дочь Альбиона»)

17. Помещик Грябов / Грябов (2) – большой, толстый человек – он (2) – Грябов (7) – он – Грябов – он – Грябов (2) – он – Грябов (6) – он – Грябов – он («Дочь Альбиона»)

18. Уездный предводитель дворянства Фёдор Андреич Отцов / Отцов – он – Отцов (4) – помещик – предводитель – Отцов (2) («Дочь Альбиона»)

19. Помещик отставной штаб-ротмистр Докукин / Докукин (4) – он – Докукин (6) – брат – Докукин (3) – он – Докукин (2) («Последняя могиканша»)

20. Женский бас / женский бас – дама лет сорока – барыня – она – дама – Олимпиада Егоровна (2) – дама – Олимпиада Егоровна – жена – Хлыкина – она – Хлыкина (2) – она – жена – супруга – она – жена (2) – Хлыкина («Последняя могиканша»)

21. Мужской тенорок / тенорок – маленький, худенький человечек – муж – человечек с красным носиком – человечек – муж – Досифей Андреич (4) – он (4) – Досифей (2) – Досифей Андреич («Последняя могиканша»)

22. Барышня лет восемнадцати / она – спящая девушка – она – девушка – она – девушка – она («Козел или негодяй?»)

23. Старичок из породы гоголевских мышинных жеребчиков / он – старец (2) – князь (2) («Козел или негодяй?»)

24. Молодая женщина лет двадцати трёх / женщина (2) – бледная женщина (2) – она – молодая женщина – женщина – Наталья Сергеевна – молодая женщина – бледная женщина – барыня – она (2) – бледная женщина – барыня – Наталья Сергеевна – барыня – она (3) – Наталья Сергеевна – она (2) – молодая женщина – жена – бледная женщина – она («В рождественскую ночь»)

25. Муж, помещик Литвинов / Литвинов (3) – муж, помещик Литвинов – муж – он (5) – муж (2) – он (3) – Литвинов (2) – он –

помещик – Литвинов (2) – он – Литвинов (2) – муж («В рождественскую ночь»)

26. Старик Шелестов / отец – старик Шелестов – он – старик – старик Шелестов – Шелестов – отец – он – старик – Шелестов – тесть – Шелестов – он («Учитель словесности»)

27. Дочь Маша / Маша Шелестова – она (5) – Манюся – она (5) – Манюся (2) – она – Манюся (2) – она – Манюся – она – Манюся (3) – она – Манюся (2) – она – Манюся – она – Манюся – она – Манюся (5) – она (3) – Манюся – она – Манюся – она – Манюся – она (3) – Манюся – она (3) – Манюся (5) – Маня (2) – молодое существо – Маня – Манюся – Маня (2) – сестра Маня – Маня (5) – она (7) – Маня – Манюся – она (11) – Маня – она (2) – Маня – она (2) – Маня (3) – она – Маня – Манюся – она («Учитель словесности»)

28. Андрей Андреевич Сидоров / Андрей Андреевич – он – Андрей Андреевич – он (2) – Андрей Андреевич – он (4) – Андрей Андреевич – он (5) – Андрей Андреевич – он – Андрей Андреевич – он (3) – Андрей Андреевич – он (7) – Андрей Андреевич – он (2) – Андрей Андреевич (2) – он (3) – Андрей Андреевич – он (3) («История одного торгового предприятия»)

29. Рыбкин, сотрудник газеты «Начихать вам на головы!», человек обрюзглый, сырой и тусклый / он – безумец – Рыбкин (2) – он – Рыбкин (4) («Два газетчика (Неправдоподобный рассказ)»)

30. Архип Елисеич Помоев, отставной корнет / Помоев (3) – он (3) – Помоев (3) – он – Помоев (4) – он – Помоев (8) – он (2) («Интеллигентное бревно»)

31. Помещик Нилов, плотный, крепкий мужчина, славящийся на всю губернию своей необыкновенной физической силой / Нилов (2) – он –

Нилов (2) – он – Нилов (2) – он – Нилов (3) – он – Нилов – он – Нилов – он (2) – Нилов (2) – он (2) – Нилов (3) – он – Нилов (3) – он – Нилов (3) – он (13) – Нилов – он – Нилов – он – Нилов – он (5) – Нилов – он – Нилов (4) – он (5) – Нилов – он (2) («Волк»)

32. Следователь Куприянов / следователь (6) – он (2) («Волк»)

33. Секретарь земской управы Грязнов / Грязнов (2) – он – секретарь управы – он (3) – Грязнов – он – Грязнов – секретарь (2) – Грязнов – секретарь – Грязнов – секретарь – Грязнов – секретарь – он – Грязнов (2) – секретарь – Грязнов – секретарь (2) – он (3) («В Париж!»)

34. Учитель уездного училища Лампадкин / Лампадкин (2) – педагог – Лампадкин – педагог (2) – Лампадкин – педагог (2) – Лампадкин – педагог (3) – Лампадкин – педагог (3) – Лампадкин – педагог (2) – он – педагог («В Париж!»)

35. Дмитрий Петрович Силин / он (11) – ее муж – муж – он (2) – Дмитрий Петрович (3) – он – Дмитрий Петрович (2) – Силин – Дмитрий Петрович – он – Дмитрий Петрович (2) – он (5) – Силин – Дмитрий Петрович – он (5) – муж (2) – Дмитрий Петрович – он (3) – Дмитрий Петрович (3) – он (10) – Дмитрий Петрович (2) – («Страх (рассказ моего друга)»)

36. Жена / его жена, Мария Сергеевна – она (3) – эта молодая, красивая и изящная женщина – она (6) – высокая, стройная блондинка, бледнолицая, всегда нарядная, пахнущая какими-то особенными духами, похожими на мускус – она – Мария Сергеевна – она (4) – жена – Мария Сергеевна – она (6) – Мария Сергеевна – она (2) – жена – она (2) – это прекрасное создание – она (8) – Мария Сергеевна – она (11) – его жена («Страх (рассказ моего друга)»)

37. Иван Алексеевич Огнев / он (4) – Огнев – Иван Алексеич – Огнев – молодой человек – он – Огнев (2) – он – Огнев – он – Иван Алексеич – Огнев (3) – он – Огнев – он (2) – Огнев (4) – он (4) – Огнев – он – Огнев – он – Огнев – он – Огнев – он (6) – Огнев – молодой человек – он (2) – Иван Алексеич – он (2) – Огнев – Иван Алексеич – Огнев (2) – Иван Алексеич – он (2) – Огнев (2) – Иван Алексеич – Огнев (2) – он – Огнев – Иван Алексеич – он (4) – Огнев – он (5) – Иван Алексеич – Огнев – он (4) – Огнев – он (17) – Огнев – он (2) – Огнев – он (2) – Огнев (2) – он – Огнев – он (9) – Иван Алексеич – он (19) – Иван Алексеич – он (2) – Огнев – он (3) – Иван Алексеич («Верочка»)

38. Хозяин дома, Кузнецов, лысый старик с длинной седой бородой / старик – Кузнецов (2) – старик (2) – Кузнецов – старик (3) – Гавриил Петрович («Верочка»)

39. Его дочь / тёмная тень – дочь Кузнецова, Вера, девушка 21 года, по обыкновению грустная, небрежно одетая и интересная – Верочка – она – Верочка – Вера – Верочка – она (2) – Вера (4) – Верочка – Вера (2) – она (3) – Вера (2) – она (3) – Вера (2) – она – Вера – Верочка – Вера – девушка – она (2) – Вера (2) – она (4) – Вера – она (9) – Вера (3) – она (5) – Вера (3) – она – Вера – Верочка – Вера – она (2) – Вера – девушка – она – Вера (4) («Верочка»)

40. Ефрем Денисов / он – Ефрем (2) – он (3) – Ефрем (2) – он – Ефрем (10) – божий человек – Ефрем (2) – он – Ефрем (2) – он – Ефрем – он – Ефрем – он – Ефрем – он (3) – Ефрем (6) – он (2) – Ефрем (5) – он – Ефрем (2) – божий человек – Ефрем – он – Ефрем – он (3) – Ефрем (6) – он – Ефрем – старик – Ефрем – он (2) – Ефрем – он – Ефрем (3) («Встреча»)

41. Длинноногий мужик лет 30-ти / мужик – он (5) – странный мужик – Кузьма – он – Кузьма – он (2) – Кузьма – спутник – Кузьма (11) –

он – Кузьма – странный мужик – Кузьма (4) – он (3) – Кузьма – он (5) – Кузьма (4) – он – Кузьма (3) – он – Кузьма – он (5) – Кузьма (2) – он – Кузьма – он (2) – Кузьма (4) – он – Кузьма – он (4) – Кузьма – он (2) – вор – Кузьма (3) – он (6) – Кузьма – он (3) – Кузьма («Встреча»)

42. Федор Федорович Сигаев / он (4) – Сигаев (3) – он – Сигаев – он (5) – Сигаев – он (6) – Сигаев (2) – он – оскорбленный муж – он (4) – оскорбленный муж («Мститель»)

43. Жену / изменница (2) – она (2) – изменница – («Мститель»)

44. Пелагея Ивановна / Пелагея Ивановна (8) – мамаша – Пелагея Ивановна («Накануне поста»)

45. Муж / Павел Васильич – он – Павел Васильич – он (2) – Павел Васильич (2) – он – Павел Васильич (5) – муж – Павел Васильич (3) – он – Павел Васильич – он – Павел Васильич («Накануне поста»)

46. Степа, гимназист второго класса / Степа – тот – Степа – его сын – Степа (6) – он (2) – Степа («Накануне поста»)

47. Маленький, чрезвычайно тощий мужичонко в пестрядинной рубахе и латанных портах / он (2) – Денис (10) – он («Злоумышленник»)

48. Судебный следователь / следователь (4) – чиновник – следователь («Злоумышленник»)

49. Воротов / он (2) – Воротов – он – Воротов (3) – он – Воротов (2) – он (2) – Воротов – он (2) – Воротов – он (3) – Воротов – человек взрослый и очень толстый – Воротов – он – Воротов – он – ученик – Воротов – ученик – он (3) – Воротов – он (7) – Воротов – он (8) – Воротов – он (9) – Воротов (2) – он (2) – Воротов – он (7) – Воротов – он (4) – Воротов – он (2) («Дорогие уроки»)

50. Барышня / молодая, по последней моде, изысканно одетая барышня – она – учительница французского языка Алиса Осиповна Анкет – она – m-lle Анкет – она (12) – Алиса Осиповна – она (2) – m-lle Анкет – она – эта изящно одетая Алиса Осиповна – Алиса Осиповна – она – француженка (2) – она (3) – m-lle Анкет – Алиса Осиповна – она (4) – его учительница – она (3) – француженка – она (6) – француженка – она (14) – Алиса Осиповна – она (3) – Алиса – она (3) – Алиса (2) – она (4) – учительница – она (3) – изящная учительница – Алиса Осиповна – она (2) – учительница – она (2) – Алиса – она (4) – Алиса – она (2) («Дорогие уроки»)